ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2024, Том 4, № 11

Подписано к публикации: 30.11.2024

Главный редактор журнала

***Балута Анастасия Анатольевна**, доктор филологических наук, доцент*

Члены редакционной коллегии

***Атаев Борис Махачевич** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Богданова Ольга Владимировна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор*
***Биданок Марзият Мугдиновна** (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук*
***Гасанова Узлипат Усмановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Горшунов Юрий Владимирович** (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор*
***Гумовская Галина Николаевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Дергачева Ирина Владимировна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Епифанцева Наталия Глебовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Жирова Ирина Григорьевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Закирова Елена Сергеевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Захарова Виктория Трофимовна** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор*
***Зумбулидзе Ия Гурамовна** (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор*
***Ибрагимова Мариза Огланова** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент*
***Лисицкая Лариса Григорьевна** (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор*
***Лиходкина Ирина Александровна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Мазирка Ирина Олеговна** (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор*
***Маркова Елена Ивановна** (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук*
***Мощева Светлана Васильевна** (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент*
***Наджиева Флора Султан гызы** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Никитина Татьяна Геннадьевна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор*
***Окорокова Варвара Борисовна** (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор*
***Павлова Елена Касимовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Павлова Ольга Александровна** (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент*
***Рзаев Фикрет Чингиз оглу** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Рогалёва Елена Ивановна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент*
***Степанова Надежда Сергеевна** (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент*
***Султанбаева Хадиса Валиевна** (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент*
***Толкачев Сергей Петрович** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Цветова Наталья Сергеевна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент*

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.
Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2782-5329 (online)

E-mail: info@vfn-journal.ru
Сайт: https://vfn-journal.ru

© Вестник филологических наук, 2024

Содержание

Илунина А.А., Литвинова Л.А., Гурченко В.И.
Интертекстуальность как средство репрезентации социальной, феминистской, антиимпериалистической проблематики в романе Терри Пратчетта «Финт» 5-10

Исхакова К.В., Халиуллина Н.У.
Немецкие заимствования в английском языке 11-17

Собянина В.А.
Лингвистические и социолингвистические особенности немецкого языка мигрантов в Германии 18-27

Васильева Н.М., Слепцов П.А.
Особенности письменного освоения некодифицированных заимствованных слов в якутском языке 28-33

Еговцева М.А., Илларионов В.В.
Пространственный аспект в русских колыбельных песнях 34-38

Ресутова Э.И.
Национальные печатные СМИ как источник формирования общественно-политической лексики крымскотатарского языка конца XX века 39-44

Булгучева С.А., Дударова Л.М.
Типологически значимые характеристики лексико-семантических групп ментальных прилагательных русского и ингушского языков 45-52

Зорина М.В.
Обзор трендов в медиа 2024 года 53-57

Падиева Д.А.
Формально-семантической аспект интерпретации вводных элементов в структуре номинативного и эргативного предложения (на материале русского и ингушского языков) 58-64

Салманова П.М., Горбанева А.Н.
Эволюция социальной мысли в романах Л.Н. Толстого 65-68

Ли Юхань
Исследование формирования и путей распространения международного имиджа Китая в контексте инициативы «один пояс, один путь» 69-78

Лю Сяоя
Цветовая символика в повести А.П. Чехова «Дуэль» 79-86

Пакудина А.А.
Сравнительный анализ переводов сленга и разговорных выражений с английского языка на русский 87-91

Ройс Е.В.
Синтаксис среднеанглийского языка (на примере анализа порядка слов в сложных предложениях) 92-101

Абусаламова Д.А., Муртузалиева Е.А.
«Мысль семейная» в драме Л.Н. Толстого «Власть тьмы» 102-107

Верещагина К.А.
Разрушение образа «злого японца» на страницах «Записок в плену у японцев…» В.М. Головнина 108-114

Керимова Д.Ф.
Российская патриотическая поэзия: интертекстуальный анализ 115-119

Чжан Цяохуа
Предлог «за счет»: сочетаемость и семантика 120-125

Габибуллаева П.М., Арсакаева Х.С.
Роль языка фольклора в художественной прозе 126-130

Полховская Е.В., Рейнова А.В.
Пьеса Тома Стоппарда «Прыгуны» как философско-политическая сатира 131-137

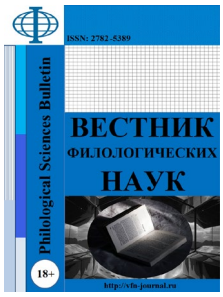
Адылханова Э.А., Ибрагимова П.А.
Пресс-службы и СМИ в социальных сетях: основные сходства и различия 138-143

Вяльсова А.П.
Парцеллированные деепричастные конструкции на границе языковой нормы и узуса 144-150

Коваева Б.М., Корнякова Д.Н., Манджиев А.Д., Сенькеева Э.А.
Художественный мир прозы А. Бадмаева (на материале романа «Там, за далью непогоды») 151-156

Реут Е.Н., Пашаева Т.Н.
Типология женских характеров. Тип «тургеневской девушки» 157-162

Шамсудинова Б.Ш., Нурбагандова Л.А.
Жанрово-тематические особенности телеканала ГТРК «Дагестан» 163-168



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов зарубежных стран (филологические науки)
УДК 821.111

[1] Илунина А.А., [1] Литвинова Л.А., [1] Гурченко В.И.

[1] Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова

Интертекстуальность как средство репрезентации социальной, феминистской, антиимпериалистической проблематики в романе Терри Пратчетта «Финт»

Аннотация: *в статье рассматривается творчество одного из самых популярных британских писателей начала XXI века Терри Пратчетта, мастера городского и исторического фэнтези. Объектом исследования является роман «Dodger» / «Финт» (2012), в центр которого Пратчетт ставит второстепенного персонажа романа Чарльза Диккенса «Оливер Твист», мальчика-воришку Джека Доукинса по прозвищу «Dodger» (Финт, Плут). Категория интертекстуальности в романах писателя уже неоднократно привлекала внимание ученых, однако, применительно к роману «Финт», еще не получила значительного внимания. В своей статье мы проследили, как ее репрезентация в произведении способствует привлечению внимания читателя к раскрытию социальной, постколониальной, феминистской, антиимпериалистической проблематики произведения. Особое внимание уделяется анализу образов мудрого еврея Коэна, прообразом которого являлся мошенник Фейгин в «Оливере Твисте», цирюльника Суини Тодда, главной героини романа Симплисити, которая разрушает стереотипы о поведении викторианской леди. Обращение к категории интертекстуальности помогает Пратчетту высказать свою негативную позицию в отношении всех форм насилия и национальных, гендерных стереотипов, придать своему произведению антиимпериалистическую интонацию. В статье применены культурно-исторический, интертекстуальный методы литературоведческих исследований.*

Ключевые слова: *интертекстуальность, фэнтези, постмодернизм, Диккенс, современная британская литература*

Для цитирования: Илунина А.А., Литвинова Л.А., Гурченко В.И. Интертекстуальность как средство репрезентации социальной, феминистской, антиимпериалистической проблематики в романе Терри Пратчетта «Финт» // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 5 – 10.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Ilunina A.A., [1] Litvinova L.A., [1] Gurchenko V.I.

[1] Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov

Intertextuality as a means of representing social, feminist, and anti-imperialist issues in Terry Pratchett's novel «Dodger»

Abstract: *the article examines the work of one of the most popular British writers of the early 21st century, Terry Pratchett, a master of urban and historical fantasy. The object of the study is the novel "Dodger" (2012), in the center of which Pratchett puts the minor character of Charles Dickens's novel Oliver Twist, the boy thief Jack Dawkins, nicknamed "Dodger". The category of intertextuality in the writer's novels has repeatedly attracted the attention of scientists, however, when applied to the novel "Dodger", it has not yet received significant attention. In*

our article, we have traced how its representation in the work contributes to the disclosure of the social, postcolonial, feminist, anti-imperialist problems of the work. Special attention is paid to the analysis of the images of the wise jew Cohen, the prototype of which was the swindler Feigin in Oliver Twist, the barber Sweeney Todd, the main female character of the novel Simplicity, who destroys stereotypes about the behavior of a Victorian lady. Referring to the category of intertextuality helps Pratchett express his negative attitude towards all forms of violence and national, gender stereotypes, and give his work an anti-imperialist intonation. The article uses cultural-historical, intertextual methods of literary research.

Keywords: *intertextuality, fantasy, postmodernism, Dickens, modern British literature*

For citation: IluninaA.A., Litvinova L.A., Gurchenko V.I. Intertextuality as a means of representing social, feminist, and anti-imperialist issues in Terry Pratchett's novel «Dodger». Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 5 – 10.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Актуальность исследования. Творчество одного из самых популярных английских писателей последних десятилетий Терри Пратчетта / Terry Pratchett (Sir Terence David John Pratchett) (1948-2015), в основном, связано с жанром фэнтези, преимущественно, городского фэнтези. Создатель цикла «Плоский мир» / «Discworld» (1983-2015), он является автором более семидесяти книг, вышедших тиражом более семидесяти миллионов экземпляров. За свою литературную деятельность Пратчетт был удостоен множества премий, в том числе, медали Карнеги (Carnegie Medal), а также титула Рыцаря.

Один из поздних романов Пратчетта «Dodger» / «Финт» (2012) несколько особняком стоит в творчестве писателя. По мнению литературных критиков, в отличие от большинства произведений писателя, он практически лишен черт жанра городского фэнтези, и его, скорее, можно связать с жанром «исторического фэнтези» [1] в викторианском антураже. Назвать роман историческим мешает «сказочная» интонация Пратчетта, которая, тем не менее, не мешает писателю затронуть в своем романе важные проблемы, на которых мы остановимся позднее.

Новизна исследования. В отечественной науке исследования творчества Пратчетта сосредоточены, прежде всего, на определении жанровых связей его произведений с романами «фэнтези» [2-4], проблемах перевода [5-6], языковом своеобразии его творчества [7]. Хотя важности категории интертекстуальности в творчестве Пратчетта уже уделялось внимание в ряде научно-исследовательских статей [8-12], роман «Финт», в этой связи, пока не становился предметом исследования, что, наверно, не удивительно, учитывая, в том числе, масштабы творческого наследия писателя.

Цели и задачи исследования. Выявить, как интертекстуальные связи романа Пратчетта «Финт» позволяют писателю репрезентовать социальную, постколониальную, феминистскую, антиимпериалистическую проблематику.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования является роман Т. Пратчетта «Финт». В качестве материала исследования избрана интертекстуальность произведения как средство манифестации социальной, постколониальной, феминистской, антиимпериалистической проблематики произведения. В качестве материалов исследования используются культурный, исторический, интертекстуальный методы литературоведческих исследований.

Результаты и обсуждения

В центр своего романа Пратчетт ставит второстепенного персонажа романа Ч. Диккенса «Оливер Твист», мальчика-воришку Джека Доукинса (Jack Dawkins), по прозвищу «Ловкий плут» («Artful Dodger»), который приводит главного героя произведения в логово мошенника Фейгина (в ряде русских переводов Фейджина) (Fagin) и, в дальнейшем, играет роль в его злоключениях.

Однако неслучайно в российском издании романа прозвище героя было переведено не как «плут», а как «финт». Если в романе Диккенса Джек, в нравоучительном ключе, в наказание за свои проступки осужден на этапирование в Австралию, в произведении Пратчетта его ждет другая судьба. Нельзя сказать, что Диккенс совсем не сочувствует своему герою, однако, следует отметить, что, в целом, образ, созданный им, рисует Джека, скорее, в негативном свете и акцентирует внимание на его недостатках. Так, при описании персонажа Диккенс использует такую лексему, как «ugly» («уродливый»). В художественной системе Диккенса внеш-

ность является отражением внутренней сущности персонажа. То, что герой встал на путь порока и упорствует, не сходя с него, определяет отношение к нему писателя-викторианца.

В то же время, в отличие от гипер-положительного, прекраснодушного и несколько «пресного» Оливера Твиста, который, во многом, в том числе, и в силу возраста, является игрушкой в руках как других людей, так и высших сил, Джек Доукинз привлекает внимание современных авторов фэнтези своей энергичностью, решительностью, активной позицией, стремлением не пасовать перед жизненными испытаниями. Так, Финт-Плут становится героем романа Тони Ли / Tony Lee (род. 1970) «Плут и Твист» / «Dodge & Twist» (2011), события которого происходят спустя двенадцать лет после событий «Оливера Твиста». Оливер и Финт-Плут вместе планируют дерзкое похищение бриллианта Кох-и-Нор во время знаменитой промышленной выставки 1851 года и сражаются с призраком Фейгина. В романе Питера Дэвида / Peter David (род. 1956) «Ловкий» / «Artful» (2014) титульный герой вступает в противоборство с вампирами, которых возглавляет Фейгин.

Некоторое влияние плутовского романа исследователи отмечают уже в «Оливере Твисте», однако, в романе Пратчетта оно, очевидно, более значительно. «Финт» представляет собой остроумный парафраз сенсационного, ньюгейтского, детективного романов, обильно сдобренный характерным пратчеттовским юмором. Предсказуемо, в тексте Пратчетта присутствует большое количество каламбуров, связанных с обыгрыванием названий романов Диккенса («Тяжелые времена», «Большие надежды» и т.д.). Многословные, описательные названия глав романа Пратчетта стилизованы под названия глав романов писателей прошлого, прежде всего, конечно, Диккенса.

Если в романе Диккенса Финт промышляет, в основном, мелким воровством, Пратчетт делает основным его занятием «тошерство» («toshery»). Следует отметить, что в романах последних десятилетий, действие которых отнесено к викторианской эпохе, этому достаточно экзотичному, с точки зрения современного читателя, занятию – поиску в канализации ценных вещей – уделяется много внимания.

Дождливым вечером Финт случайно становится свидетелем того, как сильно избитую девушку выбрасывают из кареты. Пытаясь ей помочь, он встречается с журналистом Чарльзом Диккенсом, а также его другом Генри Мейхью. Финт поневоле оказывается вовлеченным в водоворот политических интриг, в которых замешаны знаковые лица викторианской эпохи. В романе Пратчетта читатель встретит много персонажей, которые имеют исторических прототипов. Кроме уже упомянутых, это королева Виктория, политики Бенджамен Дизраэли, Роберт Пиль, известная благотворительница Анджела Бердетт-Куттс, ученый Чарльз Дарвин, инженер Джозеф Базалджет. В то же время, Пратчетт сознательно допускает в своем романе значительные хронологические расхождения с реальными событиями прошлого.

Образ Фейгина в «Оливере Твисте» стал предметом обширных дебатов по поводу возможного антисемитизма Диккенса, которые начались уже при жизни писателя и, в дальнейшем, не прекращались. В романе нарочито подчеркивается этническая и религиозная принадлежность героя: в его отношении лексема «еврей» («the jew») в первых 38 главах 257 раз, «Фейгин» («Fagin») и «старик» («the old man») – 42 раза [13]. Диккенс, достаточно хорошо знакомый с жизнью лондонского «дна», парировал, что в описываемое в романе время большая часть представителей преступного сословия была евреями [14]. Писатель отмечал, что не питал к евреям никаких чувств, кроме дружеских, никогда не высказывался о них плохо ни публично, ни в личном разговоре. Впрочем, не следует списывать со счетов то, что подобные мысли он высказывал в переписке со своей знакомой, женой еврейского банкира Джеймса Дэвиса, купившего у Диккенса дом, Элизой Дэвис, которая первоначально и обвинила писателя в том, что созданный им образ очерняет евреев. В переписке с другими лицами Диккенс часто упоминает своих знакомых в контексте из религиозной и национальной принадлежности, некоторые его высказывания, особенно в условиях изменившегося культурного контекста, можно счесть националистскими и расистскими. Как пишет в эссе, посвященном Джордж Элиот, К.М. Ньютон, отражая современную точку зрения на этот вопрос, «большинство писателей викторианской эпохи можно, в той или иной степени, считать расистами <…> у многих из них антисемитизм был наиболее очевидной формой расизма» [15, с. 654].

Как отмечает исследователь И. Хоуи, Фейгин в романе выступает как архетип еврейского злодея, сравнивается со змеей («reptile»; «serpent») (символом Дьявола); он рыжеволос, как Иуда, предавший Христа. Мнение, что в образе Фейгина присутствуют антисемитские черты, на данный момент достаточно распространено. Следует отметить, что в последних прижизненных изданиях романа Диккенс значительно сократил упоминание национальной и религиозной принадлежности Фейгина, особенно, в последних главах своего произведения. Элиза Дэвис в благодарность даже подарила писателю еврейское издание Ветхого Завета. В более позднем романе «Наш общий друг» / «Our Mutual Friend» (1865), как бы

в противовес Фейгину, писатель вывел образ «доброго» еврея Райа (Mr Riah), который бескорыстно помогал бедным найти работу.

«Смена парадигмы» в отношении к евреям и, соответственно, к тому, как в современной литературе и искусстве трактуются персонажи классической литературы еврейской национальности, нашла свое отражение и в современном искусстве и беллетристике. Так, в графическом романе Уилла Айснера / Will Eisner (1917-2005) «Еврей Фейгин» / «Fagin the Jew» (2003) события «Оливера Твиста» передаются в версии титульного героя. В последний его день перед казнью с ним беседует журналист Чарльз Диккенс, которому Фейгин рассказывает о своей жизни.

В романе Пратчетта наставником Финта становится часовщик и ювелир Соломон Коэн (Solomon Cohen), бежавший от преследований в России и много путешествовавший по Европе. Жена Соломона погибла во время погрома. Интертекстуальные параллели подтверждаются и тем, что Коэн так же, как и Фейгин у Диккенса, называется «старый еврей» («old Jew»). Соломон учит Финта правилам гигиены, в популярной форме знакомит его с достижениями науки, философии. Несмотря на еврейство, Соломон исповедует либеральные взгляды и входит в масонскую ложу.

Таким образом, роман касается темы антисемитизма и, взамен архетипного «еврейского злодея», предлагает читателю не менее стереотипный, по сути, образ «мудрого еврея», более востребованный в современной культурной ситуации.

Одним из героев романа Пратчетта становится также Суини Тодд (Sweeny Todd). Этот вымышленный персонаж появился впервые в серии рассказов в жанре «бульварных ужасов» («penny dreadful») в издании «People's Periodical and Family Library» «Жемчужная нить» / «The String of Pearls» (1846-1947) (в числе наиболее вероятных авторов называют Джеймса Малколма Раймера / James Malcolm Rymer, Томаса Пекетта Преста / Thomas Peckett Prest, Эдварда П. Хингстона / Edward P. Hingston, Джорджа МакФаррена / George Macfarren, Альберта Ричарда Смита / Albert Richard Smith) (подробнее см. [16]). Согласно городской легенде, Суини Тодд был цирюльником, жившим в Лондоне, на Флит-стрит, который убивал посетителей, либо посредством нажатия на потайной рычаг под креслом, вследствие чего жертва падала в подпол и ломала себе шею, либо перерезая ей горло бритвенным лезвием. Затем он забирал у них все ценные вещи, а его сообщница г-жа Ловетт, владелица пекарни по соседству, помогала ему избавляться от трупов, делая из них начинку для мясных пирогов. Споры о том, имеют ли эти истории под собой реальную основу, до сих пор не прекращаются [17].

В пьесе британского драматурга Кристофера Бонда / Christopher Bond «Суини Тодд, демон-цирюльник с Флит-стрит» / «Sweeney Todd, The Demon Barber of Fleet Street» 1973 года, легшей в основу знаменитого мюзикла, главный герой получил предысторию. Несправедливо обвиненный влюбленным в его жену судьей Турпином, Бенджамин Баркер был осужден на работы в колониях сроком на пятнадцать лет. Вернувшись в Лондон под именем Суини Тодда, он пытался отомстить судье, а, когда его постигла неудача, стал мстить и всему миру, совершив череду жестоких убийств. В конце пьесы ему все-таки удается воплотить свой замысел в отношении судьи Турпина, однако, по незнанию, он смертельно ранит и свою собственную жену, которую, со слов г-жи Ловетт, считал умершей. В отчаянии он убивает и г-жу Ловетт, но и сам гибнет от рук ее помощника. Таким образом, Бонд прописывает мотивацию действий Суини Тодда, которая позволяет представить его не просто маньяком, но и, в некотором смысле, жертвой сложившихся обстоятельств, мстителем по типу Жана Вальжана или графа Монте-Кристо, что закономерно вызывает определенную симпатию к персонажу у читателя и зрителя. Удачная экранизация мюзикла по пьесе К. Бонда режиссером Томом Бертоном в 2007 году с участием Джонни Деппа в роли Суини Тодда и Хелены Боннем Картер в роли г-жи Ловетт имела большой зрительский успех и усилила интерес современной публики к истории Суини.

В романе Пратчетта преступления Суини Тодда, однако, связываются с посттравматическим стрессовым расстройством, развившимся у героя, принимавшего в качестве хирурга участие в военных действиях Англии против Наполеона. Ему кажется, что его посетители – это призраки погибших солдат, которых он не мог спасти. После того, как Суини был помещен в сумасшедший дом, Финт, у которого к тому моменту уже есть денежный капитал, делает все, чтобы облегчить его жизнь в Бедламе. Таким образом, «сумасшедший цирюльник с Флит-стрит» предстает еще более трагической фигурой, чем даже в пьесе К. Бонда. Безусловно, подобная трактовка отражает антимилитаристский и антиимпериалистический посыл, вложенный Пратчеттом в свое произведение.

Главная героиня романа (ее прозвище Симплисити («Simplicity») (англ. «простота»), Финт позднее меняет на Серепендипити «Serependipity» (англ. «прозорливость»), убедившись, что оно более соответствует ее характеру) становится жертвой семейного насилия и делает попытку оставить мужа, что, по моральным нормам того времени, было неприемлемо. Она пытается бежать и справедливо опасается, что, по закону,

семья Мейхью, в которой она укрывается, будет вынуждена выдать ее супругу. Героиня романа, несмотря на хрупкую внешность «ангела в доме», наделена не только недюженной моральной силой, но и физической ловкостью, которая поражает ее преследователей и ломает стереотипы читателей по поводу поведения женщины-викторианки.

В конце романа Финт, одержавший, вместе с Серендипити, победу над врагами, удостаивается аудиенции королевы Виктории и получает предложение стать ее секретным агентом. Возможно, если бы не тяжелая болезнь и последующий уход Пратчетта из жизни, роман «Финт» бы стал первым произведением целого цикла. Впрочем, в конце 2013 года был опубликован иллюстрированный «Путеводитель по Лондону Финта» / «Dodger's Guide to London», посвященный малоизвестным подробностям жизни викторианского мегаполиса – своеобразное дополнение к роману «Финт».

Выводы

Таким образом, в рамках жанра исторического фэнтези Пратчетту удается, посредством обращения к категории интертекстуальности, поднять вопросы, связанные с антисемитизмом, антивоенной и социальной проблематикой, положением женщины в викторианской Англии. Присущая роману «сказочная» интонация не мешает, а, скорее, помогает современному писателю однозначно высказать свою негативную позицию в отношении всех форм насилия и национальных, религиозных, гендерных стереотипов.

Список источников

1. Pratchett T. Dodger. Random House Children's Publishers UK, 2012. 31 p. URL: https://celz.ru/terry-pratchett/313986-dodger.html (дата обращения: 26.03.2024).

2. Авдеева Е.В. К вопросу о жанре «фэнтези» в творчестве Терри Пратчетта // Вестник Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Кафтанова. 2018. № 26. С. 18 – 22.

3. Гунарева Е.С. Творчество Терри Пратчетта в современной фэнтези-литературе // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 12 (68). С. 915 – 917.

4. Королева О.А. Демифологизация в художественном пространстве романа Т. Пратчетта «Пирамиды» // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1-2. С. 118 – 121.

5. Игнатович М.В. Переводы Т. Пратчетта: явление буквализма или культурной адаптации? // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2009. № 3 (26). С. 207 – 211.

6. Цыремпилон А.О. Стратегия перевода окказиональной лексики с позиций герменевтической теории // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (60). С. 179 – 181.

7. Авакумова И.А., Расюк Д.А. Функции каламбура в романах Т. Пратчетта // Инновационная наука. 2015. № 8-2 (8). С. 108 – 109.

8. Тананыхина А.О., Афанасьева Е.Г. Текстообразующий потенциал категории интертекстуальности в романах Терри Пратчетта // Научное мнение. 2014. № 9-1. С. 176 – 182.

9. Тананыхина А.О., Афанасьева Е.Г. Интердискурсивность как текстообразующий фактор в романах Терри Пратчетта // В мире научных открытий. 2014. № 11-10 (59). С. 4061 – 4071.

10. Крюкова Е.В. Из истории категории литературного палимпсеста: теория «белого знания» и «б-пространства» у Терри Пратчетта // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 48 – 57.

11. Крюкова Е.В. К вопросу о рецептивной стороне палимпсеста (на материале произведений Т. Пратчетта) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 39-2. С. 179 – 187.

12. Кульков А.Н. Интертекстуальность романа Т. Пратчетта «Маскарад» // Известия Уральского Федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 3. С. 186 – 198.

13. Lebrecht N. How racist is Oliver Twist? // La Scena Musicale. 29 September 2005. URL: http://www.scena.org/columns/lebrecht/050929-NL-twist.html (date of access: 16.07.2024).

14. Howe I. Introduction // Dickens Ch. Oliver Twist. Random House Publishing Group, 2005.

15. Newton K.M. George Eliot and Racism: how one should read «The Modern Hep! Hep! Hep!» // The Modern Language Review 2008. No. 103 (3). 654 p.

16. Mack R.L. The Wonderful and Surprising History of Sweeney Todd: The Life and Times of an Urban Legend Bloomsbury Publishing PLC 2007. 375 p.

17. Haining P. The Mystery and Horrible Murders of Sweeney Todd, The Demon Barber of Fleet Street. London Boxtree, 1993. 172 p.

18. Duff O. Sweeney Todd: fact or fiction. The Independent. 3 January 2006. URL: http://www.independent.co.uk/news/media/sweenet-todd-fact-or-fiction-6112800.html (дата обращения: 26.03.2024).

References

1. Pratchett T. Dodger. Random House Children's Publishers UK, 2012. 31 p. URL: https://celz.ru/terry-pratchett/313986-dodger.html (date of access: 26.03.2024).
2. Avdeeva E.V. On the issue of the fantasy genre in the works of Terry Pratchett. Bulletin of the Khakass State University named after N.F. Kaftanov. 2018. No. 26. P. 18 – 22.
3. Gunareva E.S. Terry Pratchett's works in modern fantasy literature. Modern scientific research and innovation. 2016. No. 12 (68). P. 915 – 917.
4. Koroleva O.A. Demythologization in the artistic space of T. Pratchett's novel "Pyramids". Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. 2012. No. 1-2. P. 118 – 121.
5. Ignatovich M.V. Translations of T. Pratchett: the phenomenon of literalism or cultural adaptation? Scientific notes of the Transbaikal State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky. 2009. No. 3 (26). P. 207 – 211.
6. Tsyrempilon A.O. Strategy of translation of occasional vocabulary from the standpoint of hermeneutic theory. Philological sciences. Questions of theory and practice. 2016. No. 6-1 (60). P. 179 – 181.
7. Avakumova I.A., Rasyuk D.A. Functions of puns in the novels of T. Pratchett. Innovative science. 2015. No. 8-2 (8). P. 108 – 109.
8. Tananykhina A.O., Afanasyeva E.G. Text-forming potential of the category of intertextuality in the novels of Terry Pratchett. Scientific opinion. 2014. No. 9-1. P. 176 – 182.
9. Tananykhina A.O., Afanasyeva E.G. Interdiscursivity as a text-forming factor in Terry Pratchett's novels. In the world of scientific discoveries. 2014. No. 11-10 (59). P. 4061 – 4071.
10. Kryukova E.V. From the history of the category of literary palimpsest: the theory of "white knowledge" and "b-space" in Terry Pratchett. New Philological Bulletin. 2020. No. 2 (53). P. 48 – 57.
11. Kryukova E.V. On the receptive side of the palimpsest (based on the works of T. Pratchett). Bulletin of the RSUH. Series: Literary criticism. Linguistics. Cultural studies. 2020. No. 39-2. P. 179 – 187.
12. Kulkov A.N. Intertextuality of T. Pratchett's novel "Masquerade". Bulletin of the Ural Federal University. Series 2: Humanities. 2021. Vol. 23. No. 3. P. 186 – 198.
13. Lebrecht N. How racist is Oliver Twist? La Scena Musicale. 29 September 2005. URL: http://www.scena.org/columns/lebrecht/050929-NL-twist.html (date of access: 16.07.2024).
14. Howe I. Introduction. Dickens Ch. Oliver Twist. Random House Publishing Group, 2005.
15. Newton K.M. George Eliot and Racism: how one should read "The Modern Hep!" Hep! Hep!". The Modern Language Review 2008. No. 103 (3). 654 p.
16. Mack R.L. The Wonderful and Surprising History of Sweeney Todd: The Life and Times of an Urban Legend Bloomsbury Publishing PLC 2007. 375 p.
17. Haining P. The Mystery and Horrible Murders of Sweeney Todd, The Demon Barber of Fleet Street. London Boxtree, 1993. 172 p.
18. Duff O. Sweeney Todd: fact or fiction. The Independent. 3 January 2006. URL: http://www.independent.co.uk/news/media/sweenet-todd-fact-or-fiction-6112800.html (date of access: 26.03.2024).

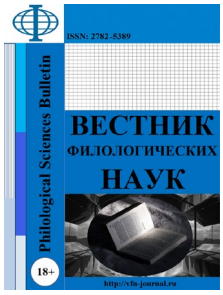
Информация об авторах

Илунина А.А., *кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, ailunina@yandex.ru*

Литвинова Л.А., *доцент, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, ailunina@yandex.ru*

Гурченко В.И., *старший преподаватель, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, au-thor1@gmail.com*

© Илунина А.А., Литвинова Л.А., Гурченко В.И., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.111

[1] Исхакова К.В., [1] Халиуллина Н.У. ***[1] БГПУ им. М. Акмуллы***

Немецкие заимствования в английском языке

Аннотация: *статья посвящена исследованию немецких заимствований в английском языке, анализируя их влияние на лексический запас и культурный контекст. Во введении обоснована актуальность темы, связывающая заимствования с историческими периодами активного культурного обмена между Германией и англоязычными странами, особенно в XIX и XX веках. В качестве объекта исследования рассматриваются слова и фразы, пришедшие из немецкого в английский язык, а предметом — их адаптация и использование в английском языке. Цель работы – выявление степени влияния германизмов на английский язык и их культурное значение. В разделе материалов и методов описаны лексикографические и контекстуальные методы анализа, использованные для изучения источников и особенностей заимствований. Результаты показывают, что немецкие слова, такие как «doppelgänger», «schadenfreude» и «zeitgeist», сохраняют оригинальное значение и приобретают новые коннотации в англоязычном контексте. Подчеркивается, что заимствования не только обогащают английский язык, но и отражают культурные и исторические связи между народами. В заключении сделан вывод о важности изучения германизмов как средства понимания языкового обмена и культурных взаимодействий.*

Ключевые слова: *немецкие заимствования, английский язык, лексический обмен, культурное влияние, историческое значение, научные термины, музыкальные термины, философские концепции*

Для цитирования: Исхакова К.В., Халиуллина Н.У. Немецкие заимствования в английском языке // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 11 – 17.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Iskhakova K.V., [1] Khaliullina N.U. ***[1]Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla***

German loanwords in English

Abstract: *the article is devoted to the study of German loanwords in the English language, analyzing their impact on the lexical stock and cultural context. The introduction substantiates the relevance of the topic, linking borrowings with historical periods of active cultural exchange between Germany and English-speaking countries, especially in the XIX and XX centuries. The object of the study is the words and phrases that came from German into English, and the subject is their adaptation and use in English. The purpose of the work is to identify the degree of influence of Germanisms on the English language and their cultural significance. The materials and methods section describes lexicographic and contextual analysis methods used to study the sources and features of borrowings. The results show that German words such as "doppelgänger", "schadenfreude" and "zeitgeist" retain their original meaning and acquire new connotations in the English-speaking context. It is emphasized that borrowings not only enrich the English language, but also reflect cultural and historical ties between peoples. In conclusion, it is concluded that the study of Germanisms is important as a means of understanding language exchange and cultural interactions.*

Keywords: *German loanwords, the English language, lexical exchange, cultural influence, historical significance, scientific terms, musical terms, philosophical concepts*

For citation: Iskhakova K.V., Khaliullina N.U. German loanwords in English. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 11 – 17.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Актуальность изучения немецких заимствований в английском языке обусловлена несколькими факторами. Во-первых, многие из этих заимствований пришли в английский язык в период активного культурного и научного обмена между Германией и англоязычными странами, особенно в XIX и XX веках. В этот период Германия была одним из ведущих центров научного прогресса, культурных достижений и философской мысли, что способствовало интеграции немецкой лексики в английский язык. Во-вторых, германизмы помогают понять, как слова и выражения из одного языка могут адаптироваться к новому культурному и языковому контексту, сохраняя при этом свою оригинальную семантику и приобретая новые оттенки значения.

Объектом исследования являются немецкие заимствования в английском языке, то есть слова и фразы, которые пришли в английский язык из немецкого.

Предметом исследования являются конкретные примеры немецких заимствований, их влияние на английский язык, а также культурные и исторические контексты, в которых эти заимствования стали популярными.

Целью исследования является выяснение степени влияния немецких заимствований на английский язык, их роль в расширении лексического запаса и их культурное значение.

Задачи исследования включают в себя: определение источников немецких заимствований в английском язык; анализ значений и использования немецких слов и выражений в английском языке.

Практическая значимость исследования заключается в возможности более глубокого понимания влияния германизмов на английский язык и их роли в лексическом и культурном обмене между языками. Это знание может быть полезным для лексикографов, переводчиков, исследователей языковых контактов и всех, кто интересуется развитием и обогащением языка через культурное взаимодействие.

Немецкие заимствования в английском языке являются важной частью лексического обмена между этими двумя языками, который демонстрирует, как исторические, культурные и технологические связи могут способствовать обогащению словарного запаса. Влияние немецкого языка на английский произошло в различные исторические периоды, и многие немецкие слова, пришедшие в английский, относятся к таким областям, как наука, философия, культура, музыка, кулинария и технологии. Эти заимствования стали частью английского языка, сохраняя свое оригинальное значение и часто приобретая новые коннотации в контексте англоязычной культуры [5].

Немецкие заимствования в английском языке представляют собой интересный аспект лексического обмена между двумя языками, который показывает, как языковые и культурные контакты могут влиять на развитие и обогащение словарного запаса. Английский язык, как и многие другие языки, в процессе своего исторического развития заимствовал множество слов из немецкого языка. Эти заимствования появились в результате исторических, культурных, торговых и научных связей между англоязычными странами и германоязычными регионами [10].

Исторически, немецкое влияние на английский язык начало проявляться с периода позднего Средневековья и продолжилось в различные эпохи, особенно в XVIII и XIX веках. Одним из значительных факторов, способствовавших этому процессу, было развитие науки и техники, так как Германия была одним из ведущих центров научной мысли и изобретений. В то же время, культурные и торговые связи также сыграли важную роль в распространении немецких слов в английском языке.

Материалы и методы исследований

В работе использованы методы лексикографического анализа, сравнения и контекстуального анализа, что позволило выявить основные источники и особенности заимствований, а также их адаптацию в английском языке. Анализировались литературные и исторические источники, а также современные примеры использования германизмов в различных областях. Материалами для исследования послужили лексикографические источники, а также литературные произведения, научные статьи, кулинарные книги, музыкальные произведения, что позволило провести всесторонний анализ немецких заимствований в английском

языке. Эти материалы обеспечивают контекстуальное понимание происхождения, значения и использования германизмов в различных областях культуры и науки.

Результаты и обсуждения

Многие немецкие заимствования в английском языке связаны с конкретными областями, такими как музыка, философия, наука и технология. Одним из наиболее известных и широко используемых немецких заимствований является слово «doppelgänger». Это слово обозначает двойника или человека, который выглядит как другой человек, и часто используется в литературе и кино. Оно происходит от немецких слов «doppel» (два) и «gänger» (идущий). Это заимствование не только сохраняет свою оригинальную форму, но и передает нюансы значения, которые сложно передать через прямой перевод.

Другим значимым немецким заимствованием является слово «schadenfreude», которое описывает чувство удовольствия от чужого несчастья. Это слово также сохраняет свою оригинальную форму в английском языке и стало популярным благодаря своей точности в описании этого чувства, которое трудно выразить одним словом на английском.

В области науки и техники немецкий язык оказал значительное влияние на английский. Например, слова «übermensch» и «zeitgeist» пришли из немецкого языка и получили широкое распространение в философии и культурологии. «Übermensch» (сверхчеловек) используется для обозначения идеала человека, превосходящего обычные человеческие ограничения, как это описано в философии Ницше. «Zeitgeist» (дух времени) обозначает общую атмосферу или настроение определенной эпохи. Эти слова стали важными элементами в английском языке и часто используются для описания философских концепций и культурных тенденций [7].

В области музыки немецкие заимствования также играют значительную роль. Слова, такие как «waltz» (вальс) и «lied» (песня), пришли из немецкого языка и обозначают музыкальные формы и жанры, которые имеют глубокие корни в немецкой музыкальной традиции. Вальс, как танцевальная форма, приобрел популярность в Англии в XIX веке, и слово «waltz» вошло в английский язык с сохранением своего оригинального значения и формы.

Еще одним важным аспектом немецких заимствований в английском языке являются термины, связанные с военной и торговой сферой. Слова, такие как «kaput» (разрушенный) и «sturm und drang» (буря и натиск), были заимствованы в английский язык для обозначения конкретных концепций и явлений. «Kaput» стало популярным после Второй мировой войны и означает нечто, что вышло из строя или повреждено. «Sturm und drang» относится к движению в немецкой литературе и культуре, которое подчеркивало эмоциональные и индивидуалистические аспекты [6].

Кроме того, в английский язык были заимствованы слова, связанные с гастрономией и кулинарией. Примеры таких заимствований включают «sauerkraut» (квашеная капуста) и «bratwurst» (колбаса). Эти слова пришли в английский язык вместе с немецкими иммигрантами и стали частью кулинарной культуры в англоязычных странах, особенно в США.

Процесс заимствования немецких слов в английский язык также отражает более широкий процесс культурного обмена. Языковые заимствования являются свидетельством того, как различные культуры и страны влияют друг на друга и обогащают друг друга. Немецкие заимствования в английском языке – это не просто слова, это элементы культурного взаимодействия, которые показывают, как язык может служить средством для передачи идей, концепций и культурных ценностей [2].

Слово «zeitgeist» также пришло из немецкого языка и используется в английском для обозначения духа времени или общего настроения определенной эпохи. В немецком языке «zeit» означает «время», а «geist» – «дух». Это заимствование стало популярным благодаря своей способности описывать культурные и философские тенденции, характеризующие определенный период. Например, обсуждая особенности искусства и философии в разных исторических периодах, такие как «zeitgeist of the Enlightenment» (дух времени Просвещения), англоязычные авторы и критики часто используют это слово для передачи идеи о характере времени.

В области музыки немецкие заимствования также имеют значительное влияние на английский язык. Например, слово «waltz» обозначает танец в трехдольном размере, который стал популярным в Европе в XVIII и XIX веках. В немецком языке «Waltzer» означает «танцующий в вальсе», и это слово вошло в английский язык, когда вальс стал популярным в англоязычных странах. Вальс стал важной частью музыкальной культуры, и слово «waltz» сохраняет свою оригинальную форму и значение в английском языке [1].

Еще одним музыкальным заимствованием является слово «lied». В немецком языке оно означает «песня», и оно пришло в английский язык, чтобы обозначить определенный жанр немецкой камерной музыки, где музыка и текст соединены в песне. В английском языке «lied» часто используется для обозначения произведений, написанных в жанре немецкой песни, таких как lieder Густава Малера или Рихарда Вагнера.

Это заимствование позволяет точно указать на определенный музыкальный жанр, который имеет особое значение в контексте классической музыки.

Немецкие заимствования также встречаются в области философии и науки. Например, слово «übermensch» (сверхчеловек) пришло из философии Фридриха Ницше и используется в английском языке для обозначения идеала человека, который превосходит обычные человеческие ограничения. Ницше использовал этот термин для описания философского идеала, который выходит за рамки традиционных моральных и культурных норм, и это слово сохранило свое значение и форму в английском языке [3].

В области технологий и промышленности также можно найти множество немецких заимствований. Например, слово «kaput» пришло из немецкого языка и означает «сломанный» или «неработающий». В немецком языке «kaputt» используется для обозначения чего-то, что не функционирует, и это слово пришло в английский язык после Второй мировой войны, когда оно стало популярным в разговорной речи для описания сломанных предметов. Это заимствование используется в повседневной речи и сохраняет свое оригинальное значение.

В гастрономии немецкие заимствования также играют важную роль. Слова такие, как «sauerkraut» и «bratwurst», пришли в английский язык из немецкого, обозначая определенные блюда немецкой кухни. «Sauerkraut» означает квашеную капусту и используется в английском языке для описания этого традиционного немецкого гарнира. «Bratwurst» обозначает вид колбасы, которая также пришла в английский язык вместе с немецкими иммигрантами и стала популярной в англоязычных странах.

Слово «sturm und drang» (буря и натиск) пришло из немецкой литературы и культуры, чтобы обозначить художественное и философское движение, которое акцентировало эмоциональные и индивидуалистические аспекты. Это выражение стало частью английского языка для описания определенного периода в литературной и культурной истории.

Английский язык, как один из наиболее гибких и динамичных языков, накопил множество заимствований из различных языков, и германизмы составляют значительную часть этих заимствований. Германизмы – это слова и выражения, которые пришли в английский язык из германских языков, таких как немецкий, голландский и скандинавские языки. Эти заимствования не только расширяют лексический запас английского языка, но и добавляют оттенки значения, которые сложно выразить другими средствами [8].

Одним из ключевых аспектов германизмов является их влияние на различные области, такие как наука, культура, музыка, философия и кулинария. В каждой из этих областей германизмы играют важную роль в передаче специфических концепций и идей, которые часто не имеют точных аналогов в английском языке [10].

В научной и технической сферах немецкий язык оказал значительное влияние на английский, особенно в XIX и XX веках, когда Германия была одним из ведущих центров научного прогресса. Множество научных терминов и понятий пришло из немецкого языка, что отражает вклад немецких ученых в мировую науку. Например, слово «Übermensch» (сверхчеловек), которое вошло в английский язык через философию Фридриха Ницше, используется для обозначения идеала человека, который превосходит традиционные моральные нормы. Это слово, сохраняя свою оригинальную форму и значение, позволяет точно описать философские концепции, связанные с трансцендентностью и человеческим потенциалом [4].

В области музыки германизмы также играют важную роль. Слова «waltz» и «lied» пришли из немецкого языка и обозначают определенные музыкальные формы и жанры. «Waltz» (вальс), который обозначает танец в трехдольном размере, стал популярным в английском языке в XIX веке, когда вальс приобрел широкое признание в англоязычных странах. Это слово сохранило свою оригинальную форму и значение, отражая влияние немецкой музыкальной традиции на английскую культуру. «Lied», с другой стороны, обозначает жанр немецкой камерной музыки, где текст и музыка объединены в песне. В английском языке «lied» используется для обозначения произведений, написанных в этом жанре, таких как lieder Густава Малера и Рихарда Вагнера.

Культурное влияние германизмов также очевидно в философии и литературе. Например, слово «Zeitgeist», которое означает дух времени или общее настроение определенной эпохи, пришло из немецкого языка и стало использоваться в английском для описания культурных и философских тенденций. Это слово позволяет англоязычным пользователям точно передавать идеи о том, как определенные исторические и культурные обстоятельства формируют общественное сознание.

Для XX века характерно заимствование слов, связанных с военной сферой: gauleiter (гаулейтер), Storm troopers (члены штурмовой группы, штурмовики), blitzkrieg (блицкриг), bunker (бункер), Luftwaffe (Люфтваффе), Wehrmacht (вермахт). Очевидно, этот пласт заимствований сформировался в английском языке в связи с событиями Первой и Второй мировых войн [1].

Германизмы также имеют значительное влияние на кулинарный лексикон английского языка. Примеры таких заимствований включают слова «sauerkraut» и «bratwurst». «Sauerkraut» обозначает квашеную капусту и пришло в английский язык вместе с немецкими иммигрантами. Это слово стало частью кулинарной культуры англоязычных стран, особенно в США, где немецкие традиции и блюда получили широкое распространение. «Bratwurst», который обозначает вид колбасы, также пришел из немецкого языка и стал популярным в англоязычных странах, где он представляет собой один из символов немецкой кухни [9].

Процесс заимствования германизмов в английский язык часто сопровождается адаптацией и изменением значений слов в новом контексте. Это позволяет германизмам сохранять свою оригинальную семантику и при этом приобретать новые коннотации, соответствующие англоязычной культуре. Например, слово «kaput», которое пришло из немецкого языка и означает «сломанный» или «неработающий», стало популярным в английском языке после Второй мировой войны и используется для описания предметов, которые вышли из строя. Это заимствование сохраняет свою оригинальную форму и значение, добавляя в английский язык элемент немецкого культурного контекста.

Германизмы в английском языке являются важным примером того, как языки могут взаимно обогащать друг друга. Этот процесс происходит не только на уровне лексики, но и на уровне культурных концепций и идей. Заимствования из немецкого языка в английский показывают, как языковой обмен может способствовать развитию и разнообразию языка, позволяя точно передавать сложные идеи и специфические концепции.

Изучение германизмов помогает лучше понять, как языки взаимодействуют и как культурные обмены влияют на развитие языков. Эти заимствования не только обогащают словарный запас английского языка, но и отражают более широкий контекст культурных и исторических связей между народами. В результате, германизмы становятся важным элементом в понимании и изучении как английского языка, так и культурных взаимосвязей между англоязычными и германоязычными регионами.

Следовательно, германизмы представляют собой значительный и многослойный источник пополнения лексического состава английского языка. Эти заимствования обогащают язык, предоставляя новые средства для выражения идей и концепций, а также отражают сложные культурные и исторические связи между народами.

Таким образом, немецкие заимствования в английском языке демонстрируют глубокое и разнообразное влияние, которое немецкий язык оказал на английский. Эти заимствования охватывают множество областей, включая философию, науку, музыку, культуру и кулинарию, и показывают, как языковой обмен способствует обогащению и развитию словарного запаса. Каждое из этих слов сохраняет свою оригинальную форму и значение, предоставляя англоязычным пользователям возможность передать специфические концепции и идеи, которые иначе могли бы быть выражены только описательно. Языковое заимствование – это не только способ расширить словарный запас, но и отражение культурных и исторических связей между народами.

В заключение, немецкие заимствования в английском языке представляют собой интересный и многослойный феномен, который отражает исторические, культурные и социальные связи между Германией и англоязычными странами. Эти заимствования обогатили английский язык, добавив в него новые слова и выражения, которые стали неотъемлемой частью лексического запаса. Изучение этих заимствований помогает понять, как языки взаимодействуют друг с другом и как культурные обмены влияют на развитие языков.

Выводы

Изучение о немецких заимствованиях в английском языке подчеркивает, насколько многослойным и богатым является процесс языкового обмена между этими двумя языками. Немецкие заимствования в английском языке представляют собой не просто лексические элементы, а важные культурные и исторические вехи, которые демонстрируют глубокие связи между англоязычными и германоязычными странами. Эти заимствования обогатили английский язык, предоставив точные и выразительные средства для описания различных аспектов человеческого опыта.

Анализ немецких заимствований, таких как «doppelgänger», «schadenfreude», «zeitgeist», «waltz», «lied», «übermensch», «kaput», «sauerkraut» и «bratwurst», показывает, как слова из одного языка могут сохранять своё оригинальное значение и функциональность, при этом адаптируясь к новому языковому и культурному контексту. Эти заимствования, пришедшие из различных областей – от философии и науки до музыки и гастрономии – продемонстрировали, как язык может служить мостом между культурами, позволяя более точно и полно выражать идеи и концепции.

Вместе с тем, процесс заимствования отражает более широкий культурный и исторический контекст, который включает в себя торговые связи, научные достижения, культурные обмены и миграционные пото-

ки. Словарный запас английского языка, насыщенный немецкими заимствованиями, является свидетельством взаимодействия двух народов и их культурных влияний друг на друга.

В заключение, немецкие заимствования в английском языке не только обогащают лексический запас, но и помогают глубже понять культурные и исторические взаимосвязи между двумя языками. Они служат напоминанием о том, как языковой обмен может способствовать развитию и разнообразию языка, а также о важности сохранения и изучения лексических и культурных связей между различными языковыми сообществами.

Список источников

1. Варушкина А.В., Переходченко К.С., Панкова Т.Н. Немецкоязычные военные терминологические заимствования в английский язык в первой половине XX века (период мировых войн) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 1. С. 73 – 77.

2. Крупнова Е.С., Дмитриев А.В. Ассимиляция немецких заимствований в лексической системе современного английского языка (на материале англоязычных газет за ноябрь 2021 года) // Система знаний в вопросах развития науки и образования. 2021. С. 89 – 98.

3. Кузьминова А.П. Немецкие заимствования в английском языке // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики. 2021. С. 232 – 236.

4. Матасова О.В., Шаповалова О.Н., Уфимцева О.А. Германизмы как источник пополнения лексического состава английского языка. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 40 – 43.

5. Мельник П.В. Дискурсивные характеристики германизмов в современном английском языке // XXII Всероссийская научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета. 2020. С. 318.

6. Мурашко С.Ф., Рудакова С.В., Касатикова А.А. Влияние немецкого языка на современный английский язык // Разработка и применение наукоемких технологий в эпоху глобальных трансформаций. 2022. С. 133 – 136.

7. Осипян Б.Г., Ожегова Е.Ю. Немецкие заимствования в английском языке // XI Авдеевские чтения. 2023. С. 79 – 81.

8. Шехтман Э.Н. Немецкие заимствования и их ассимиляция в современном английском языке // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур. 2023. С. 151 – 154.

9. Ashrafova I. Phonetic and Lexical Characteristics of German Loanwords in English: A Study on Linguistic Adaptation and Cultural Influence // EuroGlobal Journal of Linguistics and Language Education. 2024. Vol. 1. No. 2. P. 44 – 50.

10. Imomkulov D. Comparative Analysis of German Loanwords in English // Journal of Foreign Languages and Linguistics. 2023. Vol. 6. No. 2. P. 201 – 210.

References

1. Varushkina A.V., Perekhodchenko K.S., Pankova T.N. German-language military terminological borrowings into English in the first half of the 20th century (the period of world wars). Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 73 – 77.

2. Krupnova E.S., Dmitriev A.V. Assimilation of German borrowings in the lexical system of modern English (based on English-language newspapers for November 2021). Knowledge system in the development of science and education. 2021. P. 89 – 98.

3. Kuzminova A.P. German borrowings in English. The role and place of linguocultural adaptation of a literary text in translation theory and practice. Translation strategies and tactics. 2021. P. 232 – 236.

4. Matasova O.V., Shapovalova O.N., Ufimtseva O.A. Germanisms as a source of replenishment of the lexical composition of the English language. Tambov: Gramota, 2019. Vol. 12. Iss. 2. P. 40 – 43.

5. Melnik P.V. Discursive characteristics of Germanisms in modern English. XXII All-Russian scientific and practical conference of Nizhnevartovsk State University. 2020. 318 p.

6. Murashko S.F., Rudakova S.V., Kasatikova A.A. The influence of the German language on the modern English language. Development and application of science-intensive technologies in the era of global transformations. 2022. P. 133 – 136.

7. Osipyan B.G., Ozhegova E.Yu. German borrowings in the English language. XI Avdeevskie readings. 2023. P. 79 – 81.

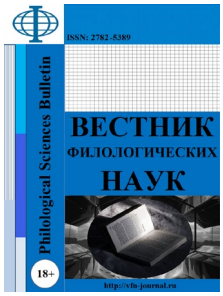
8. Shekhtman E.N. German borrowings and their assimilation in modern English. Issues of modern philology in the context of the interaction of languages and cultures. 2023. P. 151 – 154.
9. Ashrafova I. Phonetic and Lexical Characteristics of German Loanwords in English: A Study on Linguistic Adaptation and Cultural Influence. EuroGlobal Journal of Linguistics and Language Education. 2024. Vol. 1. No. 2. P. 44 – 50.
10. Imomkulov D. Comparative Analysis of German Loanwords in English. Journal of Foreign Languages and Linguistics. 2023. Vol. 6. No. 2. P. 201 – 210.

Информация об авторах

Исхакова К.В., *ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, kseniyaiskhakova@gmail.com*

Халиуллина Н.У., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра татарского языка и литературы, ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, nurkha@yandex.ru*

© Исхакова К.В., Халиуллина Н.У., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.112.2

[1] ***Собянина В.А.*** [1] ***Московский городской педагогический университет***

Лингвистические и социолингвистические особенности немецкого языка мигрантов в Германии

Аннотация: *в статье рассматриваются некоторые общие аспекты миграционного дискурса и миграционной лингвистики, анализируются языковые и социолингвистические аспекты языка мигрантов в Германии, а также исторические предпосылки появления этнолекта Kiezdeutsch, обладающего рядом грамматических, фонетических и лексических особенностей. В задачи исследования входило, прежде всего, описание лексической составляющей мигрантской речи на немецком языке и установление тематических групп и слов, типичных для языка мигрантов, говорящих на немецком языке.*

В процессе проведения исследования применялся описательный метод, метод контекстуального анализа, семантический метод для определения и характеристики значения слов.

Результаты работы вносят определенный вклад в исследование миграционного дискурса и миграционной лингвистики в целом. Материал исследования можно использовать на занятиях по практическому курсу немецкого языка, по лексикологии, на спецкурсах по языковым особенностям миграционного дискурса и социолингвистике.

Ключевые слова: *этнолект/этнодиалект, социолект, миграционный дискурс, Kiezdeutsch, миграционная лингвистика, языковые особенности*

Для цитирования: Собянина В.А. Лингвистические и социолингвистические особенности немецкого языка мигрантов в Германии // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 18 – 27.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] ***Sobyanina V.A.*** [1] ***Moscow City Pedagogical University***

Linguistic and sociolinguistic features of the German language of migrants in Germany

Abstract: *the article examines some general aspects of migration discourse and migration linguistics, analyzes linguistic and sociolinguistic aspects of the language of migrants in Germany, as well as historical background for the emergence of the Kiezdeutsch ethnolect, which has a number of grammatical, phonetic and lexical features. The objectives of the study included, first of all, a description of the lexical component of migrant speech in German and the establishment of thematic groups and words typical of the language of migrants speaking German.*

In the course of the study, a descriptive method, a method of contextual analysis, a semantic method for determining and characterizing the meaning of words were used.

The results of the work make a certain contribution to the study of migration discourse and migration linguistics in general. The research material can be used in classes on a practical course of the German language, on lexicology, on special courses on the linguistic features of migration discourse and sociolinguistics.

Keywords: *ethnolect/ethnodialect, sociolect, migration discourse, Kiezdeutsch, migration linguistics, language features*

For citation: Sobyanina V.A. Linguistic and sociolinguistic features of the German language of migrants in Germany. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 18 – 27.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

В настоящее время Германия является страной, разнообразной по своему национальному составу, в первую очередь за счет большого притока мигрантов. Проблема миграции обострилась с новой силой в Европе и в Германии еще в 2015 году в связи с войнами в странах Ближнего Востока – в Сирии, Афганистане и Ираке, а также в связи с обещанием бывшего канцлера ФРГ Ангелы Меркель ускорить процедуры предоставления мигрантам убежища и выделить большие финансовые средства на помощь беженцам. Это оказало влияние и на языковую ситуацию в Германии, так как, оказавшись в немецкоязычной среде, носители других языков, говоря на нем, преобразуют его с учетом особенностей собственного языка. Данные преобразования вызывают появление множества новых этнодиалектов немецкого языка, которые в свою очередь способны в некоторой степени оказать влияние на литературный немецкий язык, что вызывает обеспокоенность филологов, лингвистов и культурологов.

Данная статья посвящена исследованию лексических особенностей немецкого языка мигрантов на территории Германии (по большей части этнодиалекта, который носит название Kiezdeutsch), их лингвистической и социолингвистической характеристике. Под термином Kiezdeutsch понимается социолект переселенцев с миграционным прошлым, прежде всего, турецкого и арабского происхождения (Kiez в современном значении относится к обозначению жилых кварталов некоторых городов с большим количеством мигрантов – Берлин, Гамбург и др.). В лингвистике для обозначения такого рода социолектов используются термины этнолект, этнодиалект, социоэтнолект, которые употребляются в основном как синонимы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что миграционный кризис в Европейском союзе в данный момент не только не находит разрешения, но и усугубляется на фоне новой миграционной волны в Европу из различных стран арабского мира, Восточной Европы и Украины. По этой причине данная тема является не до конца изученной, несмотря на присутствие некоторых работ по данной тематике. Очередная миграционная волна дает новый повод для исследования, так как посредством изучения взаимовлияния нескольких языковых систем друг на друга, представляется возможным изучать процессы, происходящие в немецком обществе на почве межкультурного взаимодействия и находить пути разрешения назревающих в этой области проблем.

Целью данной статьи является выявление и описание особенностей языка мигрантов ФРГ, а также оценка уровня его влияния на современный немецкий язык посредством анализа аутентичных текстов немецкоязычной прессы, а также оригинальных онлайн-источников, представленных в немецкоязычном сегменте интернета.

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования послужили письменные источники, а также видеоматериалы, отобранные из социальных сетей немецкоязычного интернета, тематических сайтов, а также с немецких форумов. Найденные примеры будут использоваться в работе в оригинальной версии, без орфографической и грамматической корректировки.

В качестве основных методов исследования использовался контекстологический метод и метод семантического анализа для установления значения слова.

Научная новизна тематики заключается в описании лингвистических и социолингвистических особенностей языка мигрантов в Германии в связи с текущим обострением миграционного кризиса в Европе. Некоторые лексические аспекты влияния языка групп мигрантов на немецкий язык рассматриваются впервые.

Результаты и обсуждения

Изучение особенностей языка мигрантов, проживающих на территории Германии, а также его влияния на немецкий язык едва ли возможно без рассмотрения миграционных процессов, протекающих на территории Европы, и, в частности, в Германии, на протяжении последних столетий.

События, произошедшие в последние десятилетия, вызвали в Германии миграционный кризис, который в настоящее время не только не находит своего разрешения, но, напротив, только усугубляется с каждым годом, несмотря на множество мер, проводимых правительством ФРГ. После «Арабской весны» 2010 – 2011 гг. поток мигрантов увеличился в беспрецедентном масштабе: беженцы из стран Северной Африки, Аравийского полуострова и Ближнего Востока были вынуждены уезжать с территорий боевых действий,

подконтрольных террористическим группировкам. 2015 – 2016 гг. стали пиком миграционного кризиса. В Германию в этот период въехало более миллиона зарегистрированных беженцев, а в настоящее время более 1.5 миллиона человек в Германии говорят на арабском языке [14]. А в целом, по данным это же портала, в Германии сейчас проживает около 21, 2 млн. людей с миграционным прошлым [15].

Следует отметить, что Германия становится по разным причинам особенно привлекательным местом и для русской эмиграции. К 1921 г. в Берлине сконцентрировалось около 300 тыс. русских переселенцев [4, с. 3], по другим оценкам даже 560 тыс. человек [6, с. 270]. Стоит пояснить, что под «русскоязычным населением» Германии подразумеваются не только выходцы из России, но также и русскоязычные жители всего постсоветского пространства. По данным портала WDR, в Германии на данный момент проживает около 4 млн. русскоязычных переселенцев [16].

Таким образом, можно заключить, что русскоговорящая диаспора в Германии является достаточно обширной и заслуживает пристального внимания и исследования специалистов с точки зрения языковых особенностей [12]. После начала СВО количество русскоязычных переселенцев в Германии значительно увеличилось.

Однако, проблемой для властей европейских стран является не только экономическая составляющая большой финансовой нагрузки на граждан, но и проблемы, связанные с интеграцией в общество, прежде всего, мусульманского населения. Большая часть выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки мало контактирует с местным населением и зачастую сбивается в собственные этнические общины, что способствует еще большему отчуждению и препятствует ассимиляции. Это приводит к росту непонимания между коренным населением и населением с миграционным прошлым, что является благоприятной почвой для появления экстремистских идей в обществе. Кроме того, данные тенденции оказывают определенное влияние на язык мигрантов и определяют его воздействие на язык местного населения.

Актуальность изучения миграционного дискурса в современном мире не оставляет сомнений. Миграция влечет за собой не только культурный обмен между различными социальными и этническими группами, но и нередко вызывает обострение социально-политической обстановки, что, в свою очередь, приводит к увеличению числа конфликтных ситуаций внутри общества. Поскольку данная тематика чрезвычайно важна для немецкоязычного общества и весьма широко обсуждается в СМИ, то по многим признакам можно утверждать, что миграционный дискурс становится самостоятельным видом дискурса [10].

Кроме термина «миграционный дискурс» в лингвистике появился термин «миграционная лингвистика». Данное понятие употребляется исследователями, как термин, использующийся для обозначения научного направления, занимающегося изучением языковых изменений, вызванных к жизни разными аспектами миграционных процессов [5]. М.Р. Желтухина отмечает, что «миграционная лингвистика исследует постоянный или временный процесс трансформации языка, зависящий от категорий пространства, времени, мотивации, а также социокультурных факторов», ее основными задачами являются лингвистическое моделирование миграционных процессов, разработка значимых категорий миграционных процессов и теоретико-методологической базы [3].

Изучение миграционного дискурса представляет сегодня несомненный интерес, так как он затрагивает не только лингвистические аспекты, но и социальные, политические и культурологические, то есть в него входят различные виды дискурса. С одной стороны, мигранты стремятся адаптироваться в принимающей стране, принять язык и культуру титульной нации, однако, в то же время, в противоположность этому пытаются создать некий анклав (политический, культурный, языковой и т.д.), насаждать свою культуру и способствовать распространению своей религии, чуждой титульной нации.

Значительное количество лингвистических работ посвящено исследованию этнолекта немецкого языка Kiezdeutsch. Он является одним из самых распространенных социолектов и в основном образовался на основе турецкого, арабского и немецкого языков. Г.А. Баева и Л.Н. Замалтдинова определяют его как «социоэтнолект немецкого языка, объединивший в себе элементы языка турецких мигрантов и немецкого молодежного сленга, отражающий актуальные изменения в социуме и в языке» [2]. С.В. Маслечкина называет Kiezdeutsch «лингвистически творческим, грамматически новым языком, который использует молодёжь [7, с. 221]. Д.А. Петренко и Ю-К.Д. Кобзаева отмечают, что Kiezdeutsch является молодежным языком, который используют совершенно разные этнические группы, однако наиболее значительное влияние на него оказали именно турецкие и арабские мигранты [8, с. 121]. Сорокина Е.А. и Темнякова А.А. считают, что по своей природе Kiezdeutsch является так называемым Kanak-Sprak (Kanakensprache), «ломаным языком», который зародился в мультиэтнических районах Германии и изначально использовался для общения между коренными немцами и мигрантами. В последующее время данный этнолект начали использовать не только люди с миграционным прошлым, но и постепенно представители немецкой молодежи [11]. Более того, потсдамский профессор Хайке Визе выска-

зала сенсационную мысль, что Kiezdeutsch можно выделить как отдельный новый диалект немецкого языка и привела соответствующие доказательства своим предположениям в книге с соответствующим названием «Kiezdeutsch – ein neuer Dialekt entsteht» [13].

Немаловажную роль в распространении и популяризации данного этнолекта среди молодых людей сыграли различные медиа и Интернет, с помощью которых зрителям в комедийной форме рассказывалось о жизни турецких мигрантов, которые говорят на смеси немецкого и турецкого языков. Данные шоу популяризировали новый этнолект среди молодежи и способствовали его распространению. В настоящее время Kiezdeutsch уже является неотъемлемой частью молодежной культуры Германии, он имеет свои грамматические правила и собственную лексику. Таким образом, Kiezdeutsch не только расширил языковые возможности молодых людей, но и укрепил межэтнические связи и способствовал в какой-то степени интеграции турецких и арабских мигрантов в немецкое общество.

Особую роль в развитии этого энтолекта сыграл, в первую очередь, турецкий язык, поскольку турецкая диаспора является самой многочисленной во всей Германии. Таким образом, грамматические правила и категории существительных нередко заимствуются из турецкого языка. Так, например, по причине отсутствия категории рода у турецких имен существительных, мигранты стали склонны опускать определенный артикль у немецких существительных, а неопределенный сливать со словом, которое стоит перед ним. Например: „Hast du'n Handy?". Такое явление можно связать со стремлением к упрощению языка, к языковой экономии. Следующей особенностью является изменение падежных форм и форм числа имен существительных, а также, прежде всего, личных местоимений: «Sag ma kurz dein name». Особенно ярко стремление к упрощению грамматических форм прослеживается в употреблении глаголов. Например, распространенная фраза «es gibt» преобразуется в простое «gibs», а словосочетание «lass uns mal» становится одним словом «lassma» [1]. Отмечается также выпадение копулы или связки в предложении (Museum_weit weg), а также отсутствие в предложении предлога (ich kaufe bei EDEKA - ich kauf_EDEKA). Кроме того, выделяется неправильное образование формы глагола в Perfekt и Präteritum (fahren – gefahrt), а также формы множественного числа существительных (Spiegel – Spiegeln) [9].

Стоит упомянуть и некоторые фонетические особенности этнодиалекта Kiezdeutsch. Наиболее очевидной отличительной фонетической чертой является ритм стакатто, говорящие произносят звуки отрывисто и резко, /r/ в конце не вокализуется, а в начале произносится апикально. Д.А. Петренко и Ю-К.Д. Кобзаева считают, что среди молодежи такая особенность развилась вследствие влияния таких музыкальных направлений, как рэп и хип-хоп. Ударение в пределах предложения и отдельного слова смещается чаще всего в конец. Достаточно распространено редуцирование звука /ts/ до /s/. Например: Der junge war fünf jahre in knas. Kiezdeutsch также фонетически характеризуется редуцированием флексий, что в свою очередь также объясняется стремлением к языковой экономии. Например: ich sag dir. Не менее важным отличительным признаком является коронализация, что означает переход глухого небного [ç], так называемого Ich-Laut, в шипящий [ʃ]. Также наблюдается ослабление артикуляции гласных звуков, они произносятся более кратко, отсутствует оппозиция напряженных и ненапряженных гласных звуков, что схоже с фонетическими особенностями гласных турецкого языка, а это в очередной раз может подтвердить влияние этого языка на этнолект Kiezdeutsch. Звуки /p/, /t/, /k/ произносятся с чрезмерной аспирацией даже для немецких звуков [8]. Было установлено, что ассимиляция звуков часто происходит там, где она обычно отсутствует: ich schwör – ischwör. Также было замечено частое использование графонов, специального искажения графического или орфографического стандарта, с целью намеренного отражения индивидуальной или диалектной особенности произношения [9].

Лексические особенности данного этнодиалекта также заслуживают отдельного внимания. В речи мигрантов можно заметить использование большого количества прилагательных и наречий, различных интенсификаторов и семантически пустых слов – krass, konkret, korrekt, voll, что в целом нередко является особенностью молодежного языка. Отмечается интеграция новых слов из языков мигрантских групп и использование новых вспомогательных слов, так называемых Funktionswörter. Например, lan (Alter, Kumpel, Kerl): Isch will mit dir spielen, lan [9]. Е.А. Сорокина также отмечает использование заимствований из арабского языка, которые, однако, встречаются несколько реже, чем заимствования из турецкого. Эмоционально окрашенное слово „wallah" нередко встречается в речи молодых людей мигрантского происхождения в значении «клянусь» [11].

Этнодиалект Kiezdeutsch испытывает в основном влияние турецкого языка. По этой причине его лексический состав по большей части характеризуется словами турецкого происхождения. Однако, в Kiezdeutsch также присутствуют заимствования из арабского и других языков, хотя и в меньшей степени. Рассмотрим, какая специфическая лексика, присущая данному этнолекту, была обнаружена при анализе письменных и устных аутентичных источников. В процессе исследования материала были выявлены следующие тематические группы лексики.

Мифы занимают важную роль в культурной жизни исламского сообщества, они являются неотъемлемой частью культуры, поэтому в языке арабских мигрантов нередко встречаются следующие понятия: Dschinn (böser Geist), djan, majnun (verrückt), Iblis (böse Engel), waswasa, das Waswas (jemandem etwas einflüstern), Saytan (jene die das Maß überschreiten), Sihir (Magie). Дети мигрантов также вырастают с осознанием существования данных концептов, и это формирует их картину мира. Приведем некоторые примеры употребления лексических единиц данной тематической группы в контексте:

Dieses Waswas hat mein Glauben kaputt gemacht und mir meine Liebe zu meiner Religion weggenommen.

Nein böse engel sagt man nicht. Iblis ist was anderes und Dschinn ist was anderes verstehst du.

Meine mutter ist opfer von sihr wie finde ich jemanden der ihr hilft?

Религия занимает центральное место в жизни исламского сообщества Германии. Она остается основой жизни не только старшего поколения, но и молодых людей, поэтому обозначения различных религиозных явлений и атрибутики также часто встречаются в лексиконе мигрантов, говорящих на Kiezdeutsch: Halal («erlaubt»: bezeichnet nach islamischem Recht erlaubte Dinge), halal (используется в качестве существительного и прилагательного), Schahada («die Bezeugung»: islamisches Glaubensbekenntnis), Haram («verboten»: bezeichnet nach islamischem Recht verbotene Dinge), haram (используется в качестве прилагательного и существительного) Bid'a (eine Neuerung in der religiösen Praxis), Nafs («Seele»: beschreibt das Selbst bzw. das eigene Ego), Dhikr (Gedanken an Gott), Da'wa (Einladung zum Gebet), Iman – (Glaube), Du'a (das personliche Bittgebet), Zikir (Wiederholung von bestimmten Gebeten und Namen Allahs). Приведем примеры в контексте:

Dating ist haram. Ich stellt Haram sachen in haramform dar und versucht es süß und sympatisch rüberzubringen.

Des Auge wo ihr auf den baum gehängt habt ist haram.

Mit namaz macht man keinen Spaß das ist haram.

Für die Islamhasser, mein Vater ist als Muslim für mich das beste Beispiel. Er betet 5 mal am Tag und macht Abends Zikir, indem er sich hinsetzt mit seinem Tesbih und 1000 mal Allah zählt. Dazu kommt noch, dass wir uns Abends auch mit Cousin und Onkel hinsetzen und HATME machen. Das ist auch eine Art Zikir zu machen.

Еще одной тематической группой можно назвать обращения, слова, которые мигранты используют для обращения к приятелям или членам семьи: Baba (Vater), Digger, Digga, Diggi, Oida, Alter, Kumpel, Bruda (Freund, Genosse), Habibi (Liebling, bester Freund), Kizim (meine Tochter), Abla (ältere Schwester). Приведем примеры, найденные в аутентичных источниках:

Alter ich feier dich so Bruder mach weiter so.

Der is sooo geeil sein Kumpel auch muss sooo lachen.

HAHAHA digga ich will so gern mal eine Rolle bei euch spielen.

Omg meine Mama wenn ich weine "Hast du Liebeskummer, kızım?".

Gülcan abla Verdient ein Oscar, selbst wo sie lachen musste war sie.

Asel abla du bist so lustig)))))

Geil ahahah. ich verstehe alle Situationen, mein baba ändert sich immer.

Video wie immer lachkick habibi.

В качестве следующей тематической группы, пожалуй, самой обширной, выступают восклицания, которые используются в повседневной речи мигрантов, многие из которых имеют религиозный подтекст: aleikum wa salam, Salamu Aleikum («Friede sei mit dir!»: Arabische Grußformel), Yalla, Oallah («beeil dich!»), Yalla habibi (используется, чтобы попросить друга или члена семьи пойти с тобой и что-то сделать), mach keine Fitna! («mach keine Probleme»: Fitna от арабского: «сложные моменты, в которых проверяется вера человека»), Ma'a salama («mit Frieden»: используется для прощания), aywa («ja»: разговорное обозначение согласия, вошедшее в употребление среди молодежной среды, используется в разговорной речи, в среде сверстников и друзей), yani (das heißt), Sheesh (der Ausdruck starker Emotionen), Insha`allah («so Gott will»: gängige Redewendung, wird benutzt wie «hoffentlich»), tam («stimmt, genau»), selam, merhaba (приветствие), ne haber lan? (используется, чтобы узнать у собеседника, что нового), siktır lan (оскорбительное, пренебрежительное «убирайся, пошел вон»), amına koydum (с оскорбительным значением «отвали»), tövbe (используется для выражения сожаления или раскаяния), Mashallah! («was Gott will geschieht»: Ausdruck um Wertschätzung, Freude und Dankbarkeit für eine Sache oder Person auszudrücken), Vallah, Wallah! («bei Gott»: религиозная аккламация, использующаяся, чтобы лучше выразить свои эмоции, придать вес словам или для выражения радости и благодарности), Ich schwöre (используется в значении «я клянусь», но с несколько более сильным значением в молодежном языке, когда говорящий стремится, чтобы в правдивости его слов никто не сомневался и хочет непременно быть услышанным).

aleikum wa salam lieber Bruder das ist ein sehr schöner Hintergrund.

Aber du machst so… Ouallah, traurig… wegen der handysucht sonst kannst du das doch…

Bei den Fitness Junkies dachte ich ja endlich die Fitnacis. Wieso sind die nicht drin?
Wir komme gegen 16 Uhr, yani, und bringen die Kinder mit.
Habibi, InshaAllah, ich weiß nicht yani...
Hahah baba Video InshAllah 300K Abos! InshAllah kommt ein zweiter Teil.
Mashallah! Jeder geht seinem Lebenssinn nach... Möge Allah von euch annehmen!
Sehr schönes und hilfreiches Video Ma Shaa Allah, über einen zweiten Teil würde ich mich freuen.
Vallah Kriege Nervenzusammenbruch sind ehrlich Sachen die ich niiee sagen würde.
Wallah die Känäx werden immer lustiger.
Ich schwöre das lustigste Video was ich im Lockdown geschaut habe.
Ich schwöre halt dein Schnauze wenn du mit mir redest.

Кроме того, определенные философские понятия также могут обозначаться словами арабского или турецкого происхождения в языке мигрантов: Nafs («Seele»: beschreibt das Selbst bzw. das eigene Ego), mutlu («glücklich»: используется для выражения повседневных эмоций радости, а также как философское понятие), gurbet (Gefühl der Sehnsucht):

İrem hat die Illustrationsworkshops gehalten und ist ganz mutlu, dass sie teil der Maviblau Familie ist.

Поскольку иногда мигранты могут быть вовлечены в незаконную криминальную деятельность на территории Германии, в их речи можно встретить обозначения терминов, связанных с полицией и криминалом: Razzia (geheim geplante und somit vorbereitete polizeiliche Durchsuchung), Bobatz (Joint, Substanzen-Zigarette).

Следует отметить особую роль частицы so в речи мигрантов, которая часто присутствует как в центре предложения, а также в конце фразы. В немецком языке частица so мультифункциональна. Согласно словарю Duden, она имеет 9 значений, среди которых, например, она используется в качестве индикатора финальности, как интенсификатор, как маркер сравнения или результата. Рассмотрим, какие значения реализует частица so в социоэтнолекте Kiezdeutsch. Анализ практического письменного и устного материала показал, что частица so используется в следующих значениях:

1. Как заключительное утверждение после высказывания, часто выражает удовлетворение доведением определенного действия до конечного результата: so, jetzt fertig!
2. Как указание способа, процесса, состояния действия: Bin selber Südländer und frage mir wieso ist das so?
3. Как интенсификатор прилагательного: video ist so cool; es war so geil, oder?
4. Как отсылка к чему-то, ранее упомянутому в процессе речи: hast du so etwas mal gegessen? Also find ich fußball so was immer wieder klasse.
5. Как синоним слову solch: Aber inzwischen habe ich so ein Ausweis.
6. Как выражение неопределенности, когда говорящий не уверен в своих словах: mädchen war so nett so; 50 Euro oder so.
7. Как средство для заполнения пауз в потоке речи, когда говорящий не может подобрать слова: und äh imma so dings so halt so. В данном примере собирательное неопределенное существительное Dings используется в разговорной речи, чтобы заменить определенное существительное или имя, когда говорящий не может подобрать нужное слово в процессе речи. Таким образом, мы видим, что в данном контексте частица so не может указывать на определенное значение и не имеет какой-либо смысловой функции, а, значит, является семантически «пустым» словом.

Кроме того, было установлено, что лексический состав языка мигрантов наполнен английскими заимствованиями. Это связано с глобализационными языковыми процессами, с одной стороны, а с другой – с модой на английские слова у разных молодежных групп, включая мигрантов. Употребляя англоязычные слова, они легче понимают друг друга, что облегчает коммуникацию. Многие англицизмы имеют разговорный и эмоционально-экспрессивный характер. Приведем примеры:

Einen Döner, bitte" hat mich gekillt. В данном примере глагол killen образован от английского глагола kill («убивать»). Здесь наблюдается гибридное заимствование, когда слово образовано от английского корня, однако в немецком языке подвергается грамматической ассимиляции, то есть наделяется грамматическими признаками глагола, в данном случае образованной перфектной формой hat gekillt. В немецком молодежном языке слово приобрело значение «поразить, сразить наповал». В приведенном контексте человек, написавший комментарий, хотел выразить, что его рассмешил конкретный момент в видео:

So richtig… man wird einfach in einem Raum mit einer anderen Person gelassen und es kommt zu diesem Cringe Moment… Английское заимствованное слово cringe («стыд») приобрело в молодежной среде значение «испытывать чувство стыда за другого человека или из-за какой-то ситуации». В данном случае английское заимствование является в предложении прилагательным, однако оно не приобретает грамматические признаки немецкого прилагательного, поскольку отсутствуют соответствующие грамматические при-

знаки: окончания прилагательного после указательного местоимения diesem в Dativ. Кроме того, в проанализированном практическом материале данное слово нередко встречалось в качестве существительного мужского рода: der cringe ist meine goals.

Английская лексема hey также очень часто встречается в речи мигрантов, в том числе в сокращенной форме: ey. Например:

Hey leute, mögt ihr auch stulle? Данная лексема используется в качестве обращения, а также в качестве приветствия.

ICH WILL DIE OUTTAKES SEHN. Английское существительное outtakes со значением «часть фильма, не вошедшая в официально выпущенную версию», приобретает грамматические признаки немецкого существительного множественного числа – артикль die.

Omg das am Ende war am besten haha xDDD <3 macht weiter so ich feier euch! В данном случае английская аббревиатура omg (англ. «oh my God») используется, чтобы выразить эмоции более полно и показать восторг от видео.

Alter, ich würde auch gerne so eine temperamentvolle Freundin, wie Gülcan sie im letzten Clip spielt, haben wollen. Английское существительное приобретает грамматические признаки немецкого существительного мужского рода – der Clip.

Выражение «I feel you», заимствованное из английского языка также достаточно часто встречается в речи говорящих на этнодиалекте Kiezdeutsch. В молодежном сленге оно приобрело значение «das kann ich nachfühlen», под этим понимается, что человек полностью чувствует эмоции говорящего. Например:

Ich bin arabische Christin und dennoch habe ich die meisten Sprüche selber schon zu hören bekommen.)) girls ohne Kopftuch: I feel you.

Ich scrolle nichts ahnend durch die Youtube-Startseite und entdecke plötzlich Gelavije auf dem Thumbnail! Глагол scrollen, образованный от английского глагола scroll, приобрел в немецком языке в процессе заимствования его грамматические признаки, в данном случае окончание глагола 1 лица единственного числа и спрягается по правилам немецкого языка.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что носители Kiezdeutsch активно используют в процессе коммуникации англицизмы. Наиболее часто их употребление связано с желанием усилить экспрессивность и эмоциональность высказывания, в особенности в интернет-коммуникации. При анализе материала английские заимствования встречались достаточно часто, что позволяет сделать вывод об их широкой распространенности в речи носителей этнодиалекта Kiezdeutsch.

Кроме того, в языке мигрантов было отмечено использование модных слов, характерных в целом для немецкого молодежного языка: krass, Hammer, klasse, scheiß, voll, geil, mega, konkret, toll. Эти слова в речи молодых людей в основном осуществляют функцию экспрессивных интенсификаторов. Приведем примеры:

Hammer 100000000% mein Mann und ich.

Wie immer ein Hammerrr Video.

Ihr seid der Hammer MashaAllah.

Существительное der Hammer (дословно: «молоток») указывает на удивление или другие сильные эмоции. Оно используется в значении «крутой, классный».

Hi, Leute. Ihr seid einfach klasse, ich liebe euch. Genau mein Humor.

Scheiß mir die wand an und nen mich jocken NEH…

krass was ihr macht. mega gefallen!!!!!!!!!!!!

die schauspielerische Leistung ist soo krass gut...honestly.

Einfach zu geil!!!! Jetzt hab ich sie auch abonniert!!!

Tolles Video! Es ist einfach geil. LG aus Syrien)))

Выводы

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что этнолект Kiezdeutsch обладает уникальными грамматическими, фонетическими, а также лексическими особенностями. Грамматический аспект Kiezdeutsch характеризуется стремлением к упрощению языковых норм. Широко распространено явление выпадения связок, неопределенного артикля, редуцирование глагольных форм. Фонетика данного этнодиалекта примечательна редукцией различных звуков и флексий, фонетическая ассимиляция наблюдается там, где она нетипична для разговорной речи. Среди лексических особенностей можно выделить ряд специфических тематических груп и слов, характерных именно для этого этнолекта (мифы, религиозные понятия и др.).

Исследуемый этнолект в его лексическом аспекте характеризуется, прежде всего, большим количеством заимствованных слов, преимущественно из турецкого и арабского языков. Данные заимствования используются мигрантами в основном по причине лексических лакун в немецком языке, которые невозможно за-

полнить ввиду недостаточного владения мигрантами немецким языком, а также, когда лексика родного языка больше подходит людям миграционного происхождения для общения со сверстниками из мигрантской среды. Речь носителей Kiezdeutsch характеризуется частым употреблением различных экспрессивных интенсификаторов для передачи эмоций. Англицизмы, которые употребляют мигранты, как правило, носят интернациональный характер, а их использование облегчает коммуникацию, но в некоторых случаях является данью моде.

Следует также отметить тенденцию, когда молодые немцы (не мигранты) при общении со своими сверстниками используют некоторые слова, характерные для мигрантской речи, а порой умышленно нарушают грамматические и фонетические правила, что очень беспокоит филологов, но это, скорее всего, модная тенденция или попытка сблизиться с молодежной мигрантской средой. Оказывает ли это системное влияние на немецкий литературный язык, покажет время.

Рамки статьи не позволяют, к сожалению, более подробно остановиться на некоторых других особенностях этнодиалекта Kiezdeutsch. Также не представляется возможным рассмотреть в данной статье языковые особенности немецкого языка русскоязычного населения Германии, так как это требует отдельного анализа и послужит материалом для самостоятельной статьи.

Список источников

1. Акулова М.Е. К вопросу о роли англицизмов в молодежном мультиэтнолекте Kiezdeutsch // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-roli-anglitsizmov-v-molodezhnom-multietnolekte-kiezdeutsch/viewer (дата обращения: 15.07.2024).

2. Баева Г.А., Замалтдинова Л.Н. Формы проявления социоэтнолекта Kiezdeutsch в медиадискурсе // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-proyavleniya-sotsioetnolekta-kiezdeutsch-v-mediadiskurse/viewer (дата обращения: 21.07.2024).

3. Желтухина М.Р. Миграционная медиалингвистика: конфликт versus кооперация // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. 2019. С. 5 – 21.

4. Ильина Н.Л. Русская эмиграция в Веймарской Германии: социально-психологический портрет // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 6 (69). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-emigratsiya-v-veymarskoy-germanii-sotsialno-psihologicheskiy-portret/viewer (дата обращения: 22.07.2024).

5. Костева В.М. Дискурсы миграции в лингвистике // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. 2019. С. 46 – 52.

6. Марченко О.В. Российская эмиграция в Германии в межвоенный период // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15-16 апр. 2004 г. / отв. ред. В.Н. Сидорцов. Минск: БГУ, 2004. С. 269 – 270. URL: https://hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/konf/70_let/Marchenko.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

7. Маслечкина С.В. Грамматико-семантические особенности мультиэтнолекта Kiezdeutsch // Казанская наука. 2021. № 10. С. 221 – 223. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=47254263 (дата обращения: 21.07.2024).

8. Петренко Д.А., Кобазева Ю-К.Д. Kiezdeutsch – особенности и перспективы // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. 2019. С. 120 – 125. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41165628 (дата обращения: 21.07.2024).

9. Собянина В.А. К вопросу об исследованиях особенностей немецкого языка мигрантов в Германии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (42). С. 133 – 136. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22263819 (дата обращения: 08.07.2024).

10. Собянина В.А., Хохлова И.В. Языковая репрезентация миграции в немецких СМИ: монография. М., 2018. 152 с.

11. Сорокина Е.А., Темнякова А.А. Kiezdeutsch – диалект современного немецкого языка // Вестник Шадринского Государственного Педагогического Университета. 2021. № 2 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiezdeutsch-dialekt-sovremennogo-nemetskogo-yazyka/viewer (дата обращения: 21.07.2024).

12. Panagiotidis J. Postsowjetische Migration in Deutschland. Beltz Juventa. 2020. URL: https://www.beltz.de/fachmedien/soziologie/produkte/details/42790-postsowjetische-migration-in-deutschland.html (date of access: 13.07.2024).

13. Wiese H. Kiezdeutsch: Ein neuer Dialekt entsteht // Verlag C.H. Beck oHG. München. 2012. URL: https://beckassets.blob.core.windows.net/product/other/9324629/leseprobe_kiezdeutsch.pdf (date of access: 14.07.2024).

14. Destatis. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2018/09/PD18_329_122.html (date of access: 24.07.2024).
15. Destatis. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.html
16. WDR. URL: https://www1.wdr.de/nachrichten/russlanddeutsche-russland-deutschland-100.html. (date of access: 24.07.2024).
17. URL: https://youtu.be/0lPCl_3yOh0
18. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1J3CYBQigmk&ab_channel=dattelt%C3%A4ter
19. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gDlwEJzT2pQ&ab_channel=dattelt%C3%A4ter
20. URL: https://web.telegram.org/4aa227af-95ec-4471-acca-f335fd00efbc
21. URL: https://web.telegram.org/c342ee1a-e4ac-4f34-980c-2a8c27be547a
22. URL: https://www.maviblau.com/
23. URL: https://www.gutefrage.net/frage/was-kann-man-machen-wenn-man-von-einem-dschinn-verfolgt-wird
24. URL: https://www.gutefrage.net/frage/warum-werden-muslime-kanaken-genannt-also-tuerken-kurden-albaner-marrokaner-araber
25. URL: https://www.gutefrage.net/frage/wieso-stehen-maedels-auf-suedlaender-usw
26. URL: https://www.gutefrage.net/frage/warum-gibt-es-so-wenige-halb-tuerken
27. URL: https://www.gutefrage.net/frage/wesentlicher-unterschiedtuerkenkurdenafghanen-und-araber

References

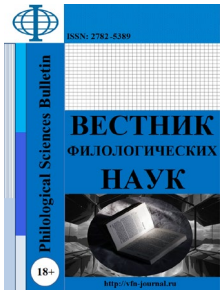
1. Akulova M.E. On the role of Anglicisms in the youth multiethnolect Kiezdeutsch. Philological sciences. Theoretical and practical issues. Tambov: Gramota, 2016. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-roli-anglitsizmov-v-molodezhnom-multietnolekte-kiezdeutsch/viewer (date of access: 15.07.2024).
2. Baeva G.A., Zamaltdinova L.N. Forms of manifestation of the socioethnolect Kiezdeutsch in media discourse. Bulletin of PNRPU. Problems of linguistics and pedagogy. 2018. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-proyavleniya-sotsioetnolekta-kiezdeutsch-v-mediadiskurse/viewer (date of access: 21.07.2024).
3. Zheltukhina M.R. Migration medialinguistics: conflict versus cooperation. Migration linguistics in the modern scientific paradigm: mediation practices: monograph. 2019. P. 5 – 21.
4. Ilyina N.L. Russian emigration in Weimar Germany: a socio-psychological portrait. Scientific notes of Oryol State University. 2018. No. 6 (69). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-emigratsiya-v-veymarskoy-germanii-sotsialno-psihologicheskiy-portret/viewer (date of access: 22.07.2024).
5. Kosteva V.M. Migration discourses in linguistics. Migration linguistics in the modern scientific paradigm: mediation practices: monograph. 2019. P. 46 – 52.
6. Marchenko O.V. Russian emigration to Germany in the interwar period. 21st century: current problems of historical science: materials of the international. scientific conf., dedicated to the 70th anniversary of the hist. faculty. BSU. Minsk, April 15-16, 2004. Ed. V.N. Sidorcov. Minsk: BSU, 2004. P. 269 – 270. URL: https://hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/konf/70_let/Marchenko.pdf (date of access: 10.07.2024).
7. Maslechkina S.V. Grammatical and semantic features of the Kiezdeutsch multiethnolect. Kazan science. 2021. No. 10. P. 221 – 223. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=47254263 (date of access: 21.07.2024).
8. Petrenko D.A., Kobazeva Yu-K.D. Kiezdeutsch – features and prospects. Foreign philology. Social and national variability of language and literature. 2019. P. 120 – 125. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41165628 (date of access: 21.07.2024).
9. Sobyanina V.A. On the issue of research into the peculiarities of the German language of migrants in Germany. Social and Humanitarian Sciences in the Far East. 2014. No. 2 (42). P. 133 – 136. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22263819 (date of access: 08.07.2024).
10. Sobyanina V.A., Khokhlova I.V. Linguistic representation of migration in German media: monograph. Moscow, 2018. 152 p.
11. Sorokina E.A., Temnyakova A.A. Kiezdeutsch – a dialect of the modern German language. Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. 2021. No. 2 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiezdeutsch-dialekt-sovremennogo-nemetskogo-yazyka/viewer (date of access: 21.07.2024).
12. Panagiotidis J. Postsowjetische Migration in Deutschland. Beltz Juventa. 2020. URL: https://www.beltz.de/fachmedien/soziologie/produkte/details/42790-postsowjetische-migration-in-deutschland.html (date of access: 13.07.2024).

13. Wiese H. Kiezdeutsch: Ein neuer Dialekt entsteht. Verlag C.H. Beck oHG. München. 2012. URL: https://beckassets.blob.core.windows.net/product/other/9324629/leseprobe_kiezdeutsch.pdf (date of access: 14.07.2024).
14. Destatis. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2018/09/PD18_329_122.html (date of access: 24.07.2024).
15. Destatis. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.html
16. WDR. URL: https://www1.wdr.de/nachrichten/russlanddeutsche-russland-deutschland-100.html. (date of access: 24.07.2024).
17. URL: https://youtu.be/0lPCl_3yOh0
18. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1J3CYBQigmk&ab_channel=dattelt%C3%A4ter
19. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gDlwEJzT2pQ&ab_channel=dattelt%C3%A4ter
20. URL: https://web.telegram.org/4aa227af-95ec-4471-acca-f335fd00efbc
21. URL: https://web.telegram.org/c342ee1a-e4ac-4f34-980c-2a8c27be547a
22. URL: https://www.maviblau.com/
23. URL: https://www.gutefrage.net/frage/was-kann-man-machen-wenn-man-von-einem-dschinn-verfolgt-wird
24. URL: https://www.gutefrage.net/frage/warum-werden-muslime-kanaken-genannt-also-tuerken-kurden-albaner-marrokaner-araber
25. URL: https://www.gutefrage.net/frage/wieso-stehen-maedels-auf-suedlaender-usw
26. URL: https://www.gutefrage.net/frage/warum-gibt-es-so-wenige-halb-tuerken
27. URL: https://www.gutefrage.net/frage/wesentlicher-unterschiedtuerkenkurdenafghanen-und-araber

Информация об авторах

Собянина В.А., *доктор филологических наук, профессор, кафедра германистики и лингводидактики, Институт иностранных языков ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москвы, valensob@mail.ru*

© Собянина В.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.512.157'35

[1] Васильева Н.М., [1] Слепцов П.А.

[1] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Особенности письменного освоения некодифицированных заимствованных слов в якутском языке

Аннотация: *настоящая статья посвящена описанию русских заимствований, не кодифицированных (не регламентированных) в «Орфографическом словаре якутского языка», изданного в 2015 году. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем на современном лексическом материале охарактеризованы заимствования из русского языка с неустоявшимся написанием, использован новый для якутского языкознания источник данных, как публикации в якутоязычных информационных интернет-сайтах. В зависимости от формы орфографического оформления выделены и описаны три основные группы не регламентированных в словарях заимствованных слов. По результатам анализа сделан вывод, что нерегламентированные заимствованные слова в основном передаются в фонетизированной форме с учетом правил якутской орфографии. Однако наблюдаются нарушения фонетических и орфографических норм якутского языка, порождающие различные варианты написания, обусловленные фонетико-орфографической неустойчивостью письменного освоения заимствованных слов.*

Ключевые слова: *якутский язык, интернет, якутская орфография, правила орфографии, некодифицированные (нерегламентированные) заимствованные слова.*

Для цитирования: Васильева Н.М., Слепцов П.А. Особенности письменного освоения некодифицированных заимствованных слов в якутском языке // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 28 – 33.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Vasilyeva N.M., [1] Sleptsov P.A.

[1] Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS

Peculiarities of written acquisition of uncodified borrowed words in the Yakut language

Abstract: *the present article is devoted to the description of Russian loanwords not codified (not regulated) in the "Orthographic Dictionary of the Yakut language" published in 2015. The scientific novelty of the study lies in the fact that it characterizes borrowings from the Russian language with unsteady spelling using modern lexical material, uses a new source of data for Yakut linguistics, such as publications in Yakut-language information websites. Depending on the form of spelling, three main groups of loanwords not regulated in dictionaries were identified and described. According to the results of the analysis, it is concluded that the non-regulated loanwords are mostly rendered in phoneticized form taking into account the rules of Yakut orthography. However, there are violations of the phonetic and orthographic norms of the Yakut language, giving rise to various variants of spelling, caused by phonetic and orthographic instability of the written assimilation of borrowed words.*

Keywords: *the Yakut language, Internet, Yakut spelling, spelling rules, uncodified (unregulated) borrowed words*

For citation: Vasilyeva N.M., Sleptsov P.A. Peculiarities of written acquisition of uncodified borrowed words in the Yakut language. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 28 – 33.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Заимствование – процесс усвоения одним языком слова, выражения или значения другого языка как есть, а также результат этого процесса – само заимствованное слово [17]. Главным средством пополнения словарного состава якутского языка в разные исторические периоды являлось заимствование из русского языка. Процессы заимствования в якутском языке получили освещение в работах О.Н. Бётлингка [1], А.Е. Кулаковского [7], Л.Н. Харитонова [15-16], Н.Д. Дьячковского [6] и т.д., в которых изучены закономерности фонетического освоения заимствованных слов. Разные аспекты процесса заимствования: особенности лексико-семантического и фонетико-морфологического освоения русизмов в различные периоды развития якутского литературного языка, место заимствованных слов в лексике якутского языка и его терминологической системы – рассмотрены в трудах П.А. Слепцова 1960-1970-х годов [12-13]. Проблемы функционирования и изменения слов, пополнивших лексику якутского языка в последние 20-30 лет, остаются малоизученными, что определяет актуальность темы исследования.

Между тем, как и в других языках, заимствование в якутском языке происходит очень активно, «Орфографический словарь якутского языка» (далее – ОСЯЯ) [10], изданный в 2015 году, охватывает не весь нуждающийся в орфографической регламентации материал. Можно согласиться с мнением, что “кодифицирующие источники, как прежде, так и сейчас, страдают неполнотой описания письменной системы языка и отвечают не на все вопросы, связанные с нормами письма» [8]. В этой связи нами предпринята попытка объективного анализа и критического изучения освоения и письменного употребления новых заимствований.

В предыдущих статьях автора освещались вопросы орфографирования заимствованных слов в периодической печати [2-4], в них отмечается, что начертание заимствованных из русского языка слов, в целом, подчинено правилам орфографии, регламентирующим их правописание. Вместе с тем анализ материалов публикаций самых посещаемых и читаемых интернет-сайтов на якутском языке показывает, что несмотря на наличие в якутском языке кодифицирующей базы – орфографических правил и нормативного словаря, пищущий часто сталкивается с трудностями передачи русских заимствований на родном языке.

Цель статьи заключается в выявлении и описании способов орфографической передачи заимствованных слов, не регламентированных в «Орфографическом словаре якутского языка». Достижение поставленной цели предполагает решение задач составления базы исследования на основе сплошной выборки слов из текстов интернет-сайтов; анализа фонетического оформления заимствованных слов и описания способов письменного освоения некодифицированных заимствованных слов в фонетизированной форме.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в семинарах по орфографии якутского языка для работников средств массовой информации, при разработке проблем якутской орфографии.

Материалы и методы исследований

Теоретической базой исследования послужили ранние труды П.А. Слепцова [12-14], в которых дано определение понятия фонетизации как наиболее эффективного пути действительного освоения заимствованного слова и обогащения языка, показана её направленность против засорения языка неосвоенными русизмами [14, с. 39, 41].

Материалом для исследования послужили новостные сайты на якутском языке: SakhaDay, Aartyk.ru, Sakha.Life.ru, электронный вариант газеты «Саха сирэ» (‘Якутия’) sakha-sire.ru за 2023, 2024 гг.

Методы исследования, использованные для анализа фонетических особенностей некодифицированных русских заимствований: метод сплошной выборки, наблюдение, описание, анализ, систематизация рассматриваемого материала.

Результаты и обсуждения

Как и в других языках, попадая в якутский язык, заимствования проходят адаптацию, которая наряду с грамматическими, лексическими уровнями языка затрагивает и фонетический. В ранее проведенных исследованиях [2-3] отмечалось, что в якутоязычных республиканских газетах (например, «Кыым» (‘Искра’),

«Саха сирэ» (‘Якутия’), «Халыма долгуннара» (‘Колымские волны’), «Эркээйи» (‘Веха’), «Сунтаар сонуннара» (‘Новости Сунтара’), «Саҥа олох» (‘Новая жизнь’) и т.д.) за период с 2016 по 2022 годы наметилась тенденция написания заимствованных слов в фонетизированном виде по новой орфографии, а также самостоятельная, не регламентированная ОСЯЯ адаптация русизмов по фонетике якутского языка, например: акадьыамыйа ‘академия’, арыанда ‘аренда’, аспырантыыра ‘аспирантура’, бассаап / батсаап ‘ватсап’, бириимиэт ‘предмет’, бириистэп ‘пристав’, бороссодуура ‘процедура’, ботуогурап ‘фотограф’, бөлөсүөпүйэ ‘философия’, бүрүкүрээтийэ ‘бюрократия’, бэлииссийэ ‘полиция’, бэликилииньикэ ‘поликлиника’, дэпэртээмэн ‘департамент’’, дьиссэртээссийэ ‘диссертация’, импиэксийэ ‘инфекция’, инбэлиидинэс ‘инвалидность’, ипэтиэкэ ‘ипотека’, ыспартысымыан ‘спортсмен’и т.д.

Фонетизированные заимствованные слова не всегда фиксируются орфографическим словарем, поэтому носители языка опираются на собственный орфографический опыт. В рассмотренных материалах интернет-сайтов нами отобрано более ста некодифицированных заимствованных слов (далее – НЗС), фонетическое оформление которых можно группировать следующим образом:

1) написание НЗС в фонетизированной форме по орфографическим правилам якутского языка: испиэктир (Aartyk.Ru, 2023) ‘спектр’; муодул (Aartyk.Ru, 2023) ‘модуль’; мэдиссиинэ (Aartyk.Ru, 2023) ‘медицина’; уопсастыбанньык (Sakha.Life.ru, 07.12.2023) ‘общественник’; муодунай (Sakha.Life.ru, 16.10.2023) ‘модный’; кыраамата (Sakha.Life.ru, 15.10.2023) ‘грамота’; кэллиэксийэ (Sakha.Life.ru, 15.10.2023) ‘коллекця’; сиэптик (Sakha.Life.ru, 02.06.2023) ‘септик’; эспэртиисэ (Sakha.Life.ru, 17.05.2023) ‘экспертиза’; бэтэринэриийэ (Sakha.Life.ru, 17.05.2023) ‘ветеринария’; ааптарыскай (Sakha.Life.ru, 15.03.2023) ‘авторский’; тэхиниичэскэй (Sakha.Life.ru, 15.03.2023) ‘технический’; дэпэртээмэн (Sakha.Life.ru, 15.03.2023) ‘департамент’; экэнэмиичэскэй (Sakha.Life.ru, 15.03.2023; sakha-sire.ru, 09.11.2024) ‘экономический’; бэлитиичэскэй (Sakha.Life.ru, 15.03.2023) ‘политический’; Сир саара (Sakha.Life.ru, 15.03.2023) ‘Земной шар’; лиэктэр (Sakha.Life.ru, 14.02.2023) ‘лектор’; бассаап (Aartyk.Ru, 03.09.2024) ‘ватсап’; бикипиэдьийэ (Aartyk.Ru, 2024; Sakha.Life.ru, 08.04.2024) ‘википедия’; бырассыас (Aartyk.Ru) ‘процесс’; үнүбэрсиэт (Aartyk.Ru, 2024) ‘университет’; үнүстүтүүт (Aartyk.Ru) ‘институт; инпиэксийэ (Aartyk.Ru, 2024) ‘инфекция’; буоппус (Aartyk.Ru, 02.11.2024) ‘подпись’; учуулусса (sakha-sire.ru, 08.11.2024) ‘училище’; бэрэпэдэбээтэл (sakha-sire.ru, 08.11.2024) ‘преподаватель’; үнүбэрситиэт (sakha-sire.ru, 08.11.2024) ‘университет’; үнүстүүт (Sakha.Life.ru, 12.10.2024) ‘институт’; үнүстүтүүт (SakhaDay, 18.05.2024) ‘институт’; биидьийэ (Sakha.Life.ru, 08.04.2024) ‘видео’; суок (Sakha.Life.ru, 08.04.2024) ‘сок’; ипэтиэкэ (Sakha.Life.ru, 08.04.2024) ‘ипотека’; бөлүһүөпүйэ (Sakha.Life.ru, 08.04.2024) ‘философия’; кэллиэс (Sakha.Life.ru, 02.04.2024) ‘колледж’; мэдитээссийэ (Sakha.Life.ru, 19.02.2024) ‘медитация’; литэрэтиирэ (Sakha.Life.ru, 18.02.2024) ‘литература’; эньиэргийэ (Sakha.Life.ru, 18.02.2024) ‘энергия’; муусукаан (Sakha.Life.ru, 28.01.2024) ‘музыкант’; үбүлээр (Sakha.Life.ru, 28.01.2024) ‘юбиляр’; үнүстүрүмүөн (Sakha.Life.ru, 28.01.2024) ‘инструмент’; энэргиэтикэ (Sakha.Life.ru, 15.03.2024) ‘энергетика’; истириэс (sakha-sire.ru, 29.10.2024) ‘стресс’; мэхэньиисим (sakha-sire.ru, 09.11.2024) ‘механизм’; сэкирэтэрийээт (sakha-sire.ru, 08.11.2024) ‘секретариат’; ыстаапка (sakha-sire.ru, 09.11.2024) ‘ставка’ и т.д.

2) написание НЗС с частичным нарушением орфографических норм и фонетических законов якутского языка: куод (Sakha.Life.ru, 08.04.2024) ‘код’; гастуруол (Sakha.Life.ru, 16.10.2024) ‘гастроль’, хамыһарыйаат (sakha-sire.ru, 08.11.2024) ‘комиссариат’ и др.

В случае фонетизации слова куод ‘код’ возможно из-за возникновения нежелательной омонимии (ср. куот ‘убегать, сбегать’) допустили оформление конечного -д. Такое написание противоречит фонетическим нормам якутского языка, так как в основе якутских слов конечный д не встречается.

3) написание НЗС, максимально приближенное к прототипам: дракуон (Sakha.Life.ru, 20.12.2023) ‘дракон’; репортааһым (Sakha.Life.ru, 05.04.2024) ‘мой репортаж’ и т.п. Так как в ОСЯЯ данные русизмы в фонетизированной форме не включены, пишущие на якутском языке затрудняются в их фонетическом оформлении, что порождает разнобой на письме. По нормам сочетаемости якутских согласных якутского языка основы анализируемых русизмов должны писаться как дыракуон и эрэпэртээс или в русской форме начертания по русской орфографии: дракон, репортаж.

Из приведенных примеров видно, что большинство НЗС орфографируется по правилам якутской орфографии в фонетизированной форме, выдержано в строго фонетическом оформлении. Например, при написании нерегламентированных заимствованных слов учитываются такие известные особенности якутской фонетики при передаче сочетаний русских согласных:

- в начале якутского слова не встречается более одного согласного. Начальные сочетания заимствованных слов разделяются вставочным гласным: грамота > кыраамата, преподаватель > бэрэпэдэбээтэл, процесс > бы-

рассыас и т.д. или передвигаются с помощью протетического гласного в середину слова ставка > ыстаапка, стресс > истириэс;

- в середине якутского слова допустимы сочетания только двух согласных. Если заимствованное слово имеет более двух сочетаний согласных, разделяется вставочным гласным независимо от занимаемой позиции: гастроль > гастуруол, инструмент > үнүстүрүмүөн, экспертиза > эспэртиисэ и др.;

- в конце якутского слова встречается ограниченное количество слов с конечными рт, лт, лк, мп, нк. Если русское слово оканчивается сочетанием согласных, не допустимым в якутском языке, происходит опущение конечного согласного: департамент > дэпэртээмэн, колледж > кэллиэс, музыкант > муусукаан и т.д.

Если раньше сроки освоения заимствованного слова составляли до пяти лет довольно интенсивного употребления / адаптации в устной речи и письменном речевом обиходе [13, с. 182], то в наше время благодаря технологиям массовой коммуникации оно происходит очень быстро. Поэтому думается, что не включенные в ОСЯЯ заимствованные слова в фонетизированной форме по фонетическим законам и орфографическим правилам якутского языка могут закрепиться в языке и постепенно стать узуальными, нормативными. Однако и здесь наблюдаются колебания, например, үнүбэрситиэт / үнүбэрсиэт ‘университет’, үнүстүүт / үнүстүтүүт ‘институт’. Утверждается, что если допустить два (или более) орфографических варианта, то это породит анархическое отношение к орфографии вообще [9, с. 13]. В этой свяи для преодоления нестабильности и установления единообразности таких написаний нужно тщательно изучить узус.

Такая картина фонетико-орфографической неустойчивости обусловлена во многом тем, что для современной языковой ситуации характерно попадание заимствованных слов в письменную речь, минуя устный этап, без очного общения носителей языков. При этом написание заимствованного слова может быть как максимально близким прототипу, так и соответствующим фонетическому облику слова в якутском языке. Пишущий сталкивается с ситуацией выбора орфографического основания написания, которое также может оказаться не единственным, а возможные различные варианты представляются одинаково правомерными.

Так, некоторыми исследователями якутского языка допускается возможность иных форм письменного оформления заимствованных слов, например:

а) в основе слов ударные гласные русского языка передать через долгие и дифтонги, не подвергая законам якутской фонетики, например: бэнзиин, культуура, бааза, клаассик, гааз, кууб, шаар, шпаага, шаахта, штаат, гитаара, клиимат, предмиэт, банкиэт, дифтуон;

б) основы слов, начинающихся с буквы р, не подвергать фонетизации, например: рэжиим, риэйдэ, рэнгиэн, ромаан, рахиит, ракиэтэ, хотя в начале якутского слова никогда не встречается согласный р;

в) основы слов, оканчивающиеся на -ия, оформлять через -йа, -йэ, например: геодиэзийа, гимнаазийа, декларааций, дизентиэрийэ, диссертаацийа, идеологийа, лабораторийа [11].

Такие написания обосновываются тем, что, если в основе слова есть русские звуки, то в нем не должны употребляться якутские звуки (буквы), а если основа слова пишется по-якутски, то нельзя использовать русские буквы. Однако предлагаемый подход не учитывает того, что даже при отсутствии устного освоения заимствованных слов / неологизмов независимо от этого происходит процесс фонетизации слов в языке.

Как справедливо заметил еще в 60-е годы прошлого столетия Н.Д. Дьячковский, «в целях выработки твердых, единых норм орфографии, беспрепятственного пополнения, обогащения лексики якутского языка за счет русских заимствований путем сознательного, быстрого превращения их в общенародную лексику языка следует установить якутское написание и для тех слов, которые еще не получили широкого распространения в языке народа, но по близости своего фонетического состава могут легко поддаться применению к ним фонетического принципа» [5].

Выводы

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. В написании большинства не регламентированных ОСЯЯ заимствованных слов заметна орфографическая тенденция, основанная на принципе фонетизации и соответствии требованиям “Правил якутской орфографии”: биидьийэ, литэрэтиирэ, мусукаан, уопсастыбанньык, үбүлээр и др.

2. Нововведенные в якутскую письменную речь заимствованные слова, которые оформляются в соответствии с фонетическими законами якутского языка и основному правилу якутской орфографии о правописании основ русских слов в фонетизированной (якутизированной) форме, могут закрепиться в языке и становиться нормативными.

3. Наблюдаемая ситуация фонетико-орфографической неустойчивости, которая отражается в частичных нарушениях орфографических норм и фонетических законов якутского языка, разновариантности написаний заимствованных слов (группы 2, 3), свидетельствует о необходимости проведения комплексного анализа заимствований с позиций не просто унификации, а объективных оснований написания.

Список источников

1. Бётлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 645 с.
2. Васильева Н.М. Орфографические нормы якутского языка и речевая практика улусных (районных) газет // Современный ученый. 2022. № 6. С. 175 – 182.
3. Васильева Н.М. Орфографирование русских заимствований в якутоязычной прессе // Вестник филологических наук. 2023. № 3. С. 154 – 157.
4. Васильева Н.М. Кодификация орфографических норм якутского литературного языка // Научный диалог. 2019. № 12. С. 9 – 20.
5. Дьячковский Н.Д. За ясность правил и лёгкость их применения // Социалистическая Якутия. 1961.
6. Дьячковский Н.Д. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке. Якутск: Кн. изд-во, 1962. 72 с.
7. Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 483 с.
8. Нечаева И.В. Орфографическая кодификация сегодня и коллегиальность нормативных решений. URL: https://ruslang.ru/doc/nechaeva2012a.pdf (дата обращения: 20.08.2024).
9. Нечаева И.В., Перцов Н.В. О вариативности в русской орфографии // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1 (39). С. 10 – 35.
10. Орфографический словарь якутского языка / под ред. А.Г. Нелунова. Якутск: Бичик, 2015. 480 с.
11. Петрова Т.И. Анализируя «Словарь…» // Саха сирэ. 2002.
12. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). Якутск: Якуткнигоиздат, 1964. 196 с.
13. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). М.: Наука, 1975. 256 с.
14. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск: Наука, 1990. 276 с.
15. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Якутск: Кн. изд-во, 1947. 312 с.
16. Харитонов Л.Н. О влиянии русского языка на якутский язык // Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. Якутск: Кн. изд-во, 1955. С. 216 – 230.
17. Заимствование. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 16.08.2024).

References

1. Bötlingk O.N. About the Yakut language. Novosibirsk: Nauka, 1990. 645 p.
2. Vasilyeva N.M. Spelling norms of the Yakut language and speech practice of ulus (district) newspapers. Modern scientist. 2022. No. 6. P. 175 – 182.
3. Vasilyeva N.M. Spelling of Russian borrowings in the Yakut-language press. Bulletin of Philological Sciences. 2023. No. 3. P. 154 – 157.
4. Vasilyeva N.M. Codification of spelling norms of the Yakut literary language. Scientific dialogue. 2019. No. 12. P. 9 – 20.
5. Dyachkovsky N.D. For the clarity of the rules and the ease of their application. Socialist Yakutia. 1961.
6. Dyachkovsky N.D. On the phonetic development of borrowed words in the Yakut language. Yakutsk: Book. publishing house, 1962. 72 p.
7. Kulakovsky A.E. Scientific works. Yakutsk: Book. publishing house, 1979. 483 p.
8. Nechaeva I.V. Orthographic codification today and collegiality of normative decisions. URL: https://ruslang.ru/doc/nechaeva2012a.pdf (date of access: 20.08.2024).
9. Nechaeva I.V., Pertsov N.V. On variability in Russian spelling. Russian language in scientific coverage. 2020. No. 1 (39). P. 10 – 35.
10. Spelling dictionary of the Yakut language. Ed. A.G. Nelunova. Yakutsk: Bichik, 2015. 480 p.
11. Petrova T.I. Analyzing the “Dictionary...”. Sakha sire. 2002.
12. Sleptsov P.A. Russian lexical borrowings in the Yakut language (pre-revolutionary period). Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1964. 196 p.
13. Sleptsov P.A. Russian lexical borrowings in the Yakut language (post-revolutionary period). M.: Nauka, 1975. 256 p.
14. Sleptsov P.A. Yakut literary language. Formation and development of national norms. Novosibirsk: Nauka, 1990. 276 p.
15. Kharitonov L.N. Modern Yakut language. Yakutsk: Book. publishing house, 1947. 312 p.

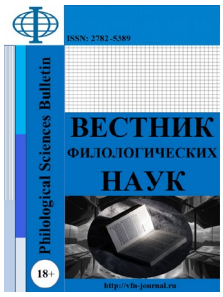
16. Kharitonov L.N. On the influence of the Russian language on the Yakut language. The leading role of the Russian people in the development of the peoples of Yakutia. Yakutsk: Book. publishing house, 1955. P. 216 – 230.
17. Borrowing. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (date of access: 16.08.2024).

Информация об авторах

Васильева Н.М., *кандидат филологических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, tnm69@mail.ru*

Слепцов П.А., *доктор филологических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, sleptsovpa95@mail.ru*

© Васильева Н.М., Слепцов П.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
УДК 398.831(=161.1)

[1] Еговцева М.А., [1] Илларионов В.В.

[1] Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Пространственный аспект в русских колыбельных песнях

Аннотация: *на протяжении многих веков колыбельные песни занимают особое место в культуре русского человека. Они отражают сокровище традиций, духовность, глубину чувств, передаваемых из поколения в поколение. В них заложена магическая сила, выражающаяся в простоте, убаюкивающем характере и умиротворении ребенка. Колыбельные песни отражают историю, религию, образ жизни традиционного русского народа и являются неотъемлемой частью детства каждого младенца. Данная статья рассматривается с точки зрения пространственного аспекта - многослойного мира, где переплетается две реальности: настоящий и потусторонний. Пространство в работе рассматривается как защитный механизм для ребенка от опасности и неизвестности «чужого». Изучение роли «чужого» пространства рассматривается как источник опасности, страха и противопоставления для ребенка в колыбельных. Также пространство выступает символом перехода из мира небесного в мир земной. Результаты исследования могут быть использованы в качестве материала для лекций и семинаров в рамках дисциплин «Народное художественное творчество», «Детский фольклор». Колыбельные песни также служат инструментом воспитания, обучая детей нравственным ценностям и нормам поведения. Через символику этих песен передаются моральные ориентиры, представления о добре и зле.*

Ключевые слова*: колыбельная песня, пространство, жанр, аспект, младенец, фольклор*

Для цитирования: Еговцева М.А., Илларионов В.В. Пространственный аспект в русских колыбельных песнях // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 34 – 38.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Egovtseva M.A., [1] Illarionov V.V.

[1] North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov

The spatial aspect in Russian lullabies

Abstract*: for many centuries, lullabies have held a special place in Russian culture. They reflect the treasures of tradition, spirituality, and the depth of emotions passed down from generation to generation. Embedded in these songs is a magical power, expressed through simplicity, a soothing character, and the peacefulness they bring to the child. Lullabies reflect the history, religion, and way of life of the traditional Russian people and are an integral part of every infant's childhood. This article examines lullabies from the perspective of spatial aspects – a multilayered world where two realities intertwine: the present and the supernatural. Space in this study is considered as a protective mechanism for the child from the dangers and unknowns of the "other." The study of the role of "alien" space is explored as a source of danger, fear, and opposition for the child in lullabies. Additionally, space serves as a symbol of the transition from the heavenly world to the earthly one. The results of this research may be used as material for lectures and seminars in the disciplines of "Folk Art" and "Children's Folklore." Lullabies al-*

so serve as a tool for upbringing, teaching children moral values and behavioral norms. Through the symbolism in these songs, moral guidelines and concepts of good and evil are conveyed.

Keywords: *lullaby, space, genre, aspect, infant, folklore*

For citation: Egovtseva M.A., Illarionov V.V. The spatial aspect in Russian lullabies. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 34 – 38.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что сейчас возрос интерес к материнскому фольклору – колыбельной песне. Кажущаяся простота, которая заложена в колыбельной песни, выполняет ряд задач и представляет собой многогранный и непростой по своей структуре жанр. В колыбельной песне переплетаются все виды функций, включая эстетические, личностные, педагогические, магические и охранительные [3-4]. Несмотря на то, что пространство в контексте колыбельных песен не было предметом детального исследования, семантика пространственных элементов в текстах колыбельных основана на сюжетах, воплощающих мотивы пространственных образов. Цель исследования: изучение специфики пространства в колыбельных песнях.

Материалы и методы исследований

Жанром колыбельных песен занимались многие исследователи, фольклористы и ученые. Первое серьезное исследование, представленное в виде монографии, было проведено А.В. Ветуховым. Исследователь полагал, что колыбельная песня ведутся от лица матери и ее выражения чувств к ребенку. Рассматривая особенности, ученый приходит к выводу о том, что колыбельная имеет несколько ключевых аспектов трактовки: 1) Описание материнского мира – животных, предметов, образов; 2) Материнские напутствия о благополучии и состоянии дитя; 3) Включение материнских воспоминаний, ценностей и мировоззрения [1].

Методы исследования:

Лингвистический анализ – изучение метафор и символов пространства (небо, земля, дом, чужие земли).

Сравнительный анализ – сопоставление колыбельных песен разных регионов России и других народов.

Этнографический метод – изучение традиций исполнения песен в разных регионах России через полевые исследования и интервью.

Символический и психоаналитический анализ – интерпретация пространственных образов как символов защиты и переходных состояний. Методы направлены на выявление роли пространства как защитного механизма и символа перехода в колыбельных песнях.

Результаты и обсуждения

С учетом особенностей пространственно-временной позиции младенца, следует сказать о верованиях русских людей, для которых мир разделялся на две четкие границы: «чужой» и «свой». «Свое» пространство – это всё, что освоил человек, всё что принадлежит ему; «Чужой» мир- всё, что принадлежит богам и звериным, нечеловеческим существам. Эти области существования переплетаются и взаимодействуют между собой, регулярно нарушая покой друг друга. Несмотря на то, что внеплановое беспокойство и вторжение в один из миров считается неблагоприятным фактом и воспринимается крайне отрицательно, запланированное время в рамках ритуала имеет положительный результат.

Можно выделить 2 вида колыбельных песен в пространственном аспекте по отношению к ребенку [9]:

1. Пространство, принадлежащее младенцу (колыбель, терем, у своей избы), т.е. то, где обитает ребенок.
2. Внешнее пространство, окружающее дитя: озеро, земля, море, лужок, чужая деревня и т.д.

Рассмотрим подробнее каждый вид пространственного аспекта.

Первый вид сюжетов принадлежит группе, описывающей местонахождение ребенка. Колыбельные песни описывают не только домашний очаг, но и всё пространство вокруг дома. Это может быть описание «терема» или «избы» с бытовыми предметами, такими как: лавка, печка, дверь, окно и т.п. Все элементы так или иначе связаны с определенной сюжетной линией или героями колыбельных песен. Например, колыбельная песня ограждает ребенка от внешнего мира и дает наставление: «Не ходи туда на край / Да у своей избы играй…» [8].

В традиционном мире русского человека рубежом между двумя мирами выступало окно, поскольку являлось главным индикатором, через который можно осуществить контакт. Фабула колыбельных песен отражается в текстах, повествующих о рождении ребенка:

Бог тебе дал, Богородица дала,
Да пожаловала:
Она крылышком махнула,
Да на окошечко пехнула,
Пресвятая похвала,
В окошечко подала [7].

Встречаются сюжеты, определяющие локацию «под окном». Главными персонажами в них выступают Сон и Дрема- персонажи, воплощающие идею сна:

Ходит Сон у окон,
Ходит к Дреме на поклон.
Ты входи-ка, Дрема в дом,
Напусти нам угомон [7].

В колыбельных песнях окно служит символом связи с потусторонним миром, отражая традиционные представления о мире духов и небесных сил.

Следующее, немаловажное пространство, принадлежащее младенцу-колыбель. Это место играет огромную роль в жизни малыша, поскольку именно с нее он начинает познавать мир материальных объектов и осваивать мир культуры [2]. Первое укладывание ребенка в колыбель символизирует освоение нового пространства и знакомство с новым миром. Колыбель является для малыша первым домом, в котором ему предстоит обосноваться до периода хождения [6]:

Как в высоком терему,
В шитом браном пологу,
Там висит ли колыбель
На серебряном цепу,
На шелковом поясу [7].

Интересен и тот факт, что описание терема в колыбельных песнях встречается и в свадебной поэзии (Ой чей это терем, / Золоты верхи на нём). Свадьба для невесты представляет собой переходный момент, похожий на символическую смерть и возрождение. Она отрывается от своего прежнего мира и переходит в новый в ином качестве. С точки зрения символики, невеста отождествляется с умершим, занимая пограничное положение между мирами. Ребенок, находящийся в процессе становления, занимает пограничное положение, еще не полностью принадлежа к миру взрослых. Младенец поэтапно вливается в «эту» среду, с каждым днем узнавая ее правила и нормы. Колыбель символизирует кратковременный период в жизни ребенка и занимает основное положение до того момента, как он не начнет ходить [5]. Ребенок в колыбели занимает промежуточное положение между мирами, подобно невесте, переходя из одного статуса в другой. Вертикальное положение зыбки символизирует двойственность младенца, связанного с иным миром и стремящегося к существованию в реальности.

Перейдем к второму типу пространственного аспекта, а именно к сюжетам, характеризующим все потусторонние стороны, находящиеся за внешним пространством.

Дом в колыбельных песнях считается безопасным и защищенным местом для младенца, но всё, что находится на границе, можно отнести к минуемой опасности. В таком случае рубеж безопасности сужается до самой колыбели, в которой находится ребенок: «Не ложись на бочок», не ложись на краюшке» [9]. «Чужой» [10], опасный мир возникает там, где обрывается личное пространство. Ядром пространства чаще всего выступает само дитя, а граница варьируется в рамках этого аспекта.

Потусторонний мир таит в себе опасность и загадочность, которая может проявляться через недобрых героев:

Саша-перышко,
Не летай в озерушко,
Ты улетишь высоко,
Упадешь глубоко,
Уж ты на землю падешь,
Тебя мышка съест,
Уж ты на воду падешь,
Тебя рыбка заклюет [8].

Опасность выражается и в определенных местах, которые ребенок не должен посещать («край деревни», «край зыбочки»).

Говоря о сюжетах, связанных с приходом определенных персонажей можно сказать следующее: Основная опасность для малыша заключается в том, что его могут унести в неизвестное пространство, откуда появились герои. Причем такое место может иметь как прямое обозначение (лесок, кусток, сарай, под березу и т.п.), так и косвенное. К косвенным персонажам, которые приходят издалека и пытаются унести ребенка в неизвестность относится дедко Бабай и персонаж Мамай.

Существует и такие виды сюжетов, где отсутствие родителей порождает «удаленное» пространство. Выделяется тип, для которого характерно ожидание родителей гостинцами (пирожком, калачом и т.д.):

На улице калачи
За улочком – прянички.
Качь, качь, качь!
Привезет отец калач…

А также второй тип, где фабульное развитие отличается полным выключением родных людей из пространства:

Баю-побаюшки,
Нету дома матушки,
Матушка на меленке,
Во чужой деревенке [8].

Выводы

Итак, можно сделать вывод о том, что колыбельные песни- удивительный жанр, который занимает значимое место в народной культуре, оказывая глубокое влияние на формирование культуры и традиций любого народа. Изучение пространства позволило глубоко погрузиться в мир традиционных представлений о жизни и смерти, безопасности и опасности, «своим» и «чужим» миром. Пространственные образы в русских колыбельных песнях являются неотъемлемой частью народного мировоззрения и отражают глубокие культурные и духовные ценности народа.

Список источников

1. Ветухов А.В. Народные колыбельные песни // Этнографическое обозрение: издание этнографического отдела. 1892. № 1. С. 131 – 155.
2. Виноградов Г.С. Народные игры и педагогика. М.: МГДД(Ю)Т, 2013. 128 с.
3. Илларионова Т.В., Еговцева М.А. Особенности музыкального поэтического текста колыбельной песни на примере Уральской традиции // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6 (103). С. 478 – 481.
4. Ильина Л.Е. Аксиологический аспект колыбельной песни как жанра фольклора // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 243 – 247.
5. Камаева Т.Ю. Русский детский фольклор: хрестоматия. Санкт-Петербург: Лань, Планета музыки, 2022. 173 с.
6. Литвин Э.С. Русское народное творчество для детей. Ленинград, 1972. 49 с.
7. Науменко Г.М. Жаворонушки. Вып. 1 / запись, нотация и сост. Г. Науменко; общ. ред. С. Пушкиной. М.: Сов. композитор, 1977. 132 с.
8. Потешки. Считалки. Небылицы / сост. А.Н. Мартынова. М.: Современник, 1989. 347 с.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 27 / сост. Н.И. Андреева-Васина. 2003. 400 с.
10. Стариченок В.Д. Литуанизмы в белорусском языке: структура, семантика, функционирование // Svetimosios kalbos. 2012. № 3 (14). С. 38 – 42.

References

1. Vetukhov A.V. Folk lullabies. Ethnographic review: publication of the ethnographic department. 1892. No. 1. P. 131 – 155.
2. Vinogradov G.S. Folk games and pedagogy. Moscow: MGDD(Yu)T, 2013. 128 p.
3. Illarionova T.V., Egovtseva M.A. Features of the musical poetic text of a lullaby on the example of the Ural tradition. The world of science, culture, education. 2023. No. 6 (103). P. 478 – 481.
4. Ilyina L.E. Axiological aspect of a lullaby as a folklore genre. Baltic Journal of the Humanities. 2019. Vol. 8. No. 4 (29). P. 243 – 247.
5. Kamaeva T.Yu. Russian children's folklore: a reader. St. Petersburg: Lan, Planet of Music, 2022. 173 p.
6. Litvin E.S. Russian folk art for children. Leningrad, 1972. 49 p.
7. Naumenko G.M. Larks. Vol. 1. recording, notation and composition. G. Naumenko; total ed. S. Pushkina. M.: Sov. composer, 1977. 132 p.

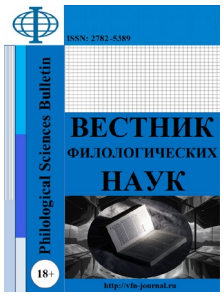
8. Nursery rhymes. Counting books. Tales. Comp. A.N. Martynov. M.: Sovremennik, 1989. 347 p.
9. Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 27. Comp. N.I. Andreeva-Vasina. 2003. 400 p.
10. Starichenok V.D. Lithuanisms in the Belarusian language: structure, semantics, functioning. Svetimosios kalbos. 2012. No. 3 (14). P. 38 – 42.

Информация об авторах

Еговцева М.А., *кафедра фольклора и культуры, Институт языков и культур народов Северо-Восточной России, Северо-восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, masha.egovtseva@mail.ru*

Илларионов В.В., *доктор филологических наук, профессор, кафедра фольклора и культуры, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, illarionov_v_v@mail.ru*

© Еговцева М.А., Илларионов В.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.512.14

[1] Ресутова Э.И.

[1] Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Национальные печатные СМИ как источник формирования общественно-политической лексики крымскотатарского языка конца XX века

Аннотация: *в статье рассматривается общественно-политическая лексика крымскотатарского языка конца XX века, ставится задача определения роли национальных печатных СМИ 90-х годов прошлого столетия в формировании общественно-политической лексики крымскотатарского языка, выявление сфер её употребления. Языковой материал показал, что общественно-политическая лексика носит общеупотребительный характер, условно в ней выделены пять групп. Автор приходит к выводу, что необходима систематизация общественно-политической лексики крымскотатарского языка.*

Ключевые слова: *крымскотатарский язык, общественно-политическая лексика, сфера употребления, классификация, газета, национальная периодическая печать*

Для цитирования: Ресутова Э.И. Национальные печатные СМИ как источник формирования общественно-политической лексики крымскотатарского языка конца XX века // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 39 – 44.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Resutova E.I.

[1] Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

National print media as a source of formation of social and political vocabulary of the Crimean Tatar language at the end of the 20th century

Abstract: *the article examines the socio-political vocabulary of the Crimean Tatar language of the late twentieth century, sets the task of determining the role of national print media of the 90s of the last century in the formation of the socio-political vocabulary of the Crimean Tatar language, identifying the areas of its use. The language material showed that the socio-political vocabulary is of a common nature, conditionally five groups are distinguished in it. The author comes to the conclusion that it is necessary to systematize the socio-political vocabulary of the Crimean Tatar language.*

Keywords: *the Crimean Tatar language, socio-political vocabulary, sphere of use, classification, newspaper, national periodical press*

For citation: Resutova E.I. National print media as a source of formation of social and political vocabulary of the Crimean Tatar language at the end of the 20th century. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 39 – 44.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Характерные для 90-х годов XX века на всем постсоветском пространстве социально-политические процессы оказывали большое влияние на ход развития периодической печати. Особенно заметные изменения происходили в периодике тюркских народов, что являлось результатом духовного возрождения и бурного подъема их национального самосознания [1, с. 37]. Изменения, которые характеризовали газетную полосу на данном этапе, касались как ее тематики, так и языка. Газетный язык, пишет В.З. Гарифуллин, – это барометр всей языковой системы, он всегда идет в авангарде развития языка в целом. Исследования, посвященные языку и стилю газеты, составляют значительный пласт научной литературы. Существенный вклад в эту область исследований внесли: А.Н. Васильева, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Е.А. Земская, М.Н. Кожина, В.Г. Костомаров, О.А. Лаптева, И.П. Лысакова, Ю.В. Рождественский, Г.Я. Солганик, Д.Н. Шмелев и др.

Особенно велико значение общественно-политической лексики в газете, освещающей общественно-политические события внутренней и международной жизни. Удельный вес общественно-политической лексики и частота употребления ее в газетно-публицистическом стиле, гораздо выше, отмечает Г.Я. Солганик, чем в других стилях, поскольку общественно-политические темы являются ведущими, основными в газете [2, с. 29]. В связи с коренными изменениями в общественно-политической жизни крымскотатарского народа в 90-х годах XX столетия (распад Советского Союза, возвращение на свою историческую Родину с мест депортации) представляется необходимым и актуальным изучение общественно-политической лексики крымскотатарского языка вышеназванного периода.

Газеты «Янъы дюнья» («Новый мир») и «Къырым» («Крым») были одними из первых крымскотатарских периодических печатных изданий, заложивших основы создания общественно-политической лексики нового времени, новой социально-политической ориентации. Поэтому их значение весомо как для крымскотатарского языка в целом, так и для общественно-политической лексики в частности, что свидетельствует о необходимости исследования языка газеты и определяет актуальность данной работы.

Целью нашей статьи является определение роли национальных печатных СМИ 90-х годов прошлого столетия в формировании общественно-политической лексики крымскотатарского языка, выявление сфер её употребления.

Исходя из цели исследования, нами были поставлены следующие задачи:

– показать роль национальной периодической печати в развитии общественно-политической лексики крымскотатарского языка;

– дать классификацию ОПЛ крымскотатарского языка по сферам употребления.

Материалы и методы исследований

Материалом для изучения данного вопроса послужили газеты на крымскотатарском языке «Янъы дюнья» («Новый мир») и «Къырым» («Крым») конца XX века. Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Метод лингвистического наблюдения, сопоставление, описательно-аналитический методы дают возможность описать материал и проанализировать особенности употребления языковых единиц при осуществлении функционально-семантического и прагматического подходов к языковому явлению.

Результаты и обсуждения

В начале 90- х годов XX века в период массового возвращения крымских татар на свою историческую Родину, правительство Крыма занималось решением вопросов, связанных с хозяйственно-бытовым обустройством народа, а также ставило ряд задач, направленных на его национально-культурное возрождение и социальную адаптацию. В связи с этим, в 1991 году на крымскотатарском языке начали издаваться две газеты республиканского уровня: «Янъы дюнья» («Новый мир») и «Къырым» («Крым»), как орган Комитета по делам депортированных народов. [3, с. 162]. Из всех СМИ на крымскотатарском языке именно газеты являлись единственным средством информации, освещавшими в полной мере общественно-политическую и культурную жизнь народа, так как радиовещание на крымскотатарском языке достигало 90 минут, а телевещание – 65 минут в месяц [3, с. 164-165]. Таким образом, общественно-политическая лексика крымскотатарского языка вышеназванного периода в полном объёме была представлена в газетах «Янъы дюнья» и «Къырым», чем был обусловлен выбор этих газет в качестве источника материалов для нашего исследования.

Общественно-политическая лексика в газете формируется по внутренним функционально-стилевым признакам, видоизменяется под действием внутристилевых факторов и выполняет коммуникативные задачи публицистического стиля [2]. Таким образом, функционируя в пределах газетно-публицистического стиля, формирование, развитие, структуру крымскотатарской общественно-политической лексики определяют два основных фактора – это сообщение, информация, с одной стороны, пропаганда и агитация – с

другой [4, с. 16]. Беря во внимание информативную составляющую крымскотатарских печатных СМИ, встает вопрос о составе и объеме крымскотатарской общественно-политической лексики (далее – ОПЛ) вышеуказанного периода. Одним из основных критериев определения объема и состава ОПЛ выступает тематический принцип. Например, при определении состава и границ ОПЛ русского языка Жданова Л.А. пишет: «При определении состава, границ ОПЛ невозможно уйти от вопроса о включении (или исключении из ОПЛ) лексем, не являющихся для нее специфичными, то есть описывающих не государственно-политическую сферу или не только ее» [5, с. 20]. В лингвистической литературе при изучении состава ОПЛ среди ученых существуют различные точки зрения, которые сводятся к "узкому" и "широкому" его пониманию. В первом случае к ОПЛ относят слова и словосочетания, которые имеют семы «общество», «политика», «государство». Во втором случае в ОПЛ включают также понятия, которые имеют косвенное отношение к ней. При этом широкое понимание может «размывать» границы и увеличивать количество тематических групп ОПЛ от 3 (Амаду Т., Климушенко Т.Ф., Розен Е.В., Акимова В.А.) до 9 (Бурячок А.А., Протченко И.Ф., Колганова А.Т., Жукова Л.В.) и более (Грачева Т.П., Мелерович А.М., Рогозина И.В., Стриженко А.А., Ильенко С.Г., Максимова М.К.) [6, с. 18-19]. В нашей работе, мы придерживаемся точки зрения Т.Б. Крючковой, которая пишет, что классификации данного типа лексем в значительной мере зависят от языка, на материале которого они проводятся, от тех лексических особенностей, которые обусловлены социально-политической действительностью, в которой живут его носители и которую этот язык отражает [7, с. 23].

Общественно-политические термины крымскотатарского языка, в том числе заимствованные из русского языка, можно условно распределить по следующим сферам преимущественного их употребления:

1. Административно-политические термины.

Номенклатурные наименования:

а) лиц (чиновников);

б) ведомств, органов и т.п.;

в) термины делопроизводства;

г) наименования политических партий, движений, идеологических течений и их членов (участников).

2. Термины права.

3. Экономические термины.

4. Религиозные термины.

5. Военные термины.

Остановимся коротко на каждой из этих сфер, при этом приведём примеры с общественно-политической лексикой, которая относится к каждой из этих сфер. Указанная лексика сопровождается фактическим материалом из газетных публикаций.

1. К административно-политическим терминам относятся номенклатурные наименования лиц (чиновников), ведомств, органов, терминов делопроизводства, наименований политических партий, движений, идеологических течений и их участников.

Номенклатурные наименования:

1. а) лиц: етекчи ‘руководитель’, башлыкъ ‘глава’, муавини ‘заместитель’, реис ‘председатель’, намзет ‘кандидат’, мушафир ‘советник ’, депутат ‘депутат’. Например: Ильмий Умеров ишчи группасына етекчи оларакъ тайинленди (Янъы дюнья, 28.02.1992, с. 1) / Ильмий Умеров как руководитель был включен в рабочую группу.; Къырым ички ишлер министирининъ биринджи муавини топлашувны башлады (Янъы дюнья, 25.02.1994, с. 2) / Заседание открыл первый заместитель министра внутренних дел Крыма; Онда Къырым Юкъары Советининъ реиси Н.В. Багров, Министрлер Совети реисининъ муавини А.А. Франчук иштирак эттилер (Янъы дюнья, 12.02.1993, с. 1) / В нем приняли участие: председатель Верховного Совета Крыма Н.В. Багров, заместитель председателя Совета Министров А.А. Франчук.; Шеэр шурасына депутатлыкъкъа Джафер Бекировнынъ намзетини ляйыкъ корьдим (Къырым, 04.08.1994, № 14, с. 1) / Кандидатуру Джефера Бекирова в депутаты городского Совета считаю подходящей.; Нетиджеде, 37 депутат рей берди деп, къарар къабул этильди (Къырым, 18.04.1998, № 16, с. 1) / В итоге, принято решение о том, что проголосовало 37 депутатов.

б) ведомств, органов и т.п.: укюмет ‘правительство’, идаре ‘управление’; Къурултай‘ Курултай’; комитет ‘комитет’, девлет ‘государство’; тешкилят ‘организация; президиум ‘президиум’; шура ‘совет’, меджлис ‘заседание’. Например: Март 29-да Акъмесджитте къырымтатар халкъы Меджлиси президиумнынъ топлашувы олып кечти (Янъы дюнья, 03.04.1992, с. 1) / 29 марта в Симферополе состоялось заседание президиума Меджлиса крымскотатарского народа.; Меджлиснинъ сонъунда сёз миллетлерара мунасебетлер комиссиясынынъ реисине берильди (Янъы дюнья, 01.01.1992, с. 1) / В конце заседания слово было предоставлено

председателю комиссии по международным связям.; Къурултай делегатлары умумий сайысынынъ 2/3 къысымындан тешкиль этти (Янъы дюнья, 21.04.1991 г., с. 1) /Делегаты Курултая составили 2/3 части от общего числа представителей.; Русиенинъ Девлет Думасы бунъа не айтаджакъ? (Къырым, 12.11.1994, с. 1) / Государственная Дума России как отреагирует на это?; Мураджаатта Украина Президенты ве Юкъары Шурасынына ашагыдаки теклифлер бериле (Къырым, 12.11.1994, с. 1) / В обращении выдвигаются требования к Верховному Совету и Президенту Украины.; Корюшювде къырымтатар джамаат тешкилятларынынъ вазифелери акъкъында тафсилятлы сёз юрсетильди (Къырым, 18.04.1998, с. 1) / На встрече подробно обсуждалась работа крымскотатарских общественных организаций;

в) терминов делопроизводства: къарар ‘постановление, решение’, мукъавеле ‘соглашение, договор’, резолюция ‘резолюция, низамнаме ‘устав’, мураджат ‘обращение’, лейха ‘проект’. Например: Музакере этильген меселе боюнджа къарар къабул этильди (Янъы дюнья, 03.05.1994, с. 1) / Принято решение по обсуждаемому вопросу.; Украина Республикасынен имзалангъан Мукъавелеге къайтмакъны теклиф этти. (Янъы дюнья, 05.02.1993, с. 3) / Украина предложила вернутся к подписанному совместно соглашению.; Матем митингнинъ иштиракчилери бирагъздан Резолюция къабул эттилер (Къырым, 23.05.1998, с. 1) / Участники митинга единогласно приняли Резолюцию.;

г) наименований политических партий, движений, идеологических взглядов и течений, а также их членов (участников): векялетликлер ‘полномочия’, сайлавлар ‘выборы’, сессия ‘сессия’, намзет ‘кандидатура’, ишанчсызлыкъ ‘импичмент’, ачлыкъ ‘голодовка’. Например: Топлашувнынъ сонъунда сайлавларда иштирак этюв меселелери бакъылды (Къырым, 01.01.1998, № 1 (447), с. 1) / В конце заседания были рассмотрены вопросы, связанные с предстоящими выборами.; Къурултайнынъ невбеттен тыш сессиясы топланды (Къырым, 01.01.1998, № 1 (447), с. 1) / Состоялась внеочередная сессия Курултая.; Рефат Чубаров озь намзетини Красногвардейск округында косьтерди (Къырым, 10.01.1998, № 2 (448), с. 1) / Рефат Чубаров свою кандидатуру выдвинул от Красногвардейского округа.; Л. Кучманынъ векялетликлери токъта-тылгъаныны илян этти. (Янъы дюнья, 07.02.2005, № 5, с. 1) / Л. Кучма прекращает исполнение своих полномочий. Алиме-Шерфе ибраимова ачлыкъ илян этти (Достлукъ, 16.11.1990, с. 1) / Алиме-Шерфе Ибраимова объявила голодовку.

2. Термины права, которые обозначают правовую сторону жизни общества, тесно связаны с юриспруденцией и имеют ограниченную рамками правовых наук сферу употребления: акъ-укъукъ ‘право’, анаяса ‘конституция’, къанун ‘закон’, къанунджылыкъ ‘законодательство’, махкеме ‘суд’, кади ‘судья’, акъламакъ ‘оправдать’, мадде ‘статья, пункт (закона)’, джинает ‘преступление’. Например: «Комплексли программа» ны ишлеп чыкъкъанлар эписи мадделер боюнджа рейге теклиф этилди. (Янъы дюнья, 28.01.2005, № 4, с. 3) / Все отработанные пункты «Комплексной программы» были представлены к голосованию.; Конституцион суднынъ башы В. Ющенкогъа Украина Анаясасынен бельгиленген украин халкъына еминнинъ метини такъдим этти (Янъы дюнья, 08.02.2005, № 5, с. 1) / Глава Конституционного суда В. Ющенко принес присягу на печатном экземпляре Конституции Украины.; Сюргюн олунгъан шахыслар, миллий азлыкълар ве халкъларнынъ акъ-укъукъларыны тиклевнен багълы меселелер боюнджа Анълашув (Янъы дюнья, 05.02.1993, с. 3) / Договор, связанный с проблемами восстановления прав депортированных и малочисленных народов; Бутюн миллетни догъмуш Ватанындан чыкъарып, ябанджы юртларгъа кетирип ташламакъ – буюк джинаеттир. (Къырым, 23.05.1998, с. 1) / Весь народ вырвать из своей Родины и выкинуть на чужие земли – это большое преступление.; Муса Мамут узеринден бир къач кере джнаий иш ачылды (Къырым, 27.06.1998, № 27, с. 2) / По делу Мусы Мамута было несколько раз открыто уголовное дело. Оны махкемеге чекип, эки йыл муддетке меджбурий эттилер (Къырым, 27.06.1998, № 27, с. 2) / Его привлекли к суду, приговорили к двум годам лишения свободы.

3. Экономические термины, употребляемые в общественно-политическом дискурсе: иш адамы ‘предприниматель’, верги ‘налог’, имтиязлар ‘льготы’, махсулат ‘товар’, инкъирас ‘кризис’, истисалджы ‘потребитель’, инфляция ‘инфляция’, бордж ‘долг’. Например: М. Джемилев Украина миллий банкынынъ президенти иле крюшти (Къырым, 20.06.1998, с. 1) / М. Джемилев встретился с президентом национального банка Украины.; Векиль Тюркие тарафындан Украинагъа береледжек 20 миллион доллар кредитнинъ шартлары берди (Къырым, 20.06.1998, с. 1) / Представитель Турции выдал условия кредита на получение 20 миллионов долларов Украине.; Тюркиенинъ «Эсим-банкы» тарафындан имтиязлар бермеге козьде тутула (Къырым, 20.06.1998, с. 1) / Предусматриваются льготы со стороны Турецкого банка «Эксим-банк».

4. Религиозные термины, употребляемые в общественно-политическом дискурсе: молла ‘мусульманское духовное лицо’, намаз ‘совершаемая пять раз в день обязательная молитва у мусульман’, абдест ‘ритуальное омовение’, аджылыкъ ‘паломничество’, джами ‘мечеть’, пейгъамбер ‘пророк’. Например: Девлет ходжалыгъындан мезарлыкъ ичюн ер айырув, эм де мында джами къурув, моллалыкъ япув ве башка савап

ишлер Февзи агъанынъ чапкъалавы нетиджесинде олды (Янъы дюнья, 11.11.1994, с. 6) / Благодаря благим делам дяди Февзи была выделана земля под кладбище, построена мечеть, проводятся молитвы. Балаларгъа окъув-язувнен бирликте абдест алмакъны, намаз къылмакъны огренмек де козьде тутула. (Янъы дюнья, 01.01.1992, с. 7) / Помимо обучения письменности, планируется научить детей ритуалу омовения, совершению пятикратной молитвы. Хазрети Пейгъамберимизнинъ хадислеринде «акъсыз ерде адам ынджыткъан бир кунь ола джезасыны чекер» деп языла (Къырым, 25.05.1995, с. 2) / В изречениях Пророка написано: «Если человек необоснованно обидит другого, наступит день, когда он понесет наказание».

5. Военные термины: гъалибе ‘победа’, генирал ‘генирал’, штаб ‘штаб’, дженк ‘война’, джебе ‘фронт’, арбий ‘военный’, госпиталь ‘госпиталь’, орден ‘орден’, орду ‘армия’, ‘войско’; аскер ‘солдат’ и др. Например: Улу Ватан дженки девиринде Къырым ярымадасы эки бучукъ йыл девамында гитлерджи баскъынджыларнынъ элинде булунды (Къырым, 08.05.1998, с. 1) / Во время второй мировой войны Крымский полуостров два с половиной года находился под оккупаций гитлеровцев. Бу девирде джэбе аркъасында булунгъан 34 миллетнинъ «халкъ интикъамджылары» душмангъа каршы курешип, ордугъа ярдым эттилер (Къырым, 08.05.1998, с. 1) / В этот период, находившиеся в тылу врага партизаны 34 национальностей страны, помогали советской армии. Олар фашист айдутларыны эм де чокътан-чокъ дженкявер техника ве силяларыны ёкъ эттилер (Къырым, 08.05.1998, с. 1) / Они уничтожили немцев, много военной техники и другого оружия. Семетдешимиз Эдие Бурнашева Улу Ватан дженкининъ башындан сонъунадже иштирак эткен арбий эмширедир (Къырым, 08.05.1998, с. 1) / Наша землячка Эдие Бурнашева была военной медицинской сестрой и прошла войну от начала и до конца. О, Орду генералы А. Батовнынъ команданлыгъындаки 51-нджи Ордунынъ санитария къысымында хизмет этти (Къырым, 08.05.1998, с. 1) / Она служила в 51-ой воинской санитарной части под командованием военного генерала А. Батова. Улу Гъалибенинъ 53 йыллыгъы арфесинде Къырым партизанларынынъ 39-нджы анъаневий корюшюви олып кечти (Къырым, 08.05.1998, с. 1) / В преддверии 53-ей годовщины Великой Победы состоялась традиционная 39-ая встреча ветеранов.

Выводы

Таким образом, в статье представлена общественно-политическая лексика крымскотатарского языка, функционирующая на страницах республиканских газет «Янъы дюнья» и «Къырым» 90-х годов прошлого столетия. Выделено 5 сфер употребления: административно-политические термины, правовые, экономические, религиозные и военные термины. Именно на страницах национальных газет вышеупомянутого периода формировались и закреплялись новые термины общественно-политического содержания в крымскотатарском языке.

Список источников

1. Гарифуллин В.З. Особенности функционирования татарского языка на газетной полосе в новых условиях // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. Казань, 1992. Т. 1. С. 37 – 38.

2. Солганик Г.Я. Лексика газеты. М.: Наука, 1981. 108 с.

3. Габриелян О.А., Ефимов С.А., Зарубин В.Г. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь: Амена, 1998. 340 с.

4. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1970. 268 с.

5. Жданова Л.А. Общественно-политическая лексика: структура и динамика: дис. … канд. филол. наук: 5.9.5. М., 1996. 224 с.

6. Заварзина Г.А. Семантические изменения общественно-политической лексики русского языка в 80-90-е годы XX века (по материалам словарей и газетной публицистики): дис. … канд. филол. наук: 5.9.5. Воронеж, 1998. 220 с.

7. Крючкова Т.Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М.: Наука, 1989. 150 с.

8. Манник С.А. Обусловленность лексики общественно-политической жизни экстралингвистическими факторами // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2013. № 1 (13). С. 71 – 75.

9. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений. М., 2004. 368 с.

10. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М.: Наука, 1977. 382 с.

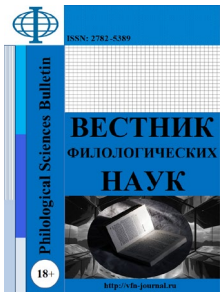
References

1. Garifullin V.Z. Features of the functioning of the Tatar language on the newspaper page in new conditions. Languages, spiritual culture and history of the Turks: traditions and modernity. Proceedings of the international conference in 3 volumes. Kazan, 1992. Vol. 1. P. 37 – 38.
2. Solganik G.Ya. Lexica of the newspaper. Moscow: Nauka, 1981. 108 p.
3. Gabrielyan O.A., Efimov S.A., Zarubin V.G. Crimean repatriates: deportation, return and settlement. Simferopol: Amena, 1998. 340 p.
4. Kostomarov V.G. Russian language on the newspaper page. Moscow, 1970. 268 p.
5. Zhdanova L.A. Socio-political vocabulary: structure and dynamics: dis. … cand. philological sciences: 5.9.5. Moscow, 1996. 224 p.
6. Zavarzin G.A. Semantic changes in the socio-political vocabulary of the Russian language in the 80-90s of the XX century (based on dictionaries and newspaper journalism): dis. … cand. philological sciences: 5.9.5. Voronezh, 1998. 220 p.
7. Kryuchkova T.B. Features of the formation and development of socio-political vocabulary and terminology. Moscow: Nauka, 1989. 150 p.
8. Mannik S.A. Dependence of the vocabulary of socio-political life on extralinguistic factors. Bulletin of Ivanovo State University. Ivanovo, 2013. No. 1 (13). P. 71 – 75.
9. Alefirenko N.F. Theory of language. Introductory course: textbook for students of philological specialty higher educational institutions. Moscow, 2004. 368 p.
10. Desheriev Yu.D. Social linguistics. Towards the basics of general theory. Moscow: Nauka, 1977. 382 p.

Информация об авторах

Ресутова Э.И., *кафедра крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма при ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова*

© Ресутова Э.И., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81.37

[1] Булгучева С.А., [1] Дударова Л.М. ***[1] Ингушский государственный университет***

Типологически значимые характеристики лексико-семантических групп ментальных прилагательных русского и ингушского языков

Аннотация*: в данной статье мы постарались выделить ментальные особенности прилагательных словесных групп в русском и ингушском языках и описать некоторые существенные особенности типологии, а также показать, что основными отличительными признаками являются не материальная сторона слова, а отношения, мыслящиеся в осознаваемой действительности субъектами речевой деятельности. Это касается ключевой характеристики, которая определяет лексико-семантическую группу и ее подкатегории как единую и целостную систему.*

В каждом языке прилагательные ментального характера занимают особое место. Следовательно, мы имеем возможность для выявления общих и уникальных характеристик в проявлении изучаемого явления, а также подтверждения типичности предложенного метода анализа этого языкового материала. Отмеченные соотношения и отличия русской и ингушской языковых картин мира вносят новизну в их описание. Своеобразные и специфические особенности рассматриваемых систем позволяют более отчетливо выявить характерное и путем аргументации сделать разграничение между лингвистическими и экстралингвистическими аспектами в исследуемом материале.

Когнитивный и психолингвистический подход, взятый за основу исследования, дает возможность для изучения ЛСГ ментальных прилагательных, отражающих культурно-исторический опыт определённого народа. С этой точки зрения анализ указанной ЛСГ с позиции когнитивной лингвистики и методов когнитивного моделирования оказывается весьма плодотворным.

Ключевые слова*: концепт, анализ, значение, человек, ментальность, язык, вариативность, оценка, картина мира*

Для цитирования: Булгучева С.А., Дударова Л.М. Типологически значимые характеристики лексико-семантических групп ментальных прилагательных русского и ингушского языков // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 45 – 52.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Bulgucheva S.A., [1] Dudarova L.M., ***[1] Ingush State University***

Typologically significant characteristics of lexico-semantic groups of mental adjectives of the Russian and Ingush languages

Abstract*: in this article we have tried to highlight the mental features of adjective word groups in the Russian and Ingush languages and describe some essential features of the typology, as well as to show that the main distinguishing features are not the material side of the word, but the relations thought by the subject of speech activity in the conscious reality. This concerns the key characteristic that defines the lexical-semantic group and its subcategories as a single and integral system.*

In each language, adjectives of a mental nature occupy a special place. Consequently, we have the opportunity to identify common and unique characteristics in the manifestation of the phenomenon under study, as well as to confirm the typicality of the proposed method of analyzing this linguistic material. The noted relationships and differences between the Russian and Ingush language worldviews introduce novelty into their description. The unique and specific features of the systems under consideration allow us to more clearly identify the characteristic and, through argumentation, make a distinction between linguistic and extralinguistic aspects in the material under consideration.

The cognitive and psycholinguistic approach underlying the study makes it possible to study the lexical-semantic group of mental adjectives that reflect the cultural and historical experience of a certain people. From this point of view, the analysis of the said LSG from the standpoint of cognitive linguistics and cognitive modeling methods turns out to be very fruitful.

***Key words**: concept, analysis, value, person, mentality, language, variability, assessment, world picture*

For citation: Bulgucheva S.A., Dudarova L.M. Typologically significant characteristics of lexico-semantic groups of mental adjectives of the Russian and Ingush languages. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 45 – 52.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Анализ лексических единиц долгое время являлся и продолжает оставаться одним из ключевых аспектов языкознания. Современные исследователи уделяют значительное внимание вопросам, связанным с семантикой. Это объясняется стремлением разобраться в коммуникативной природе языка через данный аспект, в то время как содержательная сторона языка тесно связана с когнитивной активностью человека.

Цель исследования – выявить специфику рассматриваемой группы прилагательных ментальных качеств; отметить типологически значимые свойства и установить общие и частные признаки двух сравниваемых групп разных языков.

Материалы и методы исследований

Для достижения глубокой и всесторонней оценки исследуемых лексем необходимо учитывать их многослойность и сложность, что подразумевает использование различных методологических подходов. Компонентный анализ позволяет детализировать семантические компоненты каждого слова, выявляя их значения и ассоциации в контексте.

Словообразовательный анализ сосредоточен на структурных изменениях и удивительных преобразованиях, происходящих в процессе морфологической адаптации слов, что открывает новые горизонты для понимания их употребления.

Метод сопоставления обеспечивает возможность выстраивания параллелей между лексико - семантическими группами, что позволяет идентифицировать общее и разное в значениях и функциях. Это необходимый инструмент для анализа лексико-семантических вариантов, который уточняет и обосновывает внутренние формы слов, отражая их историческую и культурную значимость. В совокупности эти методы создают многоуровневую модель анализа, позволяющую проникать в глубины языковой системы и обогащать наше понимание лексического разнообразия.

Результаты и обсуждения

Лексико-семантические группы (ЛСГ) представляют собой фундаментальные структуры лексики, объединяющие слова, семантически связанные между собой. В.Н. Прохорова справедливо определяет их как группы слов, обозначающие родственные понятия. Эта родственная связь обусловлена общностью дифференциальных признаков, то есть тех смысловых компонентов, которые отличают одно понятие от другого в рамках данной группы. Именно эта общность дифференциальных признаков, проявляющаяся в схожести сем – минимальных единиц значения – определяет сходство семантических отношений между словами внутри ЛСГ [14, с. 49].

Исследование ЛСГ, представляющих собой лексические микросистемы, является одним из наиболее динамично развивающихся направлений современной лингвистики. Это связано с тем, что анализ ЛСГ позволяет глубже понять механизмы организации и функционирования лексической системы языка в целом. ЛСГ демонстрируют не только вертикальные (гипонимические, гипернимические) и горизонтальные (синонимические, антонимические, ассоциативные) связи между словами, но и сложные многоуровневые отноше-

ния, отражающие когнитивные процессы, лежащие в основе формирования понятийной системы человека. Однако определение ЛСГ не ограничивается лишь семантическим аспектом.

Важную роль играют и другие характеристики. В частности, слова, входящие в одну ЛСГ, принадлежат к одной части речи. Это обусловлено тем, что грамматические свойства слова тесно связаны с его семантикой. Так, существительные обозначают предметы, прилагательные – признаки, глаголы – действия, и объединение слов разных частей речи в одну ЛСГ нарушило бы логическую и структурную целостность самой группы. Кроме того, ЛСГ характеризуются специфическими ономасиологическими свойствами, то есть особенностями, связанными с происхождением и внутренней формой слов. Наличие или отсутствие внутренней формы (мотивированности слова) может существенно влиять на семантические отношения внутри группы.

Также важным фактором является словообразовательная мотивация: наличие общих словообразовательных аффиксов может служить дополнительным критерием для объединения слов в ЛСГ.

В заключение следует отметить, что исследование ЛСГ позволяет не только описать структуру лексики, но и выявить динамику ее развития. Анализ изменения состава и структуры ЛСГ на разных этапах развития языка позволяет проследить эволюцию понятийной системы, отражающую изменения в культуре и мировоззрении носителей языка.

Лексико-семантическая группа ментальных прилагательных – это обширное поле исследования, охватывающее слова, описывающие психические, нравственные и интеллектуальные качества человека. Эти прилагательные не просто констатируют наличие определенного свойства, но и несут в себе оценочный компонент, что делает их анализ особенно интересным. Рассмотрение такой группы в рамках сравнительного анализа языков, например, русского и ингушского, позволяет выявить как общие, так и специфические черты выражения ментальности. Понятие «ментальность», в широком смысле, обозначает совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей, характерных для определенной социокультурной группы [13, с. 119].

Важно подчеркнуть, что ментальность не является статичной величиной, а находится в постоянном развитии и трансформации под влиянием различных социальных, экономических и политических факторов. Она не является чем-то монолитным и неизменным внутри одной культуры, а скорее представляет собой спектр индивидуальных и групповых вариаций.

Способность характеризовать когнитивные качества человека свойственна не только прилагательным, но и другим частям речи: существительным (например, интеллект, ум), глаголам (размышлять, сопереживать), наречиям (умно, глупо). Однако именно прилагательные предоставляют наиболее лаконичный и точный способ описания ментальных качеств. Они позволяют охарактеризовать человека с различных точек зрения: с точки зрения его интеллектуальных способностей (умный, талантливый, глупый), эмоциональной сферы (добрый, злой, чувствительный), нравственных принципов (честный, порядочный, беспринципный) и волевых качеств (настойчивый, решительный, слабохарактерный).

Анализ ментальных прилагательных в русском и ингушском языках демонстрирует как общие, так и специфические особенности выражения ментальности. Например, несмотря на то, что оба языка обладают богатым набором слов, описывающих ментальные качества, семантические нюансы и оценочные коннотации могут существенно различаться. Кроме того, культурный контекст играет значительную роль в интерпретации значения таких прилагательных. Слово, имеющее положительную коннотацию в одной культуре, может восприниматься нейтрально или даже негативно в другой.

Особую сложность представляет изучение роли словообразовательных элементов, таких как суффиксы, в формировании стилистической окраски ментальных прилагательных. Один и тот же суффикс может встречаться в словах с различной стилистической окраской: например, суффиксы, образующие в ингушском языке прилагательные типа кхетамза (нейтральное значение) и Іовдала (разговорное), маьттаза (нейтральное) и моттцаховш (пренебрежительное). Это обусловлено взаимодействием различных факторов: семантикой корня, функциональным стилем текста, ситуативным контекстом и другими.

Таким образом, определение стилевой окраски, вносимой суффиксом, требует анализа слова в конкретном контексте. Более того, глубокий анализ требует рассмотрения не только морфологических, но и семантических, прагматических аспектов, а также сопоставления с данными корпусной лингвистики и исследованиями в области когнитивной лингвистики.

В контексте описанного явления можно отметить, что подобное распределение маркированных единиц указывает на особенности культурной и социальной коннотации, свойственные русскому и ингушскому языкам. По соотношению маркированности единиц в обеих сравниваемых группах наблюдается сходство. И в русском, и в ингушском языках подгруппы, обозначающие интеллектуальные, волевые качества, эмоциональное состояние, его отношение к окружающему обладают меньшим числом субъектно маркированных

единиц. Подгруппы, указывающие на эмоциональные проявления и личностные свойства по отношению к другим, составляют большее число маркированных единиц.

Отсюда следует, что анализ маркированности единиц открывает новые горизонты для понимания взаимовлияния языка и культуры, позволяя углубленно исследовать области, связанные с личностной идентификацией и эмоциональным восприятием в различных сообществах.

Стилевая вариативность и эмоциональная окрашенность анализируемых прилагательных играют ключевую роль в понимании языка и его динамики. Эти характеристики во многом зависят от словообразующего фактора, включающего в себя продуктивность, словообразовательное значение и восприятие носителями языка. Связано это прежде всего с суффиксами, которые придают словам различные оттенки значений и стилистическую окраску.

Словообразовательное значение играет важную роль. Например, прилагательные, образованные от существительных, могут нести в себе как нейтральные, так и эмоционально окрашенные значения. В зависимости от контекста, одно и то же прилагательное может восприниматься по-разному: «смешной» в контексте комедийной ситуации будет восприниматься положительно, тогда как в другом контексте может восприниматься как насмешка. Если говорить о влиянии восприятия носителей языка на стилистическую окраску, то можно отметить, что люди по-разному реагируют на одни и те же слова в зависимости от их личного опыта, культурного контекста и даже региона проживания. Это может привести к тому, что одно и то же слово будет иметь разные коннотации в разных частях страны. Словари могут не указывать на различия в вариантах, либо акцентировать внимание на частоте употребления, сфере использования или стилистической окраске. Например, в литературном языке могут использоваться одни прилагательные, тогда как в разговорной речи – другие.

Таким образом, можно сказать, что словообразование в языке – это сложный и многогранный процесс, который требует внимательного изучения. Стилизация и эмоциональная окраска прилагательных не только обогащают язык, но и делают его более выразительным и разнообразным.

Исходя из сказанного, можем отметить, что вариативность ингушских ментальных прилагательных ниже, чем той же группы слов русских прилагательных.

Антонимические отношения представляют собой интересное явление в языке и мышлении, создавая контраст между противоположными характеристиками. Например, слова зовза – майра (трусливый – смелый) не просто обозначают различные качества, но и отражают различные оценки этих качеств в обществе. Эти противопоставления помогают лучше понимать человеческую природу и социальные нормы, которые формируют наше восприятие.

С другой стороны, синонимические отношения возникают, когда слова имеют схожие значения, но различаются по степени выраженности или оценочной значимости. Сема оценки, свойственная большинству прилагательных данной группы, носит субъектный характер: сонта – кура (высокомерный); уне – айпе – лазаре (больной) – отрицательная оценка; тешаме – догмерза – (надежный – добрый); хьаькъале – кхетаме – корта болаш (умный) – положительная оценка. Такие нюансы в значении слов позволяют более точно передавать мысли и чувства, делая коммуникацию более богатой и разнообразной.

Таким образом, антонимические и синонимические отношения в языке не только обогащают нашу речь, но и помогают нам лучше понимать окружающий мир и взаимодействие между людьми.

Своеобразие словообразовательного состава ЛСГ ментальных прилагательных русского и ингушского языков позволяют выявить некоторые закономерности: в большинстве случаев прилагательные, определяющие ментальные качества человека, в обоих языках являются простыми, т.е. состоящими из одной основы и не включающими дополнительных морфем. Например, в ингушском языке мы можем встретить слова бирса (злой), къиза (жестокий), майра (смелый), говза (искусный); простым и сложным прилагательным в русском языке могут соответствовать аналогичные прилагательные в ингушском языке, поскольку между ними существует определённое сходство.

Простые прилагательные с непроизводной основой в русском языке имеют свои эквиваленты в ингушском, что подчеркивает не только лексическое, но и концептуальное сходство между языками. Например, простое прилагательное «умный» в русском языке может соответствовать ингушскому хьаькъале.

При исследовании простых ментальных прилагательных русского языка с непроизводной основой можно заметить, что для них имеют соответствия простые и сложные прилагательные в ингушском языке.

В русском языке простые прилагательные, имеющие производную основу, часто включают суффиксы -н-, -енн-, -ённ-, -анн-. Например, слова «расстроенный» или «инфантильный» могут быть переведены на ингушский как эгIазваха и бера хьаькъалера соответственно. Это указывает на то, что в ингушском языке для

обозначения подобных качеств используются сложные прилагательные, которые происходят от глаголов или их форм [8, с. 301].

В русском языке существуют прилагательные, образуемые с помощью префиксов и суффиксов, например: «безответственный», «безудержный», «невнимательный». Подобные префиксальные образования указывают на наличие или отсутствие определённых аспектов, связанных с сознанием, памятью, речью, мышлением, воображением и познавательной активностью. В ингушском языке аналогичные характеристики передаются с помощью суффиксов -ц- и -за-. Например, «невнимательный» переводится как фийлавоаца, а «нелогический» – как уйлайинза. Это показывает, что в обоих языках существуют способы выразить отрицательные качества, хотя они реализуются через разные морфологические структуры.

Ментальные прилагательные русского языка зачастую являются сложными и состоят из двух основ. Например, слова «дружелюбный» и «своевольный» могут быть разбиты на составные части, каждая из которых несёт определённый смысл. В ингушском языке аналогичные сложные прилагательные также присутствуют: «дружелюбный» переводится как юкъарамашара, а «своевольный» – как шийнахетара. Это значит, что в обеих языковых системах существует схожая структура для описания ментальных характеристик, что может свидетельствовать о схожести культурных и социальных концептов, связанных с личностью и поведением.

Исследование ментальных прилагательных в русском и ингушском языках открывает интересные аспекты как лексической, так и морфологической структуры. Это также может служить основой для более глубокого понимания того, как разные языки отражают человеческие качества и восприятие мира. Сравнительный анализ этих языков может помочь в изучении не только лексикона, но и культурных особенностей, связанных с восприятием ментальных состояний и характеристик личности.

Сложные прилагательные в ингушском языке представляют собой интересное лексическое явление, аналогичное тому, что наблюдается в русском языке. Они формируются через различные модели сложения, которые включают в себя комбинации основ из разных частей речи. Например, можно выделить сочетания существительных с прилагательными, как в слове кулгговза, что переводится как «способный». Также существуют модели, где соединяются два существительных, как в словах къахьегаме «трудолюбивый» и сакьердаме «веселый». Важно отметить, что в ингушском языке также встречаются сочетания, образованные от числительных и глагольных форм, например, цхьанкхетара и цхьанкхетадаь, которые можно перевести как «обобщенный». Кроме того, использование местоимений в сочетании с глаголами также приводит к образованию сложных прилагательных, как, например, в слове шийнахетара, которое можно перевести как «своевольный». Данные примеры показывают, как в ингушском языке происходит создание новых лексических единиц через комбинирование различных частей речи, что делает язык более выразительным и разнообразным. К числу нейтральных суффиксов в ингушском языке относятся -за, -не, -е. В ЛСГ русских прилагательных ментальности в большинстве случаев им соответствуют различные, не обнаруживающие прямой соотнесенности и строгой упорядоченности суффиксы с различными значениями.

В русской ЛСГ данных прилагательных словообразовательной модели на -т- соответствует целый ряд словообразовательных суффиксов ингушского языка – гIа, -ра, -не. Это подчеркивает, что точные корреляции между подгруппами словообразовательных моделей двух языков установить сложно. При сопоставлении ингушского и русского языков становятся заметными общие языковые черты, которые присущи всем языкам в целом, независимо от их принадлежности, что позволяет выявить уникальные характеристики каждого языка, а также концептуальные и лексические аспекты восприятия мира, лежащие в основе языковых явлений. Например, в ингушском языке акцент может быть сделан на коллективные ценности и традиции, в то время как в русском языке может преобладать индивидуалистический подход.

Таким образом, изучение сложных прилагательных в ингушском языке не только открывает новые горизонты для понимания его структуры, но и углубляет наше понимание культурных и ментальных различий между народами, подчеркивает важность лексикографических исследований, которые помогают лучше понять, как язык отражает мировосприятие его носителей.

Выводы

Сравнение лексико-семантических групп ментальных прилагательных в двух языках показывает, что на верхних уровнях иерархии имеются сходства в семантических характеристиках. Однако на нижних уровнях семантической организации этих прилагательных можно наблюдать различия. Данное утверждение указывает на то, что интегральные семы, которые объединяют различные подгруппы, и дифференциальные семы, относящиеся к характеристикам свойств, в основном пересекаются и совпадают.

Следовательно, что в контексте анализа семантики, обе категории сем имеют схожие значения и могут использоваться для описания одних и тех же явлений. Например, интегральные семы могут включать в се-

бя более обширные понятия, которые охватывают множество аспектов, тогда как дифференциальные семы фокусируются на специфических характеристиках, что позволяет более точно определить свойства объектов или явлений.

Однако если рассмотреть семы, связанные с оценкой, а также с «характером оценки» и «нормами или степенями оценки», можно заметить, что здесь существуют определенные различия. Оценка может варьироваться в зависимости от контекста, в котором она применяется, и от субъективного восприятия. Например, в одной культуре определенные качества могут оцениваться положительно, тогда как в другой – негативно. Это подчеркивает важность культурного контекста в интерпретации сем. Кроме того, различия в оценках могут быть связаны с индивидуальными предпочтениями и опытом, что делает процесс оценки более многогранным и сложным. Таким образом, понимание семантики требует не только анализа интегральных и дифференциальных сем, но и глубокого осмысления оценочных аспектов, которые могут значительно варьироваться.

Прилагательные, касающиеся ментальных характеристик человека, можно разделить на три основные категории: те, что описывают естественные, природно-приобретенные и полученные качества. Также оправдано дальнейшее деление обозначенных групп. Прилагательные, указывающие на естественные качества, позволяют выделить две противоположные подкатегории: индивидуальные и коллективные ментальные особенности личности.

С аналогичной ситуацией сталкиваемся и в лексической группе прилагательных, относящихся к природно-приобретенным качествам, где внутреннее деление также остается актуальным. Большинство прилагательных из данной группы относится к подкатегории, связанной с эмоциональными выражениями.

Что касается подгрупп, отражающих индивидуальные характеристики и умственные способности людей, то они равны по численности.

С прилагательными, указывающими на приобретенные качества, ситуация отличается. Основное деление остается прежним, но в некоторых подгруппах выделяются единицы, которые могут относиться к нескольким подгруппам одновременно. Подгруппа имен, описывающих людей в зависимости от их отношения к себе и окружающим, оказалась наиболее обширной [7, с. 424].

По итогам проведенного анализа можно сделать вывод, что значительных различий между ментальными прилагательными русского и ингушского языков не наблюдается. В обеих языковых системах речь идет об одном и том же классе слов, и тот, и другой язык имеют схожую семантическую структуру.

Национальная специфика языка всегда вносит свои коррективы в лексическое разнообразие и структуру. В русском языке существует множество лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слов, которые включают ментальные характеристики и имеют различные формы, такие как адъективные и суффиксальные. Такое разнообразие в значительной степени обусловлено особенностями русского языка, который предоставляет богатые возможности для словообразования. Одной из ключевых причин, способствующих широкому спектру ЛСВ, является наличие группы слов, обозначающих личностные качества, которые могут быть приобретены в процессе жизни. Эти слова, отражающие отношение человека к другим, играют важную роль в описании социальных взаимодействий и эмоционального состояния.

Русский язык, благодаря своей гибкости и разнообразию, позволяет создавать новые слова и формы с помощью различных суффиксов, что в свою очередь увеличивает число доступных вариантов для выражения тех или иных ментальных характеристик. Например, прилагательные, которые описывают эмоциональные состояния или личные качества. Слово «злой» может иметь несколько параллельных образований (злобный и злющий), каждое из которых добавляет свои нюансы в описание агрессивного состояния. Эти суффиксальные формы позволяют более точно передать оттенки значений и эмоциональную окраску, что делает русский язык особенно выразительным. В ингушском языке наблюдается меньшая вариативность в отношении адъективных форм. Здесь отсутствуют такие разнообразные суффиксальные образования, что ограничивает возможности для детального описания ментальных характеристик.

Анализ лексико-семантической группы (ЛСГ) прилагательных показывает, что оценочный компонент более выражен в суффиксальных прилагательных, что свидетельствует о тесной связи между суффиксацией и оценочным значением, поскольку суффиксы, добавляющиеся к корням прилагательных, не только изменяют их грамматические характеристики, но и формируют определённые эмоциональные и оценочные оттенки, что делает их важным инструментом в выражении субъективных мнений и чувств.

При этом, несмотря на наличие единиц, дающих возможность выделить аналогичные группы и подгруппы в различных языках, необходимо учитывать экстралингвистические факторы, связанные с культурными и социолингвистическими особенностями, которые влияют на организацию лексем и их восприятие в рамках каждой конкретной языковой системы. Например, в русском языке определённые прилагательные

могут носить ярко выраженный эмоциональный окрас, а в ингушском языке аналогичные слова могут восприниматься совсем иначе, на что влияют культурные традиции и менталитет носителей языка.

Ментальные прилагательные, выделенные нами в процессе анализа, основываются на когнитивных характеристиках, позволяющих выявить схожие семантические категории. Это дает возможность для сопоставления внутренней структуры и смысловых связей лексических единиц, находящихся в одной и той же группе.

Наблюдения, получившие в результате рассмотрения ментальных прилагательных русского языка, были сопоставлены с ингушскими прилагательными, что позволило нам установить их типичность и специфические особенности для двух разных языковых систем.

Важно отметить, что прилагательные не просто служат описательными элементами языка, но и отражают сложные механизмы когнитивного и эмоционального восприятия окружающего мира. Каждое прилагательное, используемое в речи, несёт в себе не только объективное значение, но и субъективные оценки, которые зависят от личного опыта говорящего, его культурного фона и эмоционального состояния.

Выбор варианта из единиц лексико-семантической группы представляет собой деятельность языковой личности, отражающей наше восприятие мира и взаимодействие с ним, демонстрирующей свои интеллектуальные способности, эмоциональные характеристики и коммуникативные навыки.

Список источников

1. Актуальные проблемы ингушского языка (сборник научных статей). Назрань, 1998.
2. Актуальные проблемы российского языкознания: 1992-1996 гг. М., 1997.
3. Алероев И.Ю. Сравнительно-сопоставительная лексика нахских языков. Грозный, 1972.
4. Апресян Ю.Д. Личная сфера говорящего и наивная модель мира / мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М., 1988.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
6. Ахриева Р.И., Бекова П.Х., Мальсагова Л.Д., Оздоева Ф.Г. ХIанзара гIалгIай мотт. Грозный, 1972.
7. Булгучева С.А., Дударова Л.М. Ментальные прилагательные и принципы их отбора в современном русском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова. 2014. № 4. С. 422 – 426.
8. Булгучева С.А. Сопоставительные особенности лексико-семантических групп ментальных прилагательных русского и ингушского языков // Успехи гуманитарных наук. 2019. № 6. С. 299 – 303.
9. Гандалоева А.З. Ингушский язык (пособие для студентов университета). Магас, 2009.
10. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. М., 1993. № 9.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2010.
12. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
13. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. М., 1990. № 6. С. 110 – 122.
14. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М.: Филологический факультет, 1996. 125 с.
15. Терехова Н.В. Имена прилагательные, обозначающие характер человека // Вестник ун-та Российской академии образования. М., 1996. № 1. С. 101 – 104.

References

1. Actual problems of the Ingush language (collection of scientific articles). Nazran, 1998.
2. Actual problems of Russian linguistics: 1992-1996. M., 1997.
3. Aleroev I.Yu. Comparative-contrastive vocabulary of the Nakh languages. Grozny, 1972.
4. Apresyan Yu.D. Personal sphere of the speaker and the naive model of the world / thinking, cognitive sciences, artificial intelligence. M., 1988.
5. Arutyunova N.D. Language and the world of man. M., 1999.
6. Akhrieva R.I., Bekova P.Kh., Malsagova L.D., Ozdoeva F.G. KhIanzara gIalgIay mott. Grozny, 1972.
7. Bulgucheva S.A., Dudarova L.M. Mental adjectives and principles of their selection in the modern Russian language. Bulletin of the North Ossetian State University named after K. Khetagurov. 2014. No. 4. P. 422 – 426.
8. Bulgucheva S.A. Comparative features of lexical and semantic groups of mental adjectives of the Russian and Ingush languages. Humanitarian Sciences Success. 2019. No. 6. P. 299 – 303.
9. Gandaloeva A.Z. Ingush language (manual for university students). Magas, 2009.
10. Dubov I.G. The phenomenon of mentality: psychological analysis. Questions of Psychology. M., 1993. No. 9.
11. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. M.: URSS, 2010.

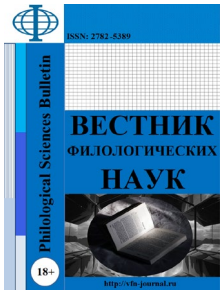
12. Kubryakova E.S. Parts of speech from a cognitive point of view. M., 1997.
13. Pocheptsov O.G. Language mentality: a way of representing the world. Problems of Linguistics. M., 1990. No. 6. P. 110 – 122.
14. Prokhorova V.N. Russian terminology (lexical and semantic formation). M.: Philological faculty, 1996. 125 p.
15. Terekhova N.V. Adjectives denoting a person's character. Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. M., 1996. No. 1. P. 101 – 104.

Информация об авторах

Булгучева С.А., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Ингушский государственный университет, 1111piter@mail.ru*

Дударова Л.М., *кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Ингушский государственный университет*

© Булгучева С.А., Дударова Л.М., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 339.138

[1] Зорина М.В.

[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Обзор трендов в медиа 2024 года

***Аннотация**: 2024 год принес в сферу медиа ряд вызовов и возможностей. Нестабильная обстановка, снижение доходов, клиповое мышление, искусственный интеллект, изменение характера медиапотребления и интересов пользователей – все это повлияло на ход событий и, конечно, на тренды в медиа индустрии. В данной работе приведен обзор ключевых трендов в цифровой среде и медиа, собранный автором по итогам обзора литературы и анализа личного опыта. Также было проведено исследование о том, как менялось медиапотребление и интересы аудитории. В работе авторы хотели отразить как среда влияет на треды в традиционных и в новых медиа. Для написания работы был проведен обширный анализ литературы, исследований и статистики от ключевых исследователей медиасреды и молодых ученых на тему трендов. Работа направлена на выявление основных тенденций, которые определяют медиаландшафт в 2024 году, а также на прогнозирование будущих изменений в этой динамично развивающейся сфере. В ходе работы автором был сделан вывод о том, как будет в дальнейшем развиваться сфера СМИ и новых медиа.*

***Ключевые слова:** медиа, СМИ, тренды, нейросети, контент, социальные сети*

Для цитирования: Зорина М.В. Обзор трендов в медиа 2024 года // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 53 – 57.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Zorina M.V.

[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Overview of media trends in 2024

***Abstract:** the year 2024 brought a number of challenges and opportunities to the media industry. The unstable environment, declining incomes, clip thinking, artificial intelligence, changing nature of media consumption and user interests - all this has influenced the course of events and, of course, trends in the media industry. This paper provides an overview of key trends in the digital environment and media gathered by the author from a literature review and analysis of personal experience. A study was also conducted on how media consumption and audience interests have changed. In the paper, the authors wanted to reflect how the medium influences trends in traditional and new media. To write the paper, an extensive analysis of literature, research and statistics from key media environment researchers and young scholars on the topic of trends was conducted. The work aims to identify the main trends that define the media landscape in 2024, as well as to predict future changes in this dynamic field. In the course of the work, the author made a conclusion about how the media and new media sphere will develop in the future.*

***Keywords**: media, mass media, trends, neural networks, content, social networks*

For citation: Zorina M.V. Overview of media trends in 2024. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 53 – 57.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Последнее десятилетие стало вызовом для всего медиасообщества. Дело в том, что доходы жителей ряда стран падают, финансовая стабильность на грани риска (а это влияет на покупку подписок на СМИ, видеохостинги и т.д.). Также аудитория устает от негативной новостной повестки, и, возможно, в скором времени, просто перестанет следить за новостями. Не менее актуальны эти факторы и для России и, конечно, это находит отражение и в форматах контента. Медиа борются за внимание аудитории, сокращается время на то, чтобы привлечь и удержать зрителей, у жителей планеты прогрессирует клиповое мышление. В данной статье проведен анализ ключевых трендов в медиасфере, авторы изучали то, как меняются приоритеты аудитории, смотрели как медиа справляются с кризисными явлениями, а на основе полученных данных авторы сделали вывод о том, каким будет будущее СМИ.

Материалы и методы исследований

В статье приведен обзор ключевых трендов 2024 для российских медиа. Авторами проведен анализ исследований на тему важных направлений в работе СМИ и новых медиа. Последовательный анализ изменения интересов потребителей медиарынка позволил сделать выводы о бедующих трендах в медиа. В работе рассмотрены ключевые тренды их сущность и причина появления. На основе обзора различных данных, анализа исследований был создан обзор медиатрендов, который будет полезен для практического применения в агентствах, СМИ, издания, социальных сетях и рекламе.

Результаты и обсуждения

Говоря о медиа в 21 веке нельзя не обратить внимание то, что сейчас медиасреда сталкивается с большим выбором, – это принятие решений в условиях избыточного количества доступных альтернатив [1]. У медиа корпораций идет ожесточенная борьба за внимание пользователей и на это у них есть только 3 секунды – время чтобы зацепить пользователя, и 7 секунд чтобы его удержать.

Ник Ньюман в своей работе говорит о тренде, который заключается в переходе аудитории в интернет [2]. Но новое исследование Mediascope 2024 гола показывает, что в России не совсем такая тенденция [3]. По данным последнего анализа 97% аудитории смотрят ТВ хотя бы раз в месяц, 3:22 – это среднее время просмотра телевидения в день на жителя России. Причем чаще всего на телевидении смотрят сериалы (рис. 1).

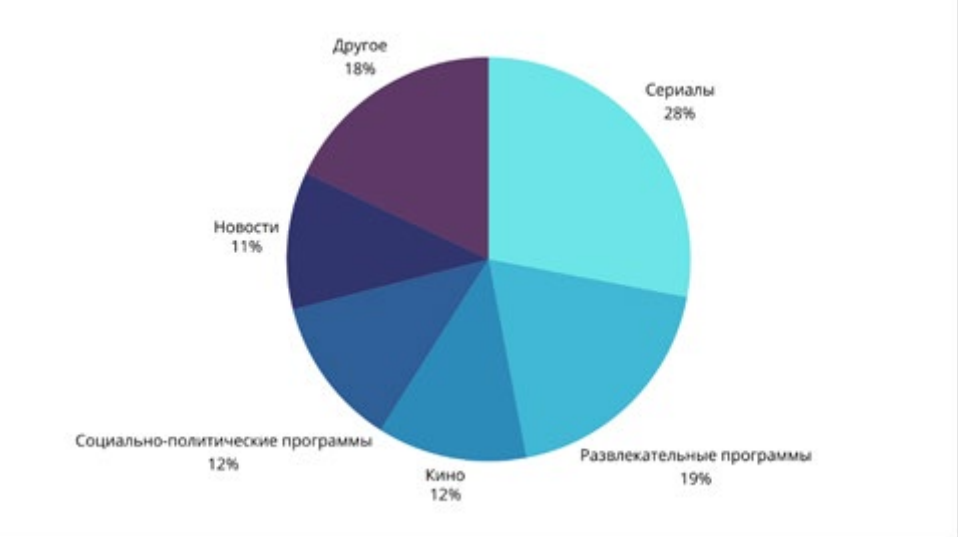


Рис. 1. Статистика структуры телепросмотра по жанрам на период январь-июль 2024 года, составленная автором на основе данных Mediascope.
Fig. 1. Statistics on the structure of TV viewing by genre for the period January-July 2024, compiled by the author based on Mediascope data.

Конечно, серьезную конкуренцию телевидению составляют онлайн кинотеатры. За год количество подписчиков увеличилось на 44%, а на 5 крупнейших сервисов приходится почти 85% аудитории. На таких

платформах, как онлайн кинотеатры можно смотреть не только фильмы и сериалы, но и подключиться к телепрограмме, также есть возможность просмотра телепередач в записи. Важной составляющей аудитории онлайн кинотеатров являются спортивные фанаты, для них проводят специальные трансляции матчей и соревнований и предлагают им расширенную подписку.

Говоря про тренды в медиа, нельзя не поговорить про социальные сети. Mediascope в последнем исследовании отметил, что 85% аудитории используют интернет хотя бы раз в месяц, 4:57 – среднее время в интернете в день на жителя России. И, конечно, больше всего в социальных сетях потребляют видео контент (рис. 2).

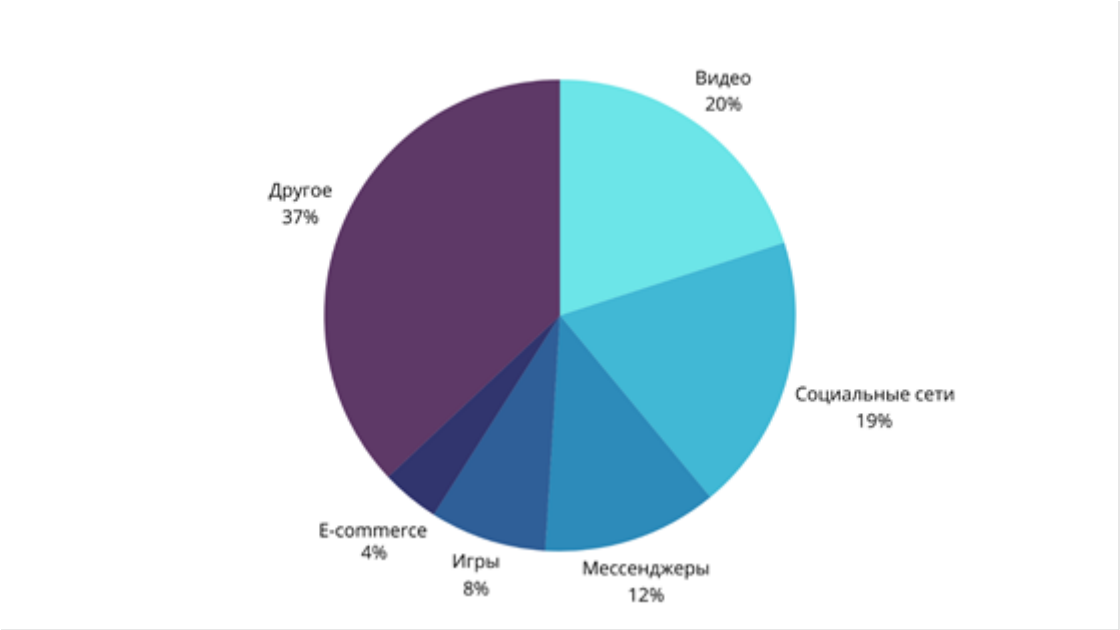


Рис. 2. Статистика структуры интернет-потребления по тематикам на период январь-июль 2024 года, составленная автором на основе данных Mediascope.
Fig. 2. Statistics on the structure of Internet consumption by topic for the period January-July 2024, compiled by the author based on Mediascope data.

Отдельно обсудим тренд на вертикальные видео. Клипы, reals и shorts стали одним из ключевых направлений для продвижения в сети, благодаря своим механизмам и алгоритмам, а для пользователей – это возможность отвлечься от рутинных проблем и нестабильной обстановке в стране. В связи с этим самым популярным направлением является юмористический контент [4]. Это направление выделяется не только в видео контенте, но и во всех других форматах в социальных сетях. Также в трендах на вертикальные видео и контент в социальных сетях можно отметить:
- юмор и мемы одна из самых популярных тем для коротких видео (79%), на втором месте – путешествия (52%), далее игры, кино, развлечения (43%) [5]. Все это подтверждает тренд на эмоциональный контент;
- один из важных трендов последних нескольких лет – это тренд на ностальгию. Бренды используют это создавая контент, который отсылает потребителей к старым фильмам, играм, трендам;
- среди трендов в вертикальном контенте отмечают также простоту контента, больше просмотров набирают не профессиональные ролики, а простые и искренние;
- работа с трендами и инфоповодами – один из ключевых трендов в медиа. Пользователи, блогеры, крупные кампании и бренды стремятся к тому, чтобы быстро и креативно реагировать на быстроменяющиеся события;
- отсылки к поп-культуре. И это тренд близок к тренду на ностальгию. Этот прием позволяет говорить на одном языке с самыми разными аудиториями;
- репортажные ролики, синхроны интервью – такие форматы в 2024 на волне популярности. Их используют не только блогеры, но и компании с целью рекламы и разноформатности;
- использование VR и AR технологий в видеороликах и рекламе и связано это с тем, что пользователи все больше стремиться к уникальному опыту из-за переизбытка информации и мультиформатности, которая в последнее время сводится к однотипности.

Важным трендом в сфере социальных сетей и медиа стала разработка фирменного стиля бренда, СМИ, компании и соблюдение этого брендбука во всем контенте. Например, РЖД создали серию стикеров для Telegram со своими проводниками и активно использовали это для своего аккаунта. «Стратегия визуальных коммуникаций – визуализация бренда с помощью дизайна» – Н.С. Захарчук, Л.В. Попковская [6].

Нейросети также значительно повернули ход истории медиа. Использование ИИ уже сейчас активно применяется в журналистике, рекламе и SMM [7]. Причем это уже не только классическое написание текстов, генерация картинок и аналитика, а более интересные форматы. В 2024 году в топе тренд на инфлюентсеров, созданных искусственным интеллектом. Такие как Айтана Лопес, Лил Микела уже имеют более 200 тысяч подписчиков в своих блогах.

Инфлюенс-маркетинг также стал одним из ключевых направлений продвижения в сети, на данный момент – это целый бизнес с большими оборотами. Продвижение брендов через медийных личностей дает возможность нативно рассказать о продукте и повысить доверии аудитории и укрепить с ней связь. Если грамотно подобрать инфлюенсера, то реклама будет эффективной и полезной для кампании [8].

Одним из новых форматов контента является подкаст. 10 миллионов человек – активная аудитория подкастов в России, и она растет на 10% ежегодно [9]. Причем самыми популярными категориями является наука, искусство и кино.

Одно из направлений работы медиа – ретеншен, то есть удержание внимания пользователей. И делаю это самыми разными способами, например, вовлекая аудиторию через игры. Таким трендом стала игра Hamster Kombat, которая вовлекла 150 миллионов пользователей за два месяца. Не уступают в популярности и игры от известных сервисов, например, Плюс Сити от Яндекса или Шаги в ВКонтакте, где игроки получают реальное вознаграждение за действия в игре. А вот популярность игр-сервисов значительно снижается, что связанно с нехваткой кадров, плохой продуманностью сюжета и геймплея [10].

Выводы

В связи с обстановкой в стране и быстро изменяющимися трендами на пике популярности развлекательный контент и юмор, который позволяет населению отвлечься от негативной повестки. Важно отметить, что за последний год сильно выросла популярность онлайн кинотеатров, но судя по статистике телевидение пока не сдает своих позиций. Один из важных трендов – использование современных технологий. Нейросети, VR и AR помогают создавать уникальный контент и давать пользователям новый и необычный опыт. Среди форматов популярны вертикальные видео, подкасты, репортажные видео.

Список источников

1. Nick Newman. Journalism, Media, and Technology Trends and Predictions 2023 // DIGITAL NEWS PROJECT. 2023. No. 1. 9 p.

2. Исследование Mediascope Телевидение. URL: https://mediascope.net/services/media/media-audience/tv/national-and-regional/description/ (дата обращения: 20.09.2024).

3. Зорина М.В. Вертикальные видео, как феномен современности сфере SMM и рекламы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 8 (114). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vertikalnye-video-kak-fenomen-sovremennosti-sfere-smm-i-reklamy (дата обращения: 20.09.2024).

4. Анкетолог и Sixth Sense 49% россиян «залипают» в короткие вертикальные видео. Эксклюзивные данные. URL: https://www.cossa.ru/news/328823/ (дата обращения: 20.09.2024).

5. Алгалиева Г.С., Шалкарбек А. Искусственный интеллект как фактор трансформации в PR, маркетинге и медиапространстве // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-faktor-transformatsii-v-pr-marketinge-i-mediaprostranstve (дата обращения: 22.09.2024).

6. Захарчук Н.С., Попковская Л.В. Выявление ДНК бренда в разрезе авторского творчества // Материалы и технологии. 2024. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-dnk-brenda-v-razreze-avtorskogo-tvorchestva (дата обращения: 22.09.2024).

7. Российская ассоциация электронных коммуникаций Экономика Рунета / Цифровая экономика России 2023/2024 / Российская ассоциация электронных коммуникаций URL: https://raec.ru/activity/analytics/9884/ (дата обращения: 22.09.2024).

8. Акмалова Б.О. PR технологии в интернете: новые возможности инфлюенс маркетинга // SAI. 2024. Вып. 32. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pr-tehnologii-v-internete-novye-vozmozhnosti-inflyuens-marketinga (дата обращения: 26.09.2024).

9. Казун А.Д. Перспективные направления исследований потребления новостей в контексте медиасреды с большим выбором // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2024. № 2. С. 3 – 47.

10. Садковкин А.А. Влияние игр-сервисов на кризис игровой индустрии на примере Ubisoft // Финансовый менеджмент. 2024. № 5. С. 239 – 248.

References

1. Nick Newman. Journalism, Media, and Technology Trends and Predictions 2023. DIGITAL NEWS PROJECT. 2023. No. 1. 9 p.

2. Mediascope Research Television. URL: https://mediascope.net/services/media/media-audience/tv/national-and-regional/description/ (date of accessed: 20.09.2024).

3. Zorina M.V. Vertical videos as a modern phenomenon in the field of SMM and advertising. Economy and business: theory and practice. 2024. No. 8 (114). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vertikalnye-video-kak-fenomen-sovremennosti-sfere-smm-i-reklamy (date of accessed: 20.09.2024).

4. Anketolog and Sixth Sense 49% of Russians "get stuck" in short vertical videos. Exclusive data. URL: https://www.cossa.ru/news/328823/ (date of access: 20.09.2024).

5. Algalieva G.S., Shalkarbek A. Artificial intelligence as a factor of transformation in PR, marketing and media space. Russian School of Public Relations. 2024. No. 33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-faktor-transformatsii-v-pr-marketinge-i-mediaprostranstve (date of access: 22.09.2024).

6. Zakharchuk N.S., Popkovskaya L.V. Identification of brand DNA in the context of author's creativity. Materials and technologies. 2024. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-dnk-brenda-v-razreze-avtorskogo-tvorchestva (date of access: 22.09.2024).

7. Russian Association of Electronic Communications Runet Economy. Digital Economy of Russia 2023/2024. Russian Association of Electronic Communications URL: https://raec.ru/activity/analytics/9884/ (date of access: 22.09.2024).

8. Akmalova B.O. PR technologies on the Internet: new possibilities of influence marketing. SAI. 2024. Iss. 32. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pr-tehnologii-v-internete-novye-vozmozhnosti-inflyuens-marketinga (date of access: 26.09.2024).

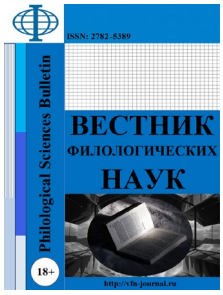
9. Kazun A.D. Promising directions of research of news consumption in the context of a media environment with a large choice. Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2024. No. 2. P. 3 – 47.

10. Sadkovkin A.A. The influence of games-services on the crisis of the gaming industry on the example of Ubisoft. Financial management. 2024. No. 5. P. 239 – 248.

Информация об авторах

Зорина М.В., *Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, milena411@mail.ru*

© Зорина М.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.39

[1] ***Падиева Д.А.*** [1] ***Ингушский Государственный Университет***

Формально-семантической аспект интерпретации вводных элементов в структуре номинативного и эргативного предложения (на материале русского и ингушского языков)

Аннотация: *в статье интерпретируются предложения русского и ингушского языков, осложненные вводными конструкциями, а именно рассматривается структурная и смысловая (семантическая) представленность вводных элементов генетически неродственных языков. Разряды вводных слов характеризуются с учетом их позиции и функции в составе предложения. Цель исследования состоит в выявлении интегральных и дифференциальных особенностей функционирования вводных слов, сочетаний и предложений в контексте предложений русского и ингушского языков с формально-семантической точки зрения. Научная новизна работы заключается в том, что через анализ вводных конструкций, проводимый с использованием различных методов исследования, выявляется общее и частное в функционировании вставных элементов, а именно особенности функционирования вводных сочетаний в исследуемых языках. В то же время в синхронной компаративистике ощущается недостаток исследований, посвящённых сопоставлению вводных элементов с различных точек зрения в разноструктурных языках. В результате исследования вводных слов, словосочетаний и предложений в статье выявлены интегральные и дифференциальные признаки с точки зрения их структуры и семантики в русском и ингушском языках. Практическая значимость исследования вводных конструкций разносистемных языков (в нашем случае – номинативного и эргативного) состоит в возможности использования результатов исследования в области типологического изучения теории осложненного предложения. Кроме того, выводы исследования могут быть использованы при изучении структуры вставных элементов. Теоретические выводы исследования могут быть положены в основу семантического объяснения интерпретируемых языковых единиц.*

Ключевые слова: *осложненное предложение, вводная конструкция, структура вставной конструкции, семантика вводных элементов, мотивированность, разноструктурные языки, номинативный строй языка, эргативный строй языка*

Для цитирования: Падиева Д.А. Формально-семантической аспект интерпретации вводных элементов в структуре номинативного и эргативного предложения (на материале русского и ингушского языков) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 58 – 64.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] ***Padieva D.A.*** [1] ***Ingush State University***

Formal-semantic aspect of interpretation of introductory elements in the structure of nominative and ergative sentences (based on the Russian and Ingush languages)

Abstract: *the article interprets sentences of the Russian and Ingush languages complicated by introductory constructions, namely, the structural and semantic (semantic) representation of introductory elements of genetically unrelated languages is considered. The categories of introductory words are characterized taking into account*

their position and function in the sentence. The purpose of the study is to identify the integral and differential features of the functioning of introductory words, combinations and sentences in the context of sentences of the Russian and Ingush languages from a formal-semantic point of view. The scientific novelty of the work lies in the fact that through the analysis of introductory constructions, carried out using various research methods, the general and the particular in the functioning of inserted elements are revealed, namely the features of the functioning of introductory combinations in the studied languages. At the same time, in synchronic comparative studies, there is a lack of research devoted to the comparison of introductory elements from various points of view in languages with different structures. As a result of the study of introductory words, phrases and sentences in the article, integral and differential features were identified from the point of view of their structure and semantics in the Russian and Ingush languages. The practical significance of the study of introductory constructions of languages of different systems (in our case, nominative and ergative) lies in the possibility of using the results of the study in the field of typological study of the theory of a complicated sentence. In addition, the findings of the study can be used in studying the structure of inserted elements. The theoretical findings of the study can be used as a basis for a semantic explanation of the interpreted linguistic units.

Keywords: *complicated sentence, introductory construction, structure of an inserted construction, semantics of introductory elements, motivation, languages of different structures, nominative structure of language, ergative structure of language*

For citation: Padieva D.A. Formal-semantic aspect of interpretation of introductory elements in the structure of nominative and ergative sentences (based on the Russian and Ingush languages). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 58 – 64.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена растущей распространенностью вводных конструкций в научной и повседневной речи носителей рассматриваемых языков. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает теоретическое обоснование различительных свойств в функционировании вводных конструкций неродственных языков, поскольку проблема сопоставления синтаксических единиц различных языков стоит весьма остро в контексте современного русского и ингушского языков и вызывает значительный интерес у современных исследователей.

Исходя из поставленной в статье цели, возникает необходимость разрешения следующих задач:

1. провести структурный анализ вставных элементов русского и ингушского языков (слов, словосочетаний, предложений) на основе живой речи и художественной литературы;
2. интерпретировать семантическую представленность вводных элементов различного характера в рассматриваемых языках;
3. определить общие и различительные признаки функционирования вводных элементов в структуре русского и ингушского предложения.

Материалы и методы исследований

В исследовании используется пласт вводных элементов авторского происхождения, наряду с примерами, извлеченными из художественной литературы, с последующим переводом на второй язык: к первым 17-ти примерам авторского происхождения приведены эквивалентные соответствия на ингушском языке. Вторая часть примеров, выписанных из художественной литературы (а именно из романов С. Чахкиева «Волчьи ночи» и М.-Х. Плиева «Трудный перевал и повести Зязикова Б.Х. «Девять дней из жизни героя»»), на ингушском языке дана с переводом на русский язык. Теоретической базой для исследования темы статьи избраны работы отечественных лингвистов А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.А. Белошапковой, Н.С. Валгиной, Л.Ю. Максимова, В.В. Бабайцевой, Е.С. Замятиной, И.Ю. Кукса, Т.Г. Скребцовой, Н.В. Кузнецовой, О.В. Почтаревой, Ю.Р. Перепельцыной, И.В. Желябовой, Н.А. Седуновой, а также отдельных ингушеведов Н.Ф. Яковлева, Л.У. Тариевой, Л.Р. Бековой, Э.Г. Оздоевой, А.З. Гандалоевой. В ходе исследования в статье применяются такие методы, как сравнительно-сопоставительный, который помогает выявить сходства и различия в функционировании вводных элементов в русском и ингушском предложениях. Описательный метод способствует более полному представлению вводных слов и словосочетаний в интерпретируемых языках. Приемы компонентного анализа, использованные в работе, должны помочь в выводах типологического характера.

Результаты и обсуждения

Вводные элементы в языках различных стратегий представляют собой слова, сочетания слов или конструкции, которые не могут быть отнесены ни к главным, ни второстепенным членам предложения. Вводятся такие вставные элементы в структуру простого предложения, осложняя его [1, с. 211]. Представители формальной Московской лингвистической школы, не указывая на различия между вводными конструкциями и обособленными членами предложения, объединяют их под единым понятием «осложненное предложение» [17, с. 265].

На сегодняшний день проблема вставных элементов в сопоставительной лингвистике была и остается предметом особого интереса у многих русоведов и ингушеведов. В отечественной лингвистике, например, считается, что в смысловом отношении вводные элементы «тесно и непосредственно связаны с содержанием высказывания» [3, с. 247], что актуально и для вставных конструкций языков эргативной стратегии. Современные языковеды также отмечают, что употребление вводного элемента с тем или иным лексическим значением меняет «субъективно-модальный план предложения» [10, с. 56]. Лингвисты-синтаксисты отмечают также и такую особенность вводных слов, как их способность быть одновременно и контекстным дополнением, и вводным словом безотносительно к конверсии слова из одной части речи в другую [2, с. 496].

Среди ингушеведов, интерпретируя проблему вводных слов, Л.У. Тариева указывает, что данный пласт языковых единиц, формально осложняя высказывание, вносит «стороннюю информацию» (например, значение субъективной модальности и др. фоновые коннотации) в предложение [15, с. 79]. Другие исследователи эргативного языка, определяя вводные элементы, акцентирует внимание на привязанность вводного слова или сочетания слов к структуре предложения [4, с. 82].

С функционально-семантической точки зрения вводные конструкции русского и ингушского языков можно разделить на несколько разрядов в зависимости от их значения: бесспорность сообщаемого; предположение, сомнение в сообщаемом; указание на источник сообщаемого; эмоциональная оценка сообщаемого; обыденность, постоянность сообщаемого; последовательность мыслей; привлечение внимания собеседника; способ оформления сообщаемого. Особый пласт вводных конструкций, свойственный в большей или меньшей степени двум исследуемым языкам, составляют клятвенные выражения, употребляемые в различных ситуациях.

Первая группа вводных конструкций (бесспорность сообщаемого) реализуется посредством таких сочетаний слов, как: без сомнений ‘шеко йоацаш’, без всяких сомнений ‘в1алла шеко йоацаш’, бесспорно ‘къовсам боацаш’, наверняка ‘тешшаме’, конечно ‘х1аьта’, не беспокойся ‘сагот ма де’, как видно ‘гуш да’, как знаем ‘ховш да’, знай ‘ховш хилалахь’, увидишь ‘хьажлахь’ и др. Например:

1. Знай, я тебе этого не оставлю – ‘Халахь, аз дутаргдац хьона из’.
2. Они, бесспорно, хорошо стреляли из ружья – ‘Уж, къовсам боацаш, топ дика кхосса ховш бар’.
3. Мальчик вернется обратно, увидишь – ‘К1аьнк юха-м воаг1аргва, хьажлахь’.

В русском и ингушском языке водные слова со значением бесспорности могут употребляться в препозиции (предложения 1) и постпозиции (предложение 3). Реже вводные слова с семантикой уверенности могут быть введены в интерпозицию предложения (пример 2).

В эргативном языке, в отличие от русского, вводный элемент может быть инкорпорирован в структуру глагола, посредством его разрыва на морфемном шве:

4. Хьал-м хьаваха, г1оттаргва вай унахо – ‘Встать-то, естественно, встанет наш больной!’.
5. Д1ачу-м, хьавахасера, воаг1аргва дади чей мала – ‘В дом-то, надо думать, зайдет дедушка чаю попить’.

Такого рода вставка в цельнооформленную лексему обычно возможна после приставки адвербиального характера (хьал ‘вверх’, д1ача ‘вовнутрь’) перед глагольной основой. В русском языке разрыву и инкорпорации вводного элемента в ингушский глагол соответствует особого рода редупликация корня глагола (пример 4).

Следует иметь в виду, что часто при транслитерации конструкции с вводными словами глагол может трансформироваться из индикативной формы в повелительную форму. Так, глагол увидишь (форма 2-го лица ед. числа) при переводе с русского на ингушский переходит в глагол хьажлахь (повелительное наклонение - дословно ‘увидь’) (пример 3). Вводные слова знай, увидишь мотивированы глаголами знать и увидеть в значении ‘знать’, а бесспорно – существительным спор. Данные слова также называют «квазипредикативными, восходящими к односоставным предложениям» [5, с. 116]. В ингушском языке т1адожара соттам (повелительное наклонение) образуется в данном случае путем прибавления к форме глагола суффиксов -л, -ахь.

Вводные сочетания ингушского языка шеко йоацаш ‘без сомнений’, къовсам боацаш ‘без споров’ сложные по структуре, представляют собой в исходе деепричастный оборот (шеко йоацаш ‘не имея сомнений’,

къовсам боацаш ‘не имея споров’). В русском языке деепричастные обороты могут выступать в качестве основы для возникновения вводных элементов, которые начинают вести себя как идиомы, или как «застывшие выражения», которые находим в отдельных справочных изданиях [13, с. 298], например: по совести говоря ‘дега т1ара аьлча’, короче говоря ‘лоацца дийцача’, судя по всему ‘долчунга хьежача’. В других случаях деепричастный оборот становится членом предложения. Так, вводное сочетание в ингушском языке в форме деепричастного оборота становится эквивалентным вводному слову в русском языке в форме существительного с предлогом или приставкой с той же семантикой, что и деепричастие в первом языке.

Вторая группа вводных слов включает вводные слова с семантикой возможности или предположения. Речедеятель выражает свое отношение к высказыванию, предполагая, что сообщаемое возможно, но он не уверен в точности сообщаемого.

Сюда относится ряд слов русского и ингушского языков со значением сомнения: кажись ‘хьаховш’, кажется ‘хетаргахьа’, видимо ‘гучох (хьагучох)’, думаю, ‘уйла ю’, возможно ‘хила мег’, вероятно ‘хила тарлу’ и др. Сравните конструкции:

6. Кажется, из-за них тебя и полюбил мой брат – ‘Хетаргахьа, уж бахьан долаш езаенна хила мег хьо са вешийна’.

7. Она не знала, с чем связалась, видимо – ‘Цунна хацар, ший сенца тоссаяний, гучох’.

8. Ты, вероятно, ничего не выучил – ‘1а, хила тарлу, х1ама 1омадаьдац’.

Вводные слова с семантикой сомнения в обоих языках обычно производные, мотивированные. Исходя из примеров 6-8, можно заметить, что данный пласт вводных слов может находиться в любой позиции в предложении. В русском и ингушском языках при употреблении в речи вводных элементов со значением неуверенности (сомнения) говорящий размышляет «не о произошедшем / происходящем факте действительности», а лишь прогнозирует то, что возможно могло или может случиться [8, с. 62].

Третья группа включает в себя вводные слова, которые указывают на источник сообщаемого. Сюда можно отнести слова: по-своему (-твоему, -вашему) ‘са (хьа, ший)1аьдалаг1а’, говорят ‘дувца’, помнится ‘дагаух’, слышно ‘хозаш да’ и др. К примеру:

9. По-моему, он не прав – ‘Са 1аьдалаг1а, из харца ва’.

10. В молодости, говорят, он был непослушным – ‘З1амига волача хана, дувца, из аьрдаг1а хиннав’.

11. Помнится, Марина была очень худая – ‘Дагаух, Марина ч1оаг1а г1ийла яр’.

Большинство вводных конструкций, указывающих на источник сообщаемого, в ингушском языке образованы путем прибавления к местоимению (указывающему на источник сообщения) причастия прошедшего времени в вещественном падеже (хотталура дожар): сона (цун, массарна, вайна) + причастия на -чох (ховчох, кхетадаьчох, дайначох, зийначох, хезачох и др.). Некоторые из них образовались путем прибавления к тем же местоимениям слов 1аьдалаг1а, дайна, ма аллара: ший 1аьдалаг1а дословно – ‘по своим адатам’, са вешийна дайна дословно – ‘как видел мой брат’, аз ма аллар ‘как я и сказал’.

К следующему разряду вводных конструкций относят слова и словосочетания, выражающие эмоциональную оценку сообщаемого. В русском и ингушском языках это чаще всего предложно-падежные сочетания в функции вводных слов, которые могут быть модифицированы: к счастью – ‘ираза’, к сожалению – ‘хатара’, к несчастью – ‘доацача ираза’, с радостью – ‘г1адвахарца’ и др. В обоих языках такие конструкции видоизменяются посредством включения неоднозначных лиц, типа: хьо (шо, вай) марша ‘к моему (твоему, вашему) несчастью’; хьа (вай, наьха…) ираза ‘к твоему счастью’, вай доацача ираза ‘к нашему несчастью’, безам бале а беце а ‘хочешь – не хочешь’, бегаш а боацаш ‘ез шуток’, хьайна (шийна) доацача эхьа ‘без совести’ футтарейна санна ‘как назло’, ц1ана бакъда ‘чистая правда’, г1адваха ‘с радостью’ и др. Например:

12. Он, без шуток, заработал себе Рай – ‘Цо, боацаш бегаш, яьккхай шийна Ялсмале’.

13. К несчастью, старушка умерла – ‘Шо марш, йоаккха саг д1аяний’.

14. Хочешь – не хочешь, Асланбик должен поехать на работу – ‘Безам бале а беце а, болх ваха везаш вар Асланбик’.

Следующий разряд вводных конструкций объединяет значение обыденности, постоянности сообщаемого. Тариева Л.У. сюда относит слова и словосочетания: даиман санна ‘как обычно’, дIаIамара 'по привычке’, эттача тайпара ‘как водится’, цкъаза санна ‘как иногда бывает’, хулаш да ‘случается’, хула ’бывает’, цкъаза хула ’иногда бывает/бывало’, массехказа мо ‘как и всегда’ и др. [15].

15. Сначала, как и всегда, она рассказала все самой себе… – ‘Цул хьалхагIа, массехказа мо, ше-шийга аьлар цо…’

16. Не туда завернул Суламбик, как иногда бывает – ‘Харцахьа чувахар Суламбик, цкъаза санна’.

17. Бывает, не успел обернуться, а уже зима – ‘Хулаш да, юхахьежав алалехь 1а хьат1адоаг1а’.

К шестому разряду относятся вводные слова, выражающие значение последовательности мыслей. Это: цкъа-дале ‘во-первых’, шоалаг1а-дале ‘во-вторых’…, иштта ‘итак, таким образом’, массала ‘например’, цхьан оаг1орахьара ‘с одной стороны’. Основной функцией указанных модальных слов является упорядочивание в процессе коммуникации информации, сообщаемой говорящим, что способствует ее правильному восприятию. Однако использование вводных конструкций из этого разряда способствует также убеждению собеседника в правдивости предоставляемого сообщения. К примеру:

18. Дикача тайпан а вар, иштта, дуккхача хана денз Виситаца доттаг1ал долаш хьа а воаг1ар – ‘Принадлежал хорошему роду, вдобавок, с давних пор дружил с Виситом’ [16, с. 3].

19. Цкъа-дале, дика хет з1амига саг майра ва яхаш, наха вувцаш. Х1аьта, шоалаг1а-дале, кхер – ‘Во-первых, ей нравится, что молодого человека все называют храбрым. Но, во-вторых, она опасается за него’ [16, с. 6].

20. Цхьан оаг1орахьа, дика х1ама дар к1аьнка дагадехар – ‘С одной стороны, мальчику в голову пришла хорошая мысль’ [6, с. 56].

В следующий разряд включены вводные элементы по типу: хозий хьона ‘ты слышишь’, хьажал / д1ахьажал ‘посмотри’, д1акхета ‘пойми’, бехк ма баккхалахь / ма билалахь ‘прошу прощения’, кхетий хьо ‘понимаешь’ и др. Перечисленные вводные слова стоят преимущественно в начале предложения, поскольку выполняют главным образом функцию завлечения собеседника в коммуникативный акт. В большинстве случаев бывает трудно разграничить случаи вводности/невводности единиц данного типа. Здесь, чтобы определить вводность конструкций нужно обращаться к контексту, поскольку именно так можно распознать отношение говорящего в высказывании. Таким образом, крайне важно исключить «искуственное разделение» слов сочетаний и предложений на вводные и невводные, поскольку главной «фигурой в характеристике вводного слова является фигура говорящего» [7, с. 80].

21. Бехк ма биллалахь, фуд цу каьхата т1а яздаьр? ‘Прошу прощения, что написано на этой бумаге?’ [6].

22. Д1акхета, дерриг хьа ца дувце дийна вусаргвац хьо – ‘Пойми, если все не расскажешь, живым не останешься’ [16, с. 57].

23. Хьажал, укхан фу ду вай? – ‘Смотри, что будем с этим делать?’ [12, с. 256].

К вводным конструкциям с семантикой способа оформления сообщаемого относятся: лоацца аьлча ‘короче говоря’, кхыча бесса аьлча ‘иначе говоря’, к1аьда аьлча ‘мягко говоря’, бакъдар аьлча ‘правду говоря’, нийсаг1а аьлча ‘правильнее говоря’, цхаьабакъда ‘однако’, вешта ‘хотя’ и др.

Можно заметить, что в ингушском языке большинство вводных конструкций данного типа образовываются путем прибавления к основному причастия аьлача (или дийцача). Например:

24. Вешта, х1анза-м юрт ала йиш йоацаш я из йоккха – ‘Хотя, сейчас она большая настолько, что нельзя назвать селом’ [16, с. 74].

25. Бакъдар аьлча, цунах саг велаваланзар – ‘Правду говоря, над ним никто не посмеялся’ [6, с. 12].

26. Лоацца дийцача, тоам хьахилар – ‘Коротко говоря, одобрение получили’ [12, с. 139].

И в русском, и в ингушском языках большая часть вводных оборотов данной категории образуется при помощи глагола говорить (сказать). Образуется такое вводное сочетание прибавлением указанного глагола либо к наречию, либо к предложно-падежной форме субстантива. Возможны также случаи «изолированного употребления глагола говорить в качестве вводного слова» [14, с. 112].

Особый пласт вводных слов обоих языков представляют клятвенные выражения, однако в ингушском языке они более употребительны. К данному типу конструкций относят слова и сочетания слов даьра, даьллахь, (хьа) Даьлдохьа, са устазора, дала ма дахьалда, са даьсар и др. Некоторые слова (сочетания слов) из данного разряда бывает трудно отличить от междометий, поскольку и вводные конструкции, и междометия могут выражать эмоции. Также не всегда удается установить деривацию того или иного вводного слова (например, даьра).

27. Даьра, доа эшаш болх-м хургбац хьа ши ди даьлча цига-м – ‘Пожалуй, сапетка тебе там не пригодится через пару дней’ [6, с. 42].

28. Са устазора, сискала ч1егилг йоацаш, ма бахийтар аз оасар де болхараш! – ‘Устазом клянусь, без куска хлеба отправила я идущих на прополку’ [16, с. 142].

29. Дала ма дахьалда, укхаза цхьа эшалон соце ‘Упаси Бог, если здесь остановится какой-нибудь эшалон’ [12, с. 70].

В примерах выше представлены и вводные слова (пример 1), и вводные сочетания (пример 2), и вводные предложения (пример 3), которые могут занимать любую позиции в высказывании. Также они часто могут сопровождаться различными междометиями.

Таким образом, в описанных функционально-семантических категориях вводных слов можно выявить общие закономерности их функционирования. Тем не менее, они не являются идентичными, так как вводные элементы в основном отражают культурные особенности носителей языка, которые уникальны у каждого народа.

Выводы

Общими для русского и ингушского языка является мотивированность большинства вводных сочетаний, выраженность различными частями речи, расположение в любой позиции в предложении, а также представленность вводных конструкций в идентичных семантических категориях. К различительным признакам можно отнести следующие:

1. Если в русском языке вводные выражения, восходящие к деепричастным оборотам, используются лишь посредством устойчивых выражений, то в ингушском языке они вполне приемлемы и употребляются в речи.

2. В ингушском языке встречается вставка вводного слова путем разрыва морфемного шва (вводный элемент ставится между приставкой и основой слова), чего не наблюдается в русском языке, в котором разрыву и инкорпорации вводного слова в ингушский глагол соответствует особого рода редупликация корня глагола.

3. Выделен особый пласт вводных слов ингушского языка, который состоит из клятвенных выражений, выражающих то или иное значение.

Таким образом, с точки зрения структуры вводные конструкции русского и ингушского языка имеют значительные различия. Это в первую очередь обусловлено тем, что данные языки генетически неродственны. Кроме того, вводные сочетания являются отражением культурного наследия, которое у каждого народа уникально и специфично. Семантически вводные элементы в исследуемых языках обладают интегральными характеристиками, которые проявляются в общих семантических категориях вводных слов, сочетаний и предложений.

Список источников

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов: в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1987. 271 с.

2. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. Современный русский язык. Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений. М.: Альянс, 2016. 928 с.

3. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник. 4-е изд. М.: Высш. шк., 2003. 416 с.

4. Гандалоева А.З. Актуальные вопросы синтаксиса ингушского простого предложения: дис. … канд. филол. наук: 5.9.8. Грозный, 2011. 200 с.

5. Замятина Е.С. Семантико-синтаксическое взаимодействие подчинительных союзов и вводных слов в конструкциях вывода-обоснования: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2020. 276 с.

6. Зязиков Б.Х. Девять дней из жизни героя: Повесть. Саратов: Детская книга, 1996. 160 с.

7. Кузнецова Н.В., Почтарёва О.В. Проблемы лексикографического представления вводных слов // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 66 – 82.

8. Кукса И.Ю. Средства выражения модального значения уверенности / неуверенности в текстах газет первой половины XIX века // История журналистики. 2008. С. 59 – 64.

9. Оздоева Э.Г., Бекова М.А. Вводные слова, выражающие достоверность факта в ингушском языке. Невинномысск: Издательство «Перо», 2017. С. 138 – 143.

10. Перепельцына Ю.Р., Желябова И.В., Седунова Н.А. Вводные слова как контактно-этикетные средства синтаксиса в прозе А. Яшина // Филологические науки. Лингвистика. 2023. № 47. С. 53 – 60.

11. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Просвещение, 1956. 420 с.

12. Плиев М.-С. Хала урхе: Роман. Грозный: ЧИ книжн. Изд., 1974. 340 с.

13. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Орфография и пунктуация. 2-е изд. М.: Оникс: Мир и Образование, 2008. 367 с.

14. Скребцова Т.Г. Вводные сочетания с глаголами говорить и сказать: взгляд с позиции грамматики конструкций // Вестник Волгоградского университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21. № 5. С. 108 – 117.

15. Тариева Л.У. К вопросу о семантических разрядах вводных слов и сочетаний слов ингушского языка // Доклады АМАН, 2022. Т. 22. № 1. С. 79 – 87.

16. Чахкиев С.И. Волчьи ночи. Золотые столбы: сборник. М: Советский писатель. 1990. С. 344.

17. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиториал. УРСС, 2001. 624 с.

18. Яковлев Н.Ф. Синтаксис ингушского литературного языка. М.: Асабеппа, 2001. 472 с.

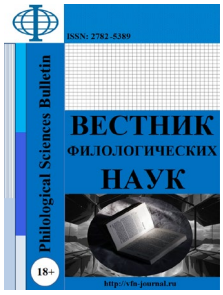
References

1. Babaytseva V.V., Maksimov L.Yu. Modern Russian: a textbook for students of pedagogical institutes: in 3 parts. Part 3. Syntax. Punctuation. Moscow: Prosveshchenie, 1987. 271 p.
2. Beloshapkova V.A., Bryzgunova E.A., Zemskaya E.A. Modern Russian. Textbook for philological specialty higher educational institutions. Moscow: Alliance, 2016. 928 p.
3. Valgina N.S. Modern Russian: Syntax: Textbook. 4th ed. Moscow: Higher School, 2003. 416 p.
4. Gandaloyeva A.Z. Actual issues of the syntax of the Ingush simple sentence: diss. … Cand. of Philological Sciences: 5.9.8. Grozny, 2011. 200 p.
5. Zamyatina E.S. Semantic-syntactic interaction of subordinate conjunctions and introductory words in the constructions of the conclusion-justification: dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.01. Moscow, 2020. 276 p.
6. Zyazikov B.Kh. Nine days in the life of the hero: A story. Saratov: Children's book, 1996. 160 p.
7. Kuznetsova N.V., Pochtareva O.V. Problems of lexicographic representation of introductory words. Issues of lexicography. 2023. No. 28. P. 66 – 82.
8. Kuksa I.Yu. Means of expressing the modal meaning of confidence / uncertainty in the texts of newspapers of the first half of the 19th century. History of journalism. 2008. P. 59 – 64.
9. Ozdoeva E.G., Bekova M.A. Introductory words expressing the reliability of a fact in the Ingush language. Nevinnomyssk: Pero Publishing House, 2017. P. 138 – 143.
10. Perepeltsyna Yu.R., Zhelyabova I.V., Sedunova N.A. Introductory words as contact and etiquette means of syntax in A. Yashin's prose. Philological sciences. Linguistics. 2023. No. 47. P. 53 – 60.
11. Peshkovsky A.M. Russian syntax in scientific coverage. Moscow: Education, 1956. 420 p.
12. Pliev M.-S. Khala urhe: Novel. Grozny: CHi knizhn. Publ., 1974. 340 p.
13. Rosenthal D.E. Handbook of the Russian language. Spelling and punctuation. 2nd ed. Moscow: Onyx: World and Education, 2008. 367 p.
14. Skrebtsova T.G. Introductory combinations with the verbs "speak" and "say": a view from the standpoint of the grammar of constructions. Bulletin of Volgograd University. Series 2, Linguistics. 2022. Vol. 21. No. 5. P. 108 – 117.
15. Tarieva L.U. On the issue of semantic categories of introductory words and word combinations in the Ingush language. Reports of the AMAN, 2022. Vol. 22. No. 1. P. 79 – 87.
16. Chakhkiev S.I. Wolf Nights. Golden pillars. Collection. M: Soviet writer. 1990. 344 p.
17. Shakhmatov A.A. Syntax of the Russian language. 3rd ed. M.: Editorial. URSS, 2001. 624 p.
18. Yakovlev N.F. Syntax of the Ingush literary language. M.: Asabeppa, 2001. 472 p.

Информация об авторах

Падиева Д.А., *Ингушский Государственный Университет, padieva.ru33@gmail.com*

© Падиева Д.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 811.161.1

[1] Салманова П.М., [1] Горбанева А.Н. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Эволюция социальной мысли в романах Л.Н. Толстого

Аннотация: *в статье рассматривается вопрос об эволюции социальной мысли в двух романах Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и «Воскресение». Духовный кризис, пережитый Л.Н. Толстым, привел к переходу с позиций патриархального дворянства на позиции крестьянства и оказал влияние на этические и эстетические взгляды писателя. В разные годы Толстой выражал свою позицию через близких ему героев – Левина и Нехлюдова. Если в Константине Левине писатель видит тот тип помещика, на которого возлагается особая миссия в истории России, то Нехлюдов – дворянин, находящийся на пути разрыва со своим классом. Изменение взглядов писателя на дворянство как на правящий класс происходит в результате окончательного разочарования в том общественном идеале, который сложился в 60-70-е годы 19 столетия. В своем последнем романе писатель выразил свой взгляд на русскую действительность, подвергнув жесточайшей критике общественное устройство России, это касалось всех институтов: суда, церкви, сената, но самое главное – критически и сатирически изображено дворянство.*

Ключевые слова: *роман, Толстой, духовный кризис, народ*

Для цитирования: Салманова П.М., Горбанева А.Н. Эволюция социальной мысли в романах Л.Н. Толстого // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 65 – 68.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Salmanova P.M., [1] Gorbaneva A.N. ***[1] Dagestan State University***

The evolution of social thought in the novels of L.N. Tolstoy

Abstract: *this article examines the evolution of social thought in two novels by L.N. Tolstoy, «Anna Karenina» and «Resurrection». The spiritual crisis experienced by Tolstoy led him to shift from the positions of patriarchal nobility to those of the peasantry, influencing his ethical and aesthetic views. Over the years, Tolstoy expressed his perspective through characters close to him – Levin and Nekhlyudov. While in Konstantin Levin, the writer sees a type of landowner entrusted with a special mission in the history of Russia, Nekhlyudov represents a nobleman on the path of breaking away from his class. The change in the writer's views on the nobility as a ruling class occurs as a result of his ultimate disillusionment with the social ideal that had developed in the 1860s and 1870s. In his last novel, the writer articulated his view of Russian reality, subjecting the social structure of Russia to severe criticism, addressing all institutions: the judiciary, the church, the senate, but most importantly, portraying the nobility in a critical and satirical light.*

Keywords: *novel, Tolstoy, spiritual crisis, people*

For citation: Salmanova P.M., Gorbaneva A.N. The evolution of social thought in the novels of L.N. Tolstoy. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 65 – 68.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Лев Николаевич Толстой в русской литературе – прежде всего романист. Совершенно правомерно говорить об эволюции жанра романа в творчестве этого писателя. В каждом из его крупных произведений доминировала какая-либо одна «мысль». Как сказал сам писатель, в «Войне и мире» он любил мысль народную, а в «Анне Карениной» мысль семейную. По аналогии можно было бы продолжить, сказав, что в романе «Воскресение» писатель любил мысль социальную. Но было бы неверным не отметить, что в той или иной степени, каждая из этих трёх мыслей занимала свое место в любом из этих романов. Мысль социальная звучит и в романе-эпопее «Война и мир», и в «Анне Карениной», хотя и не так очевидно, как в романе «Воскресение».

После публикации своего первого крупного романа писатель получил немало упреков в том, что он недостаточное внимание уделил острым проблемам эпохи, в частности, не писал об ужасах крепостного права. На рубеже 70-х – 80-х годов 19 века Толстой переживает духовный кризис, который выразился в том числе в изменении понимания того, что такое народ. Вопрос о социальном неравенстве вставал в произведениях писателя и в более ранний период. Его герой Коленька Иртеньев из повести «Отрочество» размышляет, почему есть бедные и богатые, почему не разделить все на всех. Но именно после пережитого кризиса Лев Толстой в корне изменил взгляд на социальное устройство общества. Привилегии дворянства стали казаться не просто несправедливыми, но и в определенной степени позорными.

Материалы и методы исследований

Материалом для данного исследования послужили два романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и «Воскресение». Методы исследования: сопоставительно-исторический, компонентный, сравнительно-типологический.

Результаты и обсуждения

Свое представление об идеальном балансе между дворянством и крестьянством Толстой выразил в романе «Анна Каренина». Роман пронизан раздумьями Толстого о судьбах России, о способах преодоления сложных противоречий эпохи. От своего положительного героя Толстой требует в 70-е годы не только заинтересованности народной жизнью, духовного единения с народом (как это было в период создания «Войны и мира»), но и непосредственного труда вместе с крестьянами на земле. Именно поэтому он вызвал огромное количество от кликов как в критике, так и в публицистике [2].

Константин Левин – это один из самых близких писателю героев на, который тоже переживает кризис, ищет пути выстраивания отношений с крестьянством. В период работы над романом Лев Николаевич Толстой находился в самом начале пути осмысления вопроса об общественном устройстве России. Через своего героя он попытался выразить свое представление о том, как могли бы складываться отношения помещиков и крестьян. Уже позже писатель переосмыслит тот общественный идеал, который он видел в своем герое. Нужно помнить, что роман «Анна Каренина» писался именно в преддверии масштабного и глубокого кризиса, на протяжении следующего десятилетия взгляды Толстого трансформируются, от многих идей, высказанных в начале семидесятых он откажется. Это был мучительный процесс, если сначала Толстой пытался найти какие-то способы выстраивания отношений между дворянством и крестьянством на справедливой основе, верил, что это возможно, то спустя время он пришел к ясному осознанию невозможности таких отношений, слишком глубока пропасть между двумя классами, слишком острые противоречия между ними [6].

В последние десятилетия на фигуру Константина Левина исследователи стали обращать особое внимание, выделяя важное место, занимаемое этим героем произведения, прежде всего в связи с проблематикой романа. Известен тот факт, что редактор «Русского вестника», в котором печатался роман, отказался публиковать восьмую часть произведения, объясняя это тем, что со смертью Анны Карениной роман «Анна Каренина» закончен. Это вызвало негодование Толстого, он издал восьмую часть отдельным тиражом, заявив, что этот герой чрезвычайно значим в идейной структуре романа, ему было важно не оборвать историю Левина. Действительно, Константин Левин занимает половину романа. Эта сюжетная линия ничуть не менее важна, чем линия Анны. Для Толстого искания Константина Левина, может быть, даже важнее пути Анны, именно поэтому роман завершается не гибелью главной героини, точку ставит Левин. Почему же так важен автору этот персонаж? Социальные искания Константина Левина развиваются параллельно с поисками личного счастья. Можно выделить два этапа жизни героя: сначала он пытается заниматься практической помещичьей деятельностью, а после обращается к философским исканиям. Для этого героя характерно постоянное чувство недовольства собой чаще всего оно связано с осознанием того, что дворянства практически паразитирует на крестьянском труде. Левин находил оправдания дворянству, но чувствовал, что это оправдание очень зыбкое. Левин – это личность, которая ищет социальной гармонии, в то время как

гармония это невозможна. Толстой придёт к этой мысли несколько позже, но тогда он, как и его герой мучительно ищет ответы на вопросы. Самый важный этап жизни Левина – это сближение его с крестьянством. В романе Толстой покажет разные типы дворянского отношения к крестьянам: совершенно бездушное у бюрократа Каренина, безразличное у Облонского, фальшивое у брата Левина, Кознышева. Левинское отношение к народу совершенно иное, более того, он испытывает неловкость и стыд. Причём стыд он испытывает не тогда, когда он находится среди народа, ему неловко рядом с Кознышевым, когда произносятся довольно пафосные, но совершенно фальшивые фразы, ему неловко в светский гостиных, где демонстрируется неспособность к какому-либо труду. Левин жил в постоянном общении с народом, его интересы были связаны с народом, и он считал самого себя его частью. Это ощущение общности и стремление слиться с народом – самая привлекательная черта этого героя [7]. Однако в убеждения о том, что он является частью народа, жизнь вносит существенную поправку. Для Левина, как и для Толстого, народ – это прежде всего крестьянство, и он считал себя частью этого крестьянского мира. Левин достаточно справедливо считал, что интересы крестьян и помещиков тесно связаны, но на практике Левин постепенно приходит к пониманию того, что интересы помещика всегда противоположны интересам крестьян. В этом романе Толстой выразил свое отношение к труду, как некой целительной стихии, которая поможет выйти из тяжелого нравственного состояния. Мотиву крестьянской нравственности противопоставляется в романе мотиву фальши дворянская жизни. Левин, ищущий смысла жизни, ищущий некой цельности, тщетно пытается уловить смысл того дела, которому отдались помещики всей губернии на выборах. Левин видит интриганство, ему грустно и тяжело участвовать в том, смысла чего он не понимает. Обаяние крестьянской жизни становится ещё более ярким, именно в этот момент герой становится, как никогда раньше, близок крестьянству, именно тогда у Левино возникает утопический план бескровной революции. Этот выход из конфликта оказался иллюзией. Сам Левин вышел из нравственного тупика, поэтому финал романа не воспринимается как трагический, по крайней мере, для этого героя. В романе «Анна Каренина» мы безусловно видим поэтизацию народа, крестьянского труда. Здесь сформулированы определённые правила морального кодекса – жить для души, быть счастливым. Герой хочет жить так, чтобы не чувствовать своей вины перед народом, он хочет честно трудится и совместить «жизнь для других» с собственным счастьем – «жизнью для себя». Он всегда чувствовал несправедливость своего избытка в сравнении с бедностью народа [4].

В последнем романе, созданном уже после глубочайшего духовного кризиса, перевернувшем все прежние взгляды писателя, Лев Толстой как одну из главных проблем вынесет на обсуждение вопрос отношения человека к труду. Толстому было ясно, что праздность дворянства является причиной развращенности этого класса. В своем дневнике он писал: «Совершенно ясно понял и почувствовал все безумие нашей, богатых, освобожденных от труда сословий, жизни и то, что оно не может быть иначе. Люди, не работая, т.е. не исполняя один из законов своей жизни, не могут не ошалеть. Так шалеют перекормленные домашние животные: лошади, собаки, свиньи» (12 октября 1905 г.).

В своих художественных произведениях, публицистических трудах Толстой подчёркивал, что труд является необходимым условием нравственного воспитания человека, труд обязателен для всякого человека, он способен воспитать личность полноценную во всех смыслах этого слова. Обратившись к вопросу нравственного возрождения, писатель обрушился с резкой критикой всех основ русского общества. Он раскрыл глубочайшие социальные противоречия своего времени. Главный герой этого романа князь Нехлюдов в начале произведения дан как персонаж скорее отрицательный. В целом он был показан как человек добрый от природы, но подчинившийся окружающей среде. Путь Нехлюдова в романе показан как путь от дворянства к народу [10]. Совершенно очевидно, что роман имел социально-критическую направленность. Толстой стремится показать, как влияет порочная среда на человека. Толстой в этом романе выступает не просто как художник, он здесь ещё и проповедник. Роман «Воскресение» самый тенденциозный роман [5]. Писатель показывает социальные истоки драмы героев. Кроме того, следует обратить внимание, что в романе все образы представителей дворянства даны преимущественно в отрицательном плане. После кризиса, после перехода с позиции патриархального дворянства на позиции патриархального крестьянства [3], Толстой не ищет положительных героев в дворянской среде. Если в более ранних в произведениях писателя мы могли видеть прекраснейшие женские образы, подобные Наташе Ростовой или Китти Щербацкой, то теперь, рисуя семейство Корчагиных, Толстой создает отталкивающие портреты, в них всё говорит о духовной пустоте. Нехлюдов, не замечавший этого до определённого времени, вдруг ясно увидел притворство и фальшь. У него как бы открываются глаза на тот мир, в котором он жил достаточно комфортно [4]. Нехлюдов, пожалуй, самый близкий Толстому герой. Но свое суждение о действительности автор раскрывает не только через него, мы можем встретить немало прямых авторских высказываний. Толстой, несомненно, считал, что жизнь помещиков нуждается в трансформации и связывал это с изменением ведения усадебно-

го хозяйства [1]. Количество художественных средств, способствующих изображению широчайшего общественного фона, неисчерпаемо. Используя принцип социального контраста, изображая поочерёдно жизнь верхов» и «низов», Толстой открыто сочувствует народу и презирает дворянство.

Выводы

В предложенной статья мы попытались проследить путь эволюции социальной мысли в романном творчестве Л.Н. Толстого. Духовный кризис отразился не только на религиозных и нравственных взглядах писателя, но и на его общественных воззрениях. Сопоставляя двух наиболее близких писателю героев, мы видим, как меняется отношение писателя к самому дворянству и его роли в истории России.

Список источников

1. Андреева В.Г. Усадьбы в Романе Л.Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 2. С. 144 – 154.
2. Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 10.
3. Бурсов Б.И. Лев Толстой и русский роман. М.-Л.: Издательство Акад. наук СССР, 1961. С. 435.
4. Горбанёв Н.А. Лев Толстой – художник и мыслитель в литературной критике XIX-XX вв. Махачкала, 1983. 78 с.
5. Куприянова Е.Н. Л.Н. Толстой «Воскресение» // История русского романа: в 2 т. М.-Л.: 1964. Т. 2. С. 47.
6. Подарцев Е.В. Русская усадьба в произведениях Льва Толстого // Литература в школе. 2010. № 5. С. 16 – 20.
7. Прокудин Б.А. Общественный идеал в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Диалог со временем. 2020. Вып. 71. С. 192 – 203.
8. Рачин Е.И. Философские искания Льва Толстого: монография. М.: Изд-во РУДН, 1993. 173 с.
9. Шаваринская С.Р. Размышления о судьбах русского дворянства на страницах романов Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. С. 154 – 157.
10. Яндиева Л.И. Образ Дмитрия Нехлюдова в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Международный научный журнал «Вестник науки». Т. 1. № 2 (35). 2021. С. 61 – 64.

References

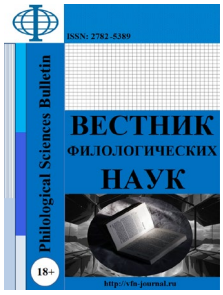
1. Andreeva V.G. Estates in L.N. Tolstoy's Novel "Resurrection": from the Exposure of Luxury to Life on Earth. Philological Class. 2021. Vol. 26. No. 2. P. 144 – 154.
2. Babaev E.G. Leo Tolstoy and Russian Journalism of His Era. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1979. 10 p.
3. Bursov B.I. Leo Tolstoy and the Russian Novel. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 435 p.
4. Gorbanev N.A. Leo Tolstoy – Artist and Thinker in Literary Criticism of the XIX-XX Centuries. Makhachkala, 1983. 78 p.
5. Kupriyanova E.N. L.N. Tolstoy "Resurrection". History of the Russian novel: in 2 volumes. M.-L.: 1964. Vol. 2. P. 47.
6. Podarcev E.V. Russian estate in the works of Leo Tolstoy. Literature at school. 2010. No. 5. P. 16 – 20.
7. Prokudin B.A. Social ideal in the novel by L.N. Tolstoy "Anna Karenina". Dialogue with time. 2020. Iss. 71. P. 192 – 203.
8. Rachin E.I. Philosophical quests of Leo Tolstoy: monograph. M.: RUDN University Publishing House, 1993. 173 p.
9. Shavarinskaya S.R. Reflections on the fate of the Russian nobility in the pages of the novels of L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky. Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov. 2012. P. 154 – 157.
10. Yandieva L.I. The image of Dmitry Nekhlyudov in the novel by L.N. Tolstoy “Resurrection”. International scientific journal “Bulletin of Science”. Vol. 1. No. 2 (35). 2021. P. 61 – 64.

Информация об авторах

Салманова П.М., *Дагестанский государственный университет, salmanova.p@bk.ru*

Горбанева А.Н., *Дагестанский государственный университет*

© Салманова П.М., Горбанева А.Н., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070

[1] Ли Юхань ***[1] Московский государственный университет***

Исследование формирования и путей распространения международного имиджа Китая в контексте инициативы «один пояс, один путь»

Аннотация: *в статье проводится комплексное исследование процессов формирования и распространения международного имиджа Китайской Народной Республики (КНР) в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь». Рассматриваются основные механизмы воздействия на международное сообщество через экономические, политические и культурные аспекты сотрудничества. Приводится анализ теоретических подходов, включая реализм, либерализм и концепцию геополитики потоков, с целью выявления особенностей позиционирования Китая в мировой системе. Основное внимание уделено региональным различиям восприятия ОПОП, что позволяет оценить долгосрочные перспективы внешней политики Китая и его имиджа как глобальной державы.*

Ключевые слова: *Китай, международный имидж, «Один пояс один путь», внешняя политика, экономическое сотрудничество, культурная дипломатия, восприятие Китая, инфраструктурные проекты, глобальная экономика*

Для цитирования: Ли Юхань. Исследование формирования и путей распространения международного имиджа Китая в контексте инициативы «один пояс, один путь» // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 69 – 78.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Li Yuhan ***[1] Moscow State University***

Studying the formation and spreading ways of China's international image in the context of the «One Belt, One Road» initiative

Abstract: *the article provides a comprehensive study of the processes of formation and dissemination of the international image of the People's Republic of China (PRC) within the framework of the implementation of the "One Belt, One Road" initiative. The main mechanisms of influence on the international community through economic, political and cultural aspects of cooperation are considered. An analysis of theoretical approaches is provided, including realism, liberalism and the concept of geopolitics of flows, in order to identify the features of China's positioning in the world system. The main attention is paid to regional differences in the perception of the OBOR, which allows us to assess the long-term prospects of China's foreign policy and its image as a global power.*

Keywords: *China, international image, One Belt, One Road, foreign policy, economic cooperation, cultural diplomacy, perception of China, infrastructure projects, global economy*

For citation: Li Yuhan. Studying the formation and spreading ways of China's international image in the context of the «One Belt, One Road» initiative. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 69 – 78.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

В XXI веке глобализация и активное развитие международных проектов создают новые вызовы и возможности для государств, стремящихся усилить своё влияние на мировой арене. Китайская Народная Республика (КНР), благодаря своему стремительному экономическому росту, особенно с конца XX века, оказалась в центре международного внимания. Реализуя свою экономическую и политическую стратегию через инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), Китай добивается расширения влияния на ключевые рынки и укрепляет свои связи с развивающимися странами.

Инициатива ОПОП, объявленная в 2013 году председателем Си Цзиньпином, направлена на создание новой инфраструктуры и развитие торговых связей между Азией, Африкой и Европой. Благодаря этому проекту, Китай активно формирует свой международный имидж через улучшение экономического сотрудничества, предоставление инфраструктурных кредитов и реализацию крупных проектов в партнёрских странах. Важным элементом успеха этой программы стала не только экономическая помощь, но и культурные, политические аспекты, что позволяет Китаю укреплять свои позиции как лидера глобальных процессов.

Однако стремительный экономический рост Китая, на который приходится до 6% годового прироста ВВП в 2023 году, сопровождается напряжённостью в отношениях с западными странами, что оказывает влияние на восприятие страны за рубежом. Китай также сталкивается с проблемами в восприятии его подходов к правам человека, особенно в странах Запада, где преобладает негативное мнение. По данным Pew Research, положительный имидж Китая в основном сохраняется в странах Африки, Восточной Европы и Латинской Америки, тогда как в США, Европе и Японии его репутация значительно ухудшилась [3].

В свете данных обстоятельств формирование позитивного имиджа Китая стало ключевым элементом его внешней политики. Китайские власти активно работают над улучшением восприятия страны через государственные СМИ, интернет-ресурсы и международные форумы, такие как Форум «Один пояс – один путь», который привлёк более 150 государств. Дипломатические усилия, направленные на улучшение восприятия Китая через инфраструктурные и культурные проекты, также играют важную роль в этой стратегии.

Материалы и методы исследований

Целью данного исследования является детальный анализ методов и механизмов, с помощью которых Китай формирует свой международный имидж в рамках инициативы ОПОП. В ходе исследования будет проанализировано восприятие Китая в странах-участницах инициативы, рассмотрены способы распространения позитивного образа Китая через экономическое, политическое и культурное сотрудничество, а также изучены ключевые аспекты дипломатической деятельности в рамках инициативы.

Задачи исследования включают изучение механизмов создания и распространения международного имиджа Китая, оценку восприятия ОПОП в различных регионах и анализ воздействия этих факторов на долгосрочные экономические и политические связи Китая с партнёрскими странами.

Научная значимость заключается в комплексном подходе к изучению трансформации международного имиджа Китая через призму крупнейшего инфраструктурного проекта XXI века.

Исследование международного имиджа Китая активно рассматривается в отечественной и зарубежной литературе. Среди ключевых российских источников выделяются работы Лю Юаньюань («Имидж Китая в восприятии российского общества») и исследования Элеоноры Аветисян. Также важны работы – Фу Линя и Ду Сянжуя. Среди зарубежных исследователей значимыми являются работы Шена Дина, Ван Хонина и Ху Ангана. Важную информацию предоставляют российские СМИ, такие как «РИА Новости», «ТАСС», а также международные СМИ, включая «Жэньминь жибао», «BBC News» и «The New York Times».

Результаты и обсуждения

Создание международного имиджа Китая – это сложный и многогранный процесс, который развивался на протяжении веков и включал в себя как объективные, так и субъективные составляющие. Объективные факторы включают исторические и культурные особенности страны, её географическое положение, политическую систему и экономическое развитие. Китай с его многотысячелетней историей был важным центром культуры и философии на протяжении веков. Уже в древности династии Хань и Тан укрепляли международное влияние Китая, благодаря активной торговле по Шёлковому пути и экспансии культуры [1].

Исторические корни служат основой для современного образа КНР, который воспринимается как страна с глубокой культурной традицией и уникальным наследием. Подчёркивается через такие культурные памятники, как Великая Китайская стена и Запретный город в Пекине, которые символизируют мощь и древность китайской цивилизации. Восприятие Китая как культурной сверхдержавы формируется на основе

таких факторов, как архитектурные шедевры, искусство, философия и уникальный образ мышления китайского народа, которые сохраняются и влияют на международное представление о стране (рис. 1) [6].

Рис. 1. Объективные и субъективные составляющие имиджа страны.
Fig. 1. Objective and subjective components of a country's image.

Серьёзный поворот в развитии имиджа Китая произошёл в 1949 году, когда была провозглашена Китайская Народная Республика под руководством Мао Цзэдуна. В первые годы правления коммунистов Китай активно демонстрировал свою независимость от западных государств, проводя политику закрытости и самоизоляции. Однако эта изоляция негативно сказалась на имидже страны: западные государства воспринимали Китай как закрытую и жёсткую диктатуру. Тем не менее, внутри Китая начались изменения, которые привели к трансформации его имиджа на мировой арене.

Серьёзная трансформация началась в 1978 году, когда Дэн Сяопин провёл масштабные экономические реформы, направленные на открытие Китая для международной экономики. Данные реформы привели к быстрому экономическому росту, что позволило Китаю восстановить свой имидж на международной арене как одной из ведущих экономик мира. Вступление Китая в Всемирную торговую организацию в 2001 году закрепило этот новый образ страны как ключевого глобального игрока.

Согласно Конституции КНР, Китай является социалистическим государством с демократической диктатурой народа, где ведущую роль играет Коммунистическая партия Китая. Важными институтами власти являются Всекитайское собрание народных представителей, Государственный совет и Центральный военный совет, которые обеспечивают политическую стабильность и стратегическое управление как внутренними, так и внешними процессами (рис. 2) [4].

Рис. 2. Политическая система КНР.
Fig. 2. Political system of the PRC.

Однако, наряду с объективными факторами, значительную роль в формировании имиджа Китая играют субъективные факторы. Международные СМИ, программы культурного обмена и туризм активно влияют на восприятие Китая за рубежом. Программы культурной дипломатии, такие как участие в международных форумах и организация культурных мероприятий, способствуют улучшению имиджа Китая как культурной и экономической сверхдержавы. В этом контексте инициатива «Один пояс – один путь», запущенная в 2013 году, стала важным инструментом для формирования положительного образа Китая в странах Азии, Африки и Латинской Америки [8].

Китай также сталкивается с вызовами в своём международном имидже. Критика западных стран, особенно по вопросам прав человека и внутренней политики Китая, негативно влияет на восприятие страны в ряде государств. В то же время экономические и инфраструктурные проекты, такие как ОПОП, способствуют улучшению восприятия Китая как ответственного и надёжного партнёра.

Анализ международной инициативы Китая «Один пояс – один путь» (ОПОП) можно осуществить через призму трёх ключевых теорий: реализма, либерализма и геополитики потоков, каждая из которых предлагает уникальный взгляд на цели и механизмы реализации проекта.

С точки зрения реалистов, государства действуют прежде всего для укрепления своей мощи и влияния на международной арене. В этом контексте ОПОП представляет собой стратегический инструмент Китая для геополитического и геоэкономического доминирования. Основными аспектами инициативы являются:

Контроль над ключевыми транспортными маршрутами, что обеспечивает Китаю экономическое и политическое влияние на страны-участницы.

Экономическая зависимость стран от КНР через инфраструктурные проекты, финансируемые в основном китайскими банками и компаниями, такими как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

Изменение мирового порядка, в котором Китай стремится уменьшить влияние США и создать альтернативные структуры управления на международной арене.

ОПОП позволяет не только расширять своё присутствие в развивающихся странах, но и выстраивать долгосрочные экономические отношения, что усиливает его позицию как глобальной державы [10].

Согласно либеральной теории, глобальные взаимодействия могут основываться на взаимных выгодах, что способствует миру и стабильности. ОПОП в этом контексте интерпретируется как платформа для укрепления экономической интеграции и глобализации. Основные идеи либерального подхода включают:

Создание новых экономических возможностей через международную торговлю и инвестиции.

Взаимозависимость стран, что делает вероятность международных конфликтов менее вероятной благодаря экономическим связям.

Продвижение рыночных отношений и открытости, что позволяет Китаю развивать сотрудничество на взаимовыгодной основе.

Китай активно привлекает страны к участию в ОПОП, предлагая доступ к своим рынкам и способствуя развитию инфраструктуры, что укрепляет международные экономические связи.

Современная геополитика потоков предлагает иной подход к пониманию международных отношений, ориентируясь не столько на территориальный контроль, сколько на управление потоками ресурсов, капитала и технологий. ОПОП является ярким примером этого подхода, так как его ключевые цели включают:

Организацию транспортных коридоров, что позволяет КНР управлять глобальными потоками товаров и услуг.

Инфраструктуризация пространств, при которой строительство инфраструктурных объектов создаёт возможность косвенного влияния на политические и экономические процессы в других странах.

Управление потоками капитала, что делает Китай ключевым игроком в распределении глобальных ресурсов.

Через ОПОП не только выстраивает транспортные и логистические маршруты, но и получает контроль над движением ресурсов, что укрепляет его влияние на глобальные процессы [16].

Рассмотрение ОПОП через призму этих трёх теорий позволяет увидеть многослойность и комплексность инициативы. С одной стороны, Китай реализует реалистическую стратегию укрепления геополитического влияния, используя инфраструктурные проекты для расширения своего влияния в развивающихся странах. С другой стороны, через либеральные механизмы международной торговли и взаимозависимости он укрепляет экономические связи с другими государствами, создавая условия для сотрудничества и глобализации. В дополнение к этому, геополитика потоков позволяет Китаю контролировать не только территории, но и потоки ресурсов и капиталов, что делает его глобальным лидером.

«Один пояс – один путь» (ОПОП) опираются на целый ряд экономических, политических и культурных инструментов. Инициатива была выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году и направлена

на создание глобальных торговых путей, объединяющих страны Азии, Африки и Европы. Проект включает два ключевых направления: сухопутный Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века.

Одним из главных механизмов формирования позитивного имиджа Китая через ОПОП является масштабное финансирование инфраструктурных проектов в развивающихся странах. За десять лет реализации проекта Китай инвестировал свыше 1 трлн долларов в развитие транспортных магистралей, железнодорожных путей, портов и энергетических объектов. Более 150 стран и 32 международные организации подписали соглашения с КНР о сотрудничестве в рамках программы, что демонстрирует силу и глобальный охват китайской инициативы, позволяя странам-партнёрам развивать свою экономику и повышать уровень жизни (рис. 3) [11].

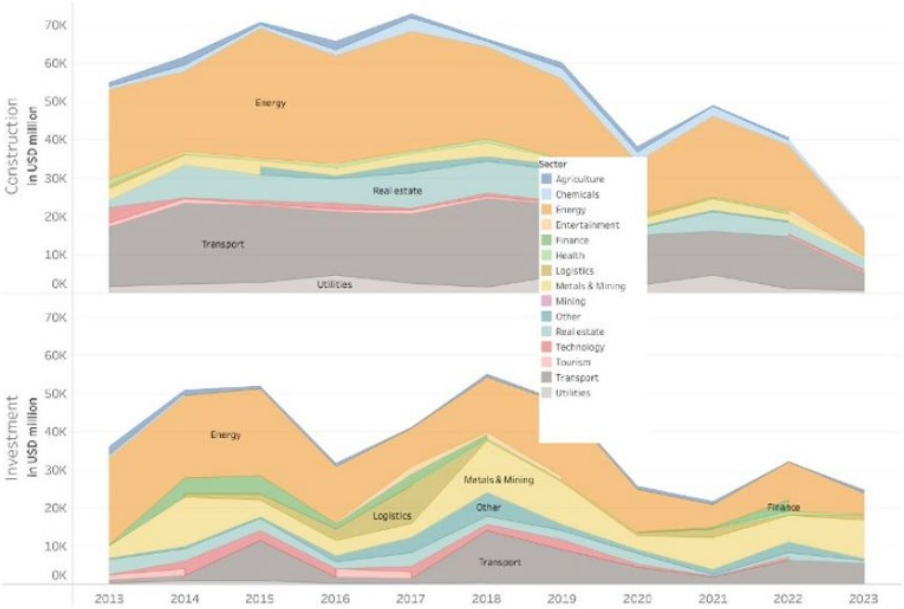


Рис. 3. Вложения Китая в ОПОП в 2013-2023 гг.
Fig. 3. China's investment in OBOR in 2013-2023.

Проект предусматривает создание сухопутных и морских коридоров, которые объединят Китай с Европой, Юго-Восточной Азией, Африкой и Ближним Востоком. Основными целями инициативы являются усиление экономической интеграции, расширение торговой инфраструктуры, снижение торговых барьеров и укрепление сотрудничества в гуманитарной и финансовой сферах.

Экономический пояс Шелкового пути охватывает такие города, как Сиань, Алматы, Бишкек, Тегеран, Москва и Дуйсбург, предоставляя стратегические транспортные маршруты для стран-участниц. Сокращение сроков доставки товаров по этим маршрутам существенно повысит эффективность международной торговли. В России в рамках этого проекта планируется строительство высокоскоростной железной дороги Москва – Казань, с возможным продлением до Иркутска и Пекина.

Что касается морского направления, оно связывает Китай с портами Юго-Восточной Азии, Индийского океана и Средиземного моря. В числе ключевых портов – Фучжоу, Ханой, Джакарта и Венеция. Россия, в свою очередь, предлагает развивать альтернативный маршрут – Северный морской путь, который сократит путь между Европой и Дальним Востоком через Арктику.

За 10 лет существования инициативы Китай вложил почти $1 трлн в более чем 3 тыс. совместных проектов, включая инфраструктурные и финансовые. Инициатива также способствует росту международных инвестиций и торгового оборота, что демонстрирует её высокую привлекательность для стран-партнёров (рис. 4) [12].

Проекты не только способствуют укреплению торговых связей, но и повышают занятость в странах-партнёрах. По данным китайского МИД, реализация ОПОП привела к созданию 420 тыс. рабочих мест в странах-участницах к 2023 году, а только за третий квартал прошлого года Китай инвестировал более 5,7 млрд долларов в нефинансовый сектор развивающихся стран, что демонстрирует устойчивый экономический рост и международное сотрудничество.

Сильной стороной инициативы ОПОП является её ориентация на устойчивое развитие и переход к «зелёной экономике». КНР инвестирует в металлургию и добычу полезных ископаемых, таких как литий, что крайне важно для производства аккумуляторов для электромобилей, что подчёркивает долгосрочные стратегические интересы [5, 9].

Рис. 4. Карта ключевых маршрутов ОПОП.
Fig. 4. Map of key routes of the OBOR.

Современные вызовы и критика. Инициатива ОПОП за последние годы столкнулась с рядом трудностей, среди которых главной проблемой стало ухудшение восприятия проекта на Западе и рост долговых обязательств стран-заёмщиков. В условиях глобальных экономических и политических изменений, таких как торговая война США и Китая и последствия пандемии, долговые кризисы обострились. Это привело к увеличению числа реструктуризаций кредитов, особенно в странах с высоким риском дефолта, таких как Пакистан и Шри-Ланка. Многие инфраструктурные проекты, финансируемые Китаем, оказались проблемными, что усилило критику со стороны западных стран, которые рассматривают ОПОП как инструмент китайской экспансии.

Критика также усиливается за счёт обвинений Китая в использовании «долговой дипломатии», при которой развивающиеся страны получают кредиты на реализацию крупных проектов, но в итоге не могут погасить задолженности, что заставляет их идти на уступки в политических и экономических вопросах, что породило негативные нарративы, особенно в США и Евросоюзе, где инициатива видится как угроза западным интересам.

Ситуация ещё более осложнилась в 2023 году, когда Китай сократил свои инвестиции в инфраструктурные проекты. Сокращение вызвано снижением готовности китайских банков предоставлять новые кредиты в условиях увеличивающихся рисков. Многие страны-участницы инициативы столкнулись с серьёзными экономическими трудностями, что привело к сворачиванию или заморозке ряда проектов, таких как строительство плотины в Зимбабве [14].

Одним из значимых вызовов ОПОП являются долговые проблемы стран, принимающих участие в инициативе (рис. 5) [13], видно, что наибольший объем финансирования направляется в развивающиеся страны, такие как Африка к югу от Сахары и Восточная Азия. Однако, финансовая поддержка Китая привела к тому, что многие страны оказались в долговой зависимости. Так, например, Шри-Ланка и Венесуэла столкнулись с серьезными финансовыми проблемами, что привело к реструктуризации долгов и снижению доверия к Китаю как к партнеру. Долговая нагрузка на эти страны растет, и Китай вынужден пересматривать условия кредитования. В 2020 году условия кредитов пересматривались по 15 странам, что в четыре раза больше, чем в предыдущие годы.

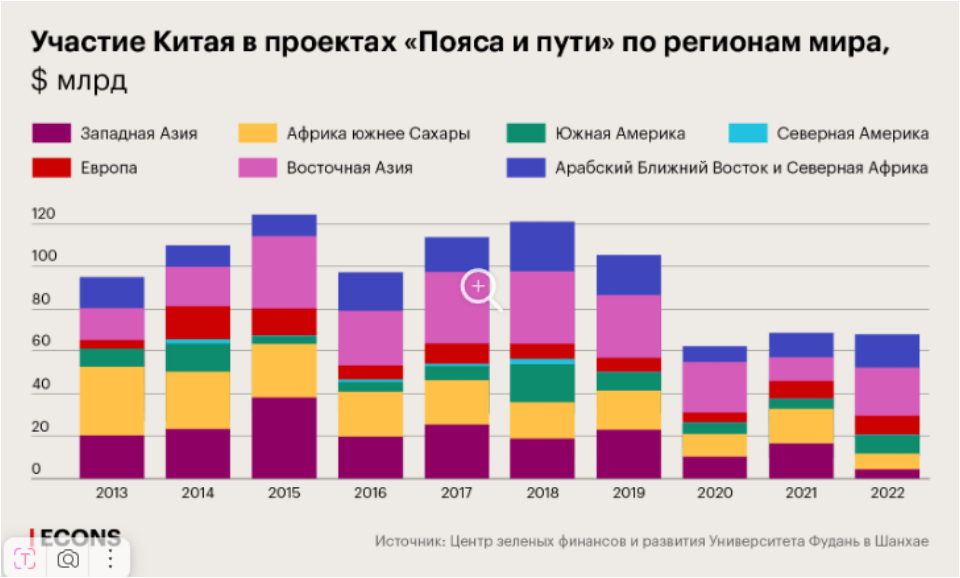


Рис. 5. «Участие Китая в проектах «Пояса и пути» по регионам мира».
Fig. 5. “China’s participation in the Belt and Road projects by region of the world”.

Исследование, проведенное институтом BOFIT, показало значительные региональные различия в восприятии инициативы. Например, в Южной Азии и Северной Америке отношение к ОПОП остаётся негативным, тогда как страны Африки и Центральной Азии продолжают активно поддерживать эту инициативу, видя в ней возможности для экономического роста. Показатель отношения к ОПОП на глобальном уровне демонстрирует постепенное снижение (рис. 6) [13].

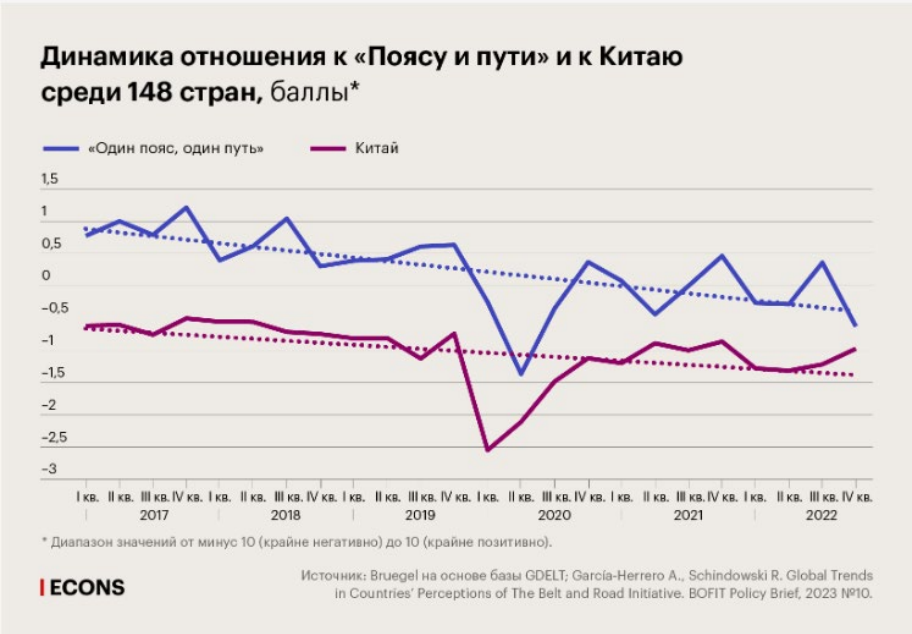


Рис. 6. Динамика отношения к «Поясу пути» и к Китаю.
Fig. 6. Dynamics of attitudes towards the Belt and Road Initiative and China.

В Европе Германия видит в ОПОП потенциал для привлечения инвестиций, несмотря на критику, касающуюся возможных геополитических последствий и рисков для Европейского Союза. Тем временем КНР продолжает расширять свои экономические связи с Центральной Азией, где уже переформатировал энергетические сектора, активно сотрудничая с Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном.

В некоторых странах, находящихся на маршруте инициативы, отмечаются политические и военные конфликты, что порождает вопрос о том, насколько Китай готов вкладываться в нестабильные регионы, такие как Афганистан или Сирия. Для КНР экономическая выгода от этих проектов может оказаться не столь оче-

видной. Однако критики утверждают, что экономическая мотивация не является единственным и главным драйвером ОПОП – на первый план выходят геополитические амбиции и долгосрочные стратегические цели.

SWOC-анализ даёт возможность всесторонне рассмотреть как её сильные стороны, так и ограничения. Среди сильных сторон – возможность Китая делиться своим экономическим процветанием с другими странами, предоставляя свои технологии и экспертизу для развития инфраструктуры. В долгосрочной перспективе это создаёт платформу для новых экономических возможностей и партнёрств.

Однако слабые стороны также очевидны: нестабильность в странах-участниках, дефицит ресурсов и неясные мотивы КНР вызывают опасения у наблюдателей. К тому же, внутренняя экономика Китая также сталкивается с проблемами, что может ослабить его способность поддерживать масштабные инвестиции в рамках инициативы [14].

На международной арене ОПОП сталкивается с ограничениями: страны, такие как Таиланд и Индонезия, отказываются от китайской помощи, опасаясь зависимости и экологических последствий. Некоторые даже рассматривают инициативу как «Троянского коня», скрывающего за собой геополитические амбиции КНР.

На фоне ухудшения глобального имиджа, китайское руководство пересматривает риторику ОПОП, фокусируясь на «сотрудничестве» и «партнёрстве», что является попыткой улучшить восприятие инициативы на международной арене.

Инициатива, нацеленная на создание транспортных и торговых коридоров, а также укрепление экономических связей, воспринимается странами-участницами неоднозначно, в зависимости от их экономических, политических и культурных особенностей.

Одним из ключевых аспектов восприятия Китая является его роль в финансировании и строительстве инфраструктурных объектов. В странах с развивающимися экономиками, таких как государства Центральной Азии, Африки и Латинской Америки, КНР рассматривается как важный экономический партнер, предлагающий значительные инвестиции и возможность модернизации инфраструктуры. Проекты в таких странах, как Пакистан и Казахстан, способствуют не только улучшению их транспортных сетей, но и созданию рабочих мест, что положительно отражается на восприятии Китая как ответственного и надежного партнера.

Тем не менее, в ряде стран возникают и критические настроения. Особенно это характерно для государств, находящихся под давлением долговых обязательств перед КНР. Примером может служить Шри-Ланка, где неспособность погасить задолженности привела к передаче контроля над стратегическими объектами, что порождает опасения в отношении «долговой ловушки», что негативно сказывается на репутации Пекина. В Африке и некоторых странах Юго-Восточной Азии растет недовольство из-за опасений, что участие в ОПОП может привести к утрате экономического суверенитета.

Страны Запада, включая США и государства Европейского союза, зачастую критикуют китайскую инициативу, видя в ней геополитический инструмент для расширения влияния Пекина. Мнение формируется на фоне общего ухудшения отношений Китая с западными странами, что также связано с вопросами прав человека и авторитарного правления в КНР. В Европе инициатива воспринимается неоднозначно: с одной стороны, Китай предлагает значительные инвестиции, а с другой – опасения относительно политической зависимости и экологических последствий остаются высокими [17].

С точки зрения культурного восприятия, КНР активно использует «мягкую силу», продвигая культурные и образовательные обмены, что положительно влияет на формирование его имиджа, но различия и напряженность, связанная с восприятием политической системы, продолжают создавать барьеры на пути к улучшению его образа, особенно в странах с демократическими ценностями.

Таким образом, восприятие Китая в рамках ОПОП варьируется от региона к региону. В странах, где экономическая выгода от сотрудничества очевидна и значительна, Пекин воспринимается позитивно. В то же время, в странах с высоким уровнем задолженности или с развитыми демократическими институтами, инициатива воспринимается настороженно и даже критически.

Выводы

В заключении проведенного исследования подтверждается гипотеза о том, что восприятие Китая в странах-участницах инициативы «Один пояс – один путь» варьируется в зависимости от их экономической, политической и культурной ситуации. Полученные результаты демонстрируют, что в развивающихся странах Китай воспринимается в основном позитивно благодаря экономическим инвестициям и инфраструктурным проектам. В то же время, в странах с высоким уровнем задолженности и демократическими традициями инициатива вызывает опасения, связанные с возможной зависимостью от Китая и критикой его политической системы.

Сопоставление с другими исследованиями подтверждает немаловажность экономического контекста в формировании имиджа Китая: работы таких авторов, как Шен Дин и Лю Юаньюань, также указывают на

экономический фактор как ключевой в восприятии Китая на международной арене. Вклад данного исследования заключается в углубленном анализе региональных различий восприятия ОПОП, что способствует лучшему пониманию роли Китая как глобального игрока.

Результаты работы не только подтверждают значимость экономических и культурных механизмов формирования имиджа КНР, но и выявляют новые вызовы для улучшения его международной репутации.

Список источников

1. Аветисян Э.В. Влияние медиапространства на восприятие имиджа Китая в России // Вестник международных отношений. 2021. № 2. С. 19 – 27.

2. Дэвис Г.А., Эдни К., Ван Б. Национальные образы, доверие и международная дружба: данные китайских студентов // Международные отношения. 2021. № 35 (1). С. 69 – 89.

3. Жэньминь Жибао. Влияние международных отношений на восприятие Китая за рубежом. URL: http://russian.people.com.cn/ (дата обращения: 16.09.2024).

4. Лю Юаньюань. Имидж Китая в восприятии российского общества // Научные исследования в гуманитарных науках. 2020. № 3. С. 42 – 48.

5. Министерство иностранных дел Российской Федерации // О китайской инициативе «Один пояс, один путь». URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (дата обращения: 16.09.2024).

6. Михалёв М.С. «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии. URL: https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/308? locale=ru_RU (дата обращения: 28.08.2024).

7. Сунь Сяохань. Стратегия международной коммуникации Китая в контексте инициативы «Один пояс, один путь» // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. 2021. № 2. С. 72 – 78.

8. Фу Линь, Ду Сянжуй. Роль культурной дипломатии в формировании имиджа Китая на мировой арене // Востоковедение. 2019. № 6. С. 35 – 43.

9. Чэн Вэньчжао. На основе стратегии повышения международной конкурентоспособности предприятий в рамках инициативы "Один пояс и путь" // Экономика и социум. 2021. № 12-2 (91). С. 805 – 811.

10. Шен Дин, Ван Хонин, Ху Анган. Китайская стратегия "мягкой силы" и её влияние на международный имидж страны // Journal of Contemporary China. 2020. Т. 29. № 114. С. 501 – 517.

11. Российский совет по международным делам (РСМД) // Десятилетие китайской инициативы «Один пояс, один путь»: вызовы, достижения и перспективы 20 ноября 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/desyatiletie-kitayskoy-initsiativy-odin-poyasa-odin-put-vyzovy-dostizheniya-i-perspektivy/ (дата обращения: 28.08.2024).

12. «Один пояс – один путь»: что нужно знать о проекте. Газета «Коммерсантъ». URL: https://www.kommersant.ru/doc/6282836 (дата обращения: 28.08.2024).

13. Экономический разговор: старый пояс – новый путь. «Эконс». URL: https://econs.online/articles/ekonomika/staryy-poyas-novyy-put/ (дата обращения: 21.08.2024).

14. Китайская инициатива «Один пояс – один путь»: что может сделать бренд. «Евразия сегодня», интернет-издание. URL: https://eurasia.today/actual/kitayskaya-initsiativa-odin-poyas-odin-put-chto-mozhet-sdelat-brend/ (дата обращения: 11.09.2024).

15. Имидж Китая на международной арене: текущее восприятие и перспективы. РИА Новости. URL: https://ria.ru/ (дата обращения: 10.09.2024).

16. Образ Китая в российских СМИ. ТАСС. URL: https://tass.ru/ (дата обращения: 10.09.2024).

17. Глобальный имидж Китая: восприятие в разных регионах. Новости Би-би-си. URL: https://www.bbc.com/news/ (дата обращения: 06.09.2024).

18. Эволюция имиджа Китая в международной политике. Нью-Йорк Таймс. URL: https://www.nytimes.com/ (дата обращения: 11.09.2024).

References

1. Avetisyan E.V. The Impact of the Media Space on the Perception of China's Image in Russia. Bulletin of International Relations. 2021. No. 2. P. 19 – 27.

2. Davis G.A., Edney K., Wang B. National Images, Trust, and International Friendship: Data from Chinese Students. International Relations. 2021. No. 35 (1). P. 69 – 89.

3. Renmin Ribao. The Impact of International Relations on the Perception of China Abroad. URL: http://russian.people.com.cn/ (date of accessed: 16.09.2024).

4. Liu Yuanyuan. China's Image in the Perception of Russian Society. Scientific Research in the Humanities. 2020. No. 3. P. 42 – 48.

5. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. On the Chinese initiative “One Belt, One Road”. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (date of access: 16.09.2024).

6. Mikhalev M.S. “One Belt, One Road” as a new foreign policy strategy of the PRC. A brief analysis of the internal Chinese discussion. URL: https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/308? locale=ru_RU (date of access: 28.08.2024).

7. Sun Xiaohan. China's International Communication Strategy in the Context of the Belt and Road Initiative. Journal of the Belarusian State University. Journalism. 2021. No. 2. P. 72 – 78.

8. Fu Lin, Du Xiangrui. The Role of Cultural Diplomacy in Shaping China's Image on the World Stage. Oriental Studies. 2019. No. 6. P. 35 – 43.

9. Cheng Wenzhao. Based on the Strategy for Improving the International Competitiveness of Enterprises within the Framework of the Belt and Road Initiative. Economy and Society. 2021. No. 12-2 (91). P. 805 – 811.

10. Shen Ding, Wang Honging, Hu Angang. China's Soft Power Strategy and Its Impact on the Country's International Image. Journal of Contemporary China. 2020. Vol. 29. No. 114. P. 501 – 517.

11. Russian International Affairs Council (RIAC). A Decade of China's Belt and Road Initiative: Challenges, Achievements, and Prospects November 20, 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/desyatiletie-kitayskoy-initsiativy-odin-poyasa-odin-put-vyzovy-dostizheniya-i-perspektivy/ (date of access: 28.08.2024).

12. "One Belt, One Road": What You Need to Know About the Project. Kommersant Newspaper. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6282836 (date of access: 28.08.2024).

13. Economic conversation: old belt – new way. “Econs”. URL: https://econs.online/articles/ekonomika/staryy-poyas-novyy-put/ (date of access: 21.08.2024).

14. China’s “One Belt – One Road” initiative: what a brand can do. “Eurasia Today”, online publication. URL: https://eurasia.today/actual/kitayskaya-initsiativa-odin-poyas-odin-put-chto-mozhet-sdelat-brend/ (date of access: 11.09.2024).

15. China’s image in the international arena: current perception and prospects. RIA Novosti. URL: https://ria.ru/ (date of access: 10.09.2024).

16. China’s image in the Russian media. TASS. URL: https://tass.ru/ (date of access: 10.09.2024).

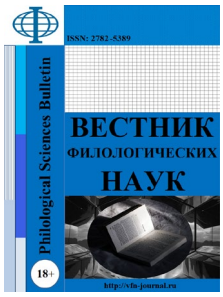
17. China's Global Image: Perceptions in Different Regions. BBC News. URL: https://www.bbc.com/news/ (date of access: 06.09.2024).

18. The Evolution of China's Image in International Politics. The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/ (date of access: 11.09.2024).

Информация об авторах

Ли Юхань, *Московский государственный университет, lyh20011007@gmail.com*

© Ли Юхань, 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов российской федерации) (филологические науки)
УДК 821.161.1

[1] ***Лю Сяоя***

[1] ***Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)***

Цветовая символика в повести А.П. Чехова «Дуэль»

Аннотация: *статья посвящена изучению цветовой символики в повести А.П. Чехова «Дуэль». В данном исследовании автор анализирует цветовую палитру, вошедшую в основу образов, которая не только отражает внутренние переживания персонажей, но и подчеркивает их отношение к жизни и происходящему, конфликты и стремления, погружая читателя в их моральные дилеммы и желания. Природные пейзажи в повести часто подчеркивают внешний и внутренний мир героев, а использование цветовой гаммы придает дополнительную эмоциональную глубину сюжету и символическое значение. Автор подчеркивает, что А.П. Чехов дает эмоциональную оценку своих персонажей, используя цветовую символику применительно к образам героев; глубокие размышления о жизни, любви, смерти и человеческих взаимоотношениях дополняет пейзажными зарисовками. Таким образом, цвет может быть подобным скрытой нитью, тонко связывающей повествовательный ход истории. На примере «Дуэль» углубленно изучается цветовая символика, раскрываются многочисленные функции цветовой палитры в формировании образа персонажа, описании природы и демонстрации мировоззрения, причем различные цвета тесно связаны с характеристиками персонажей, а незначительные изменения в цвете выделяют сложные внутренние эмоции и линию развития характера персонажей.*

Ключевые слова: *чеховская проза, цветовая символика, цветовая палитра, образ персонажа, образ природы, мировоззрение*

Для цитирования: Лю Сяоя. Цветовая символика в повести А.П. Чехова «Дуэль» // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 79 – 86.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] ***Liu Xiaoya***

[1] ***Russian State University for the Humanities***

Color symbolism in A.P. Chekhov's novella «The Duel»

Abstract: *the article is devoted to the study of color symbolism in the story by A.P. Chekhov "Duel". In this study, the author analyzes the color palette that formed the basis of the images, which not only reflects the inner experiences of the characters, but also emphasizes their attitude to life and what is happening, conflicts and aspirations, immersing the reader in their moral dilemmas and desires. Natural landscapes in the story often emphasize the external and internal world of the heroes, and the use of colors gives additional emotional depth to the plot and symbolic meaning. The author emphasizes that A.P. Chekhov gives an emotional assessment of his characters, using color symbolism in relation to the images of the heroes; deep reflections on life, love, death and human relationships are complemented by landscape sketches. Thus, color can be like a hidden thread subtly connecting the narrative course of the story. Using the example of "Duel", color symbolism is studied in depth, revealing the numerous functions of the color palette in forming the image of a character, describing nature and demonstrating a worldview, with different colors*

closely related to the characteristics of the characters, and minor changes in color highlighting complex internal emotions and the line of character development of the characters.

Keywords: *Chekhov's prose, color symbolism, color palette, character image, nature image, world outlook*

For citation: Liu Xiaoya. Color symbolism in A.P. Chekhov's novella «The Duel». Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 79 – 86.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена несколькими факторами ведений Чехова, в котором автор затрагивает сложные философские и моральные вопросы. Цветовая символика в этом произведении служит важным инструментом для передачи внутренних конфликтов героев и их эмоционального состояния. Цветовая символика занимает важное место в литературоведении, так как она позволяет раскрыть скрытые смыслы и подтексты произведений. Анализ цветовых образов в «Дуэли» может обогатить существующие исследования о символике в чеховском творчестве и расширить знания о его художественных приемах. В условиях современного литературного анализа, где акцент ставится на многослойность текста и его интерпретации, изучение цветовой символики может предложить новые подходы к пониманию повести. Цветовая символика также может быть рассмотрена в контексте социально-культурных изменений, происходивших в России в конце XIX века. Исследование цветовых образов в «Дуэли» позволит лучше понять, как Чехов отражает реалии своего времени и как эти реалии влияют на восприятие человеческой судьбы.

Цель работы является исследование цветовой символики в повести А.П. Чехова «Дуэль» и выявить её роль в раскрытии тематики, характеров героев и эмоционального содержания произведения.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

1. Изучить основные цветовые образы, присутствующие в повести, и определить их значение в контексте сюжета и характеров персонажей.
2. Рассмотреть цветовую символику в свете культурных и исторических реалий России конца XIX века, чтобы понять, как она отражает общественные настроения и моральные дилеммы того времени.
3. Сравнить цветовую символику в «Дуэли» с другими произведениями Чехова, чтобы выявить общие мотивы и отличия в использовании цветов.
4. Исследовать, как цветовая символика влияет на эмоциональное восприятие читателя и формирует атмосферу произведения.
5. Определить, как цветовые образы соотносятся с ключевыми событиями и конфликтами в «Дуэли», и как они помогают раскрывать внутренний мир персонажей.
6. Рассмотреть современные подходы к анализу цветовой символики в литературе и применить их к исследованию повести, чтобы выявить новые аспекты её интерпретации.

Материалы и методы исследований

Для анализа цветовой символики в повести А.П. Чехова «Дуэль» были применены следующие методы: историко-культурный анализ, сравнительный анализ и текстуальный анализ.

Историко-культурный анализ позволил рассмотреть использование цветов в контексте времени, когда жил и творил А.П. Чехов, что помогает понять, как цветовая символика отражает общественные настроения и моральные дилеммы того периода.

Сравнительный анализ дал возможность сопоставить применение цветовых образов в «Дуэли» с аналогичными примерами в произведениях других авторов конца XIX – начала XX века, что помогло выявить уникальные черты стиля Чехова и его подход к символике.

Текстуальный анализ, который включает детальное изучение конкретных фрагментов повести, позволил глубже понять, как именно используются цвета для передачи эмоционального состояния персонажей и формирования атмосферы произведения.

Результаты и обсуждения

Начиная с середины 80-х гг. XIX века в творчестве Антона Павловича Чехова происходит переход от повествования повседневной жизни в ее драматических потенциалах «самой будничной серенькой стороне человеческой жизни, самым мелким, насущным вопросам дня, обыкновенному горю маленьких людей» [14, с. 405] к «серьезной» прозе [8, с. 9]. Писатель исследует сложные внутренние конфликты героев своих произведений, их моральные переживания и стремления, уделяя особое внимание внутреннему миру

человека, что делает его произведения особенно актуальными и резонирующими с читателем. В.Я. Линков считает, что «частица духовного содержания вошла в плоть каждого произведения, написанного после 1888 года» [10, с. 16], поскольку она закладывает основы для дальнейшего развития чеховской прозы, где будничное и философское начинают сосуществовать в единой художественной ткани.

Повесть «Дуэль» в творчестве А.П. Чехова многие исследователи считают «поворотной». Следует подчеркнуть, что в данной повести автор не только расширяет тематический диапазон своего творчества, но и углубляет анализ человеческой природы и связанных с ней проблем, проводя параллель между описанием персонажей и их эмоций и цветовыми гаммами, что впоследствии станет характерной чертой его литературного стиля. Цветовая символика в повести играет ключевую роль в отражении внутреннего состояния героев и имеет глубокое символическое значение.

Антон Павлович Чехов сопоставляет душевное состояние героев и разнообразные оттенки цветов, что позволяет читателям глубже понять не только характер каждого персонажа, но и сложные философские идеи о жизни и смерти, любви и утрате, а также о борьбе и мире. Как фрагменты мозаики, светлые и темные тона формируют целостное представление о трагедии человеческой судьбы, демонстрируя, что у каждого человека случается в жизни черная полоса: «В своем дыхании, во взглядах, в тоне голоса и в походке она чувствовала только желание; шум моря говорил ей, что надо любить, вечерняя темнота – то же, горы – то же...» [21, с. 379].

А.П. Чехов целенаправленно использует темные оттенки, которые являются лейтмотивом жизненных обстоятельств: сосредотачивает внимание на утратах, одиночестве, равнодушии персонажей, традиционно олицетворяет смерть и угнетение, помогает понять внутренние конфликты персонажей. В начале повести описывается период хаоса, что служит иллюстрацией беспорядка мыслей и путаницы в сознании главного героя Лаевского, аналогично состоянию «потемок»: «Так же точно не было ничего видно, и в потемках слышался ленивый, сонный шум моря, слышалось бесконечно далекое, невообразимое время, когда бог носился над хаосом» [21, с. 440]. С.А. Нуждина отмечает, что пейзаж и цветовая зарисовка природы в повести выполняет полифункциональную роль в оттенении психологического состояния и размышления героев [13, с. 58]. Как пишет в статье Н.М. Абиева ««Мокрое» входит в визуальное восприятие» [1, с. 188]: «Восход солнца он видел теперь первый раз в жизни; это раннее утро, зеленые лучи, сырость и люди в мокрых сапогах казались ему лишними в его жизни...» [21, с. 444].

Изображая внешний облик персонажей, А.П. Чехов использует разноцветную палитру. Например, описывая внешность Самойленко, который «с красно-медным лицом» хлопочет около огня как у себя на кухне» [21, с. 388], автор обращает внимание на интересную параллель с «мифологическим персонажем Гефестом» [11, с. 254], и сравнивает его типаж с огненными атрибутами, через его профессию повара и характеристику кухни. Цветовая символика багрового цвета его лица, насыщает его образ с ассоциациями «бога огня и кузнечного дела»: «без сюртука, потный и багровый от кухонной духоты» [21, с. 424]. Самойленко, как повар, находится в своей стихии – на кухне, где огонь играет центральную роль. Цветовая символика багрового оттенка его лица может быть интерпретирована как отражение его эмоционального состояния: труд и пот – это не просто физические усилия, но и выражение творческой энергии, которая проявляется в его работе. Сравнение с Гефестом добавляет глубины к образу Самойленко. Гефест – это не просто бог огня, но и символ творчества, ремесленного мастерства и упорного труда. Таким образом, через этот образ Чехов показывает, как профессия может влиять на личность человека, формируя его характер и эмоциональное состояние.

Создавая образ героини, автор обращается к белому цвету, который становится ведущим элементом. Он символизирует чистоту, новую жизнь и благородство, что соответствует уверенности и силе характера Надежды Федоровны. Однако добавленный в ее образ черный цвет выступает как контраст, придавая глубину и многослойность её личности. Этот элемент подчеркивает её сложность, намекает на скрытые переживания и внутренние конфликты. Таким образом, созданный писателем образ героини вызывает интерес и побуждает к размышлениям о противоречивости человеческой природы. Описание мрачной комнаты, где свет свечи едва пробивается сквозь густую тьму, формирует атмосферу безысходности. Женщина, оказавшаяся забытой в этом пространстве, ощущает, что стены сжимаются вокруг нее, что приводит к возникновению панического состояния. А.П. Чехов использует детали интерьера и игру света, чтобы подчеркнуть внутреннее состояние героини. Ограниченное пространство комнаты становится символом её душевного заключения, а угнетающая тишина усиливает чувство одиночества. Автор использует преувеличение: каждый шорох и тень кажутся угрожающе близкими, заставляя сердце биться быстрее. Контраст черного и белого проявляется в черной посуде и белой коже героини, подчеркивая ее внутренние противоречия. Темные оттенки посуды символизируют ее нежелание вскрыть скрытые страхи, маскируя истинное состояние под

обманчиво привлекательной оболочкой. Она считает себя мухой, упавшей в чернильницу, что заметно по контрасту светлого и темного, («Чернила» грязь, / «Свет» чистота) [11, с. 258]. В противоречивом внутреннем мире Надежды тьма сменяется светом: «Кое-где на мостовой лежали бледные световые полосы от освещенных окон, и ей казалось, что она, как муха, то попадает в чернила, то опять выползает из них на свет» [21, с. 421]. Сравнение, проведенное А.П. Чеховым, в котором Надежда сначала уподобляется бабочке, а затем мухе, свидетельствует об изменении отношения автора к героине. Более того, в мифологии муха ассоциируется «с персонифицированными мифологическими образами, чаще всего воплощающими силы нижнего мира» [18, с. 198].

Отметим, что цвет лица Надежды меняется вследствие перемены ее эмоционального состояния. Героиня белела и краснела от робости и застенчивости, подавленности и нервозности, самоукора и стыда. Эта повторяющаяся деталь тонко передает перемены настроения героини в разных ситуациях: «но теперь только робко взглянула на него и покраснела», «теперь же в ответ она только краснела, Надежда Федоровна вся вспыхнула» [21, с. 365, 378], свидетельствуя о том, что психологические аспекты в произведениях Чехова выражаются с помощью цветовых деталей. Изменения в цвете лица – от бледности до румянца – символизируют робость, застенчивость, а также подавленность и нервозность Надежды. Такой переход помогает увидеть внутренний конфликт героини произведения А.П. Чехова. Таким образом, цвет лица становится не просто физическим атрибутом, а важным элементом художественной выразительности, который помогает раскрыть сложность и многогранность человеческой психологии.

Еще одним цветом в колористической гамме повести является желтый оттенок. Желтый цвет лица Надежды символизирует признак недуга, слабости недостатка жизненных сил после болезни: «Желтое, сонное лицо, вялый взгляд и зевота, которые бывали у Надежды Федоровны после лихорадочных припадков» [21, с. 365]; глаза героини, ее зевота дополняют картину физической немощи. Дурной запах в комнате вызывает отвращение у Лаевского, что становится знаком охлаждения чувств героя к своей избраннице.

В описании внешнего вида героини автор использует яркие цветовые детали, такие как «с голубыми глазками, в красных туфельках», что позволяет передать радостное настроение женщины, её физическую красоту и беззаботность. Сравнение персонажа с перышком: «когда она, веселая, радостная, чувствуя себя легкой, как перышко» [21, с. 392] дополнительно подчеркивает её радостное состояние и легкость фигуры. В этом контексте автор также проводит аналогию между хрупкой Надеждой и бабочкой: «она казалась себе маленькой, простенькой, легкой и воздушной, как бабочка» [21, с. 387].

В повести А.П. Чехова природные пейзажи играют важную роль в отражении эмоционального состояния и внутреннего мира персонажей. Использование цвета способствует добавлению эмоциональных слоев и символического значения, что способствует более глубокому пониманию произведения. Цветовые образы представляют собой не просто фон, но и значимый компонент, воздействующий на внутреннее противоречие персонажей. Природа словно отражает внутренние переживания Лаевского. Она воспринимается как живой организм, который помогает читателю осознать, что с наступлением рассвета произойдет нечто ужасное: «Но, когда зашло солнце и стало темно, им овладело беспокойство. Это был не страх перед смертью, потому что в нем, пока он обедал и играл в карты, сидела почему-то уверенность, что дуэль кончится ничем; это был страх перед чем-то неизвестным, что должно случиться завтра утром первый раз в его жизни, и страх перед наступающею ночью...» [21, с. 371].

Чехов изображает звезды в виде слабых огней в темноте, которые в силу малой интенсивности света не могут снять напряжение в непроглядную ночь: «Он столкнул с неба свою тусклую звезду, она закатилась, и след ее смешался с ночною тьмой; она уже не вернется на небо, потому что жизнь дается один раз и не повторяется. Если бы можно было вернуть прошлые дни и годы, он ложь в них заменил бы правдой, праздность – трудом, скуку – радостью, он вернул бы чистоту тем, у кого взял ее, нашел бы Бога и справедливость, но это так же невозможно, как закатившуюся звезду вернуть опять на небо. И оттого, что это невозможно, он приходил в отчаяние» [21, с. 438].

Метафора «закатившейся небесной звезды» выступает как глубокий символ «жизненного краха Лаевского» [19, с. 63]. Звезда не только иллюстрирует его внутреннее разочарование и несостоятельность жизненных стремлений, но и подчеркивает контраст между его прошлыми идеалами и нынешним состоянием. Кроме того, метафора вызывает ассоциации с библейским понятием «путеводная звезда» [20, с. 25], символизируя направление и смысл в жизни.

Образ тусклой звезды создает антитезу между прошлым и настоящим, состоянием Лаевского. Он оглядывается назад, осознавая, что все его предыдущие действия, в том числе обман, бездействие и скука, были заменены более благородными стремлениями, такими как стремление к истине, трудовая деятельность и

поиск радости. Эти антонимические пары создают сильный контраст между тем, каким могла бы быть его жизнь, и тем, какой она стала.

Важной сценой в произведении, в которой темная цветовая гамма обретает особую значимость, становится момент, когда герои обсуждают предстоящую дуэль. Атмосфера напряжения нагнетается описанием природной стихии «когда зашло солнце и стало темно, им овладело беспокойство, … что должно случиться завтра утром первый раз в его жизни, и страх перед наступающею ночью…» [21, с. 369]. Посредством этого автор описывает не только обстоятельства, в которых происходит действие, но и внутреннее состояние персонажа, который опутан страхом и тревогой.

Автор иллюстрирует выход из кризисной ситуации через метафору смены темных и мокрых гор на рассвете на сверкающее утро: «...Лаевский ехал домой и вспоминал, как жутко ему было ехать на рассвете, когда дорога, скалы и горы были мокры и темны и неизвестное будущее представлялось страшным, как пропасть, у которой не видно дна, а теперь дождевые капли, висевшие на траве и на камнях, сверкали от солнца, как алмазы, природа радостно улыбалась, и страшное будущее оставалось позади» [21, с. 444]. В данном отрывке Чехов использует яркие метафоры и контрастные образы, чтобы передать эмоциональное состояние героя, Лаевского, и его внутреннюю трансформацию. Сначала он описывает мрачную атмосферу: темные и мокрые горы символизируют не только физическое окружение, но и психологическое состояние Лаевского. Это время неопределенности и страха, когда будущее кажется угрюмым и пугающим, словно бездна, из которой нет выхода. Однако по мере развития сюжета происходит смена настроения – наступает рассвет. Этот момент символизирует надежду и обновление. Дождевые капли, сверкающие на солнце, представляют собой метафору очищения и нового начала. Природа «радостно улыбается», что подчеркивает контраст между прежними страхами и новым восприятием мира. В статье Н.П. Борисовой рассматривается символика ночи и утра в Шестопсалмии: чередование тьмы и света, начиная с темной безысходности, через моменты покаяния, ведет к освещенному светом воскресения [3, с. 10]. В обоих случаях происходит чередование тьмы и света, где ночь символизирует безысходность и страх, а утро – надежду и обновление. В тексте о Лаевском мрачная атмосфера и темные горы отражают его психологическое состояние, аналогично тому, как Борисова описывает тьму как символ покаяния и внутренней борьбы. Переход к рассвету в Чехове можно сопоставить с идеей воскресения и нового начала, которая рассматривается в статье Борисовой. Именно последовательность символизирует духовное возрождение, подчеркивая тем самым основную тему произведения – преобразование души через испытания и веру.

Постепенно переходя от символики цвета к философским размышлениям о жизни, следует отметить, что Чехов красноречиво иллюстрирует внутренний конфликт Лаевского через его противостояние с реальностью. Темная палитра служит не просто фоном, а основным двигателем сюжета, углубляющим понимание эмоционального состояния героя. Смена цветовой гаммы с темного на светлый выражает противоречивость в мыслях и действиях. Например, в XVI главе произведения А.П. Чехова представлено описание моря во время грозы, которое обладает глубоким символическим значением: «на дворе была сильная, красивая гроза. На горизонте молнии белыми лентами непрерывно бросались из туч в море и освещали на далекое пространство высокие черные волны» [21, с. 436]. Автор сравнивает молнии с белыми лентами, которые резко контрастировали с темными тучами и черными волнами, тем самым подчеркивая спокойствие перед бурей и последующий хаос. По мнению А.С. Власова, море – это место уединения и место конфликтов, зеркало эмоций и катализатор изменений, символ, отражающий внутренний мир персонажей, их переживания и эмоции.

Гроза – метафора надвигающегося конфликта, кульминации дуэли. Черная молния в сопровождении грозы подчеркивает напряжение, а связь с морем усиливает эту символику: море становится более тревожным и агрессивным, отражая нарастающую неприязнь между персонажами. Образ дьякона укрепляет ассоциации: «Он, бледный, с мокрыми, прилипшими ко лбу и к щекам волосами, весь мокрый и грязный, стоял на том берегу в кукурузе, как-то странно улыбался и махал мокрой шляпой» [21, с. 448]. Кроме того, гроза как элемент природы часто ассоциируется с катарсисом, но в библейском контексте она приобретает новое значение – «символ благодатного света» [16, с. 454], проникающего во тьму человеческой души и приносящего очищение и новую надежду. В повести молитва героя перед грозой отражает его стремление к искуплению и примирению, а также символизирует его внутренний духовный поиск. Таким образом, цветовой образ в природе не просто фон, но и значимый компонент, воздействующий на жизни персонажей и раскрывающий основные мотивы текста.

В.А. Сазонова считает, антитеза используется для того, чтобы подчеркнуть контрастные характеристики внешнего облика персонажей, их состояния душевных переживаний. По ее словам, «Антитеза в художественной речи рассмотренных нами в Дуэли представляет собой средство интерпретации хронотопа» [15, с. 158]. Например, «направо расстилалось море, налево – была неровная коричневая стена с

черными пятнами, красными жилами...» [21, с. 384], сочетание красного и черного цвета усиливают визуальное воздействие, указывая на динамику событий (дуэль) и изменения в жизни персонажей.

Н.П. Иванова прослеживает элементы романтизма в изображение внутреннего мира героев повести [7]. Согласно ее мнению, традиционные оппозиции романтического мировоззрения «верхнее-низшее» и «ожидаемое-действительное» показывают их борьбу с обыденностью и поисками смысла жизни, параллельно иллюстрируя изображение окружающего мира. К примеру, ожидания Надежды Федоровны на Кавказ не совпадают с реальностью: «...оказалось же, что Кавказ – это лысые горы, леса и громадные долины, где надо долго выбирать, хлопотать, строиться, и что никаких тут соседей нет, и очень жарко, и могут ограбить» [21, с. 370]. Реальность оказывается суровой и далекой от романтических ожиданий, создавая острое ощущение разрыва между мечтой и действительностью.

В картине гор преобладают мрачные тона, которые соотносятся с настроением героев: «Мрачная и красивая гора местами прорезывалась узкими трещинами и ущельями, из которых веяло на ехавших влагой и таинственностью». Вместе с тем мрачная атмосфера, через которую прорываются яркие краски, не исчезает полностью. Разные цвета «…сквозь ущелья видны были другие горы, бурые, розовые, лиловые, дымчатые или залитые ярким светом», получающиеся при преломлении света и тени, передают процесс смены настроения главного героя, что позволяет постепенного прояснить противоречивость душевного состояния Лаевского. К более яркому описанию Кавказских гор добавляются динамичные звуковые элементы: «Слышалось изредка, когда проезжали мимо ущелий, как где-то с высоты падала вода и шлепала по камням» [21, с. 376] с последующим реалистическим восклицанием Лаевского, отражающим его усталость и разочарование: «как они мне надоели!» [21, с. 376], что означает разрушение и крах в жизни героя.

Выводы

Таким образом, в повести «Дуэль» цветовые символы в персонажах и природные пейзажи занимают центральное место в передаче эмоционального состояния героев. Каждый элемент природы, будь то темное небо или яркий восход солнца, отражает внутренние переживания героев, подчеркивая их душевные терзания и противоречия. Например, мрачные оттенки могут символизировать уныние и отчаяние, тогда как солнечные яркие тона – надежду и стремление к жизни. Природа в повести выступает не просто фоном, а важным элементом, усиливающим эмоциональную напряженность и добавляющим символическое значение событиям и действиям героев. Конфликт между устремлениями героев и реальными жизненными трудностями выстраивается через эти визуальные метафоры. Отсутствие идеалов отражается в тусклых, мрачных оттенках, в то время как моменты надежды ярко сверкают, создавая контраст, и стимулируют поиски смысла и веры в жизни.

Список источников

1. Абиева Н.М. Поэтика костюма в поздней прозе А.П. Чехова: семантические сдвиги // Культура и текст. 2016. № 2. С. 186 – 195.

2. Андрей Б.Т. Праведники в системе образов А.П. Чехова // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 181 – 185.

3. Борисова Н.П. Шестопсалмие. Его содержание, особенности и духовный смысл. Санкт-Петербург: Сатисъ, 2000. С. 5 – 10.

4. Власов А.С. «...И дух Божий носился над водою» (Символика моря в повести А.П. Чехова «Дуэль») // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 3. С. 116 – 122.

5. Гинецински В.И. Экзистенциально-психологические интенции художественного мира А.П. Чехова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2010. С. 407 – 409.

6. Гулакова Е.С. Влияние природы на героев повести А.П. Чехова «Дуэль» // Филолог года 2021: сборник статей Международного профессионально-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 21 декабря 2021 г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2021. С. 23 – 29.

7. Иванова Н.П. Антиномии романтического мировосприятия в художественном мире А.П. Чехова // Вопросы русской литературы. 2018. № 1. С. 37 – 49.

8. Катаев В.Б. Чехов плюс…: предшественники, современники, преемники. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.

9. Королькова Г.Л. Духовно-нравственные и подвижнические мотивы в творчестве А.П. Чехова // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2013. № 1 (77). Ч. 1. С. 90 – 93.

10. Линков В.Я. Скептицизм и вера Чехова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. 78 с.

11. Михайлова Т.В. Мифопоэтика повести А.П. Чехова «Дуэль» // Культура и текст. 2005. № 9. С. 251 – 267.

12. Мережковский Д.С. Старый вопрос по поводу нового таланта. URL: https://a-chehov.ru/publikacii/chehov-pro-et-contra-tom-1/p4 (дата обращения: 10.08.2024).

13. Нуждина С.А. О полифункциональности пейзажа в некоторых рассказах А.П. Чехова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2016. С. 56 – 60.

14. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1 / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького, отв. ред. В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. 958 с.

15. Сазонова В.А. Антитеза как стилистический прием в прозе А.П. Чехова 1890-х гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. С. 156 – 159.

16. Сызранов С.В. Богослужебный Текст в повести А.П. Чехова «Дуэль» // Проблемы исторической поэтики. 2008. С. 449 – 460.

17. Топоров В.Н. Хаос // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М., 1980. Т. 2. К-Я. 1390 с.

18. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс, 1995. С. 575 – 622.

19. Фокина М.А. Метафорические характеристики персонажей в повести А.П. Чехова «Дуэль» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 59 – 65.

20. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Фёдоров. М.: Цитадель, 1997.

21. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974.

References

1. Abieva N.M. Poetics of costume in the late prose of A.P. Chekhov: semantic shifts. Culture and text. 2016. No. 2. P. 186 – 195.

2. Andrey B.T. The righteous in the system of images of A.P. Chekhov. Knowledge. Understanding. Skill. 2006. No. 2. P. 181 – 185.

3. Borisova N.P. Six Psalms. Its content, features and spiritual meaning. St. Petersburg: Sa-tis, 2000. P. 5 – 10.

4. Vlasov A.S. "...And the Spirit of God hovered over the water" (Symbolism of the sea in A.P. Chekhov's story "Duel"). Bulletin of the Kostroma State University. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 116 – 122.

5. Ginetsinsky V.I. Existential-psychological intentions of the artistic world of A.P. Chekhov. Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2010. P. 407 – 409.

6. Gulakova E.S. The influence of nature on the heroes of A.P. Chekhov's story "Duel". Philologist of the Year 2021: collection of articles from the International professional research competition, Petrozavodsk, December 21, 2021. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", 2021. P. 23 – 29.

7. Ivanova N.P. Antinomies of the romantic worldview in the artistic world of A.P. Chekhov. Issues of Russian Literature. 2018. No. 1. P. 37 – 49.

8. Kataev V.B. Chekhov plus...: predecessors, contemporaries, successors. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 392 p.

9. Korolkova G.L. Spiritual, moral and ascetic motives in the works of A.P. Chekhov. Bulletin of ChSPU named after. AND I. Yakovleva. 2013. No. 1 (77). Part 1. P. 90 – 93.

10. Linkov V.Ya. Chekhov's skepticism and faith. M.: Publishing house Mosk. Univ., 1995. 78 p.

11. Mikhailova T.V. Mythopoetics of the story by A.P. Chekhov's "Duel". Culture and text. 2005. No. 9. P. 251 – 267.

12. Merezhkovsky D.S. An old question about a new talent. URL: https://a-chehov.ru/publikacii/chehov-pro-et-contra-tom-1/p4 (date of access: 10.08.2024).

13. Nuzhdina S.A. On the polyfunctionality of the landscape in some stories of A.P. Chekhov. Scientific notes of the Khujand State University named after academician B. Gafurov. Humanities. 2016. P. 56 – 60.

14. Russian literature at the turn of the century (1890s – early 1920s). Book 1. Rus. acad. sciences. Institute of World Literature named after A.M. Gorky, ed. V.A. Keldysh. M.: IMLI RAS: Heritage, 2000. 958 p.

15. Sazonova V.A. Antithesis as a stylistic device in the prose of A.P. Chekhov 1890s. Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. 2010. P. 156 – 159.

16. Syzranov S.V. Liturgical Text in the story by A.P. Chekhov's "Duel". Problems of historical poetry. 2008. P. 449 – 460.

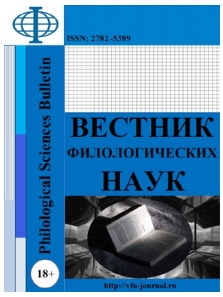
17. Toporov V.N. Chaos. Myths of the peoples of the world: Encyclopedia: in 2 vol. M., 1980. Vol. 2. K-Ya. 1390 p.

18. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoeic: Selected. Moscow: Progress, 1995. P. 575 – 622.
19. Fokina M.A. Metaphorical Characteristics of Characters in A.P. Chekhov's Story "Duel". Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 1 (20). P. 59 – 65.
20. Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: in 2 vol. Compiled by A.I. Fedorov. Moscow: Citadel, 1997.
21. Chekhov A.P. Complete Works and Letters: in 30 vol. Moscow: Nauka, 1974.

Информация об авторах

Лю Сяоя, *Российский государственный гуманитарный университет, (РГГУ), liuxiaoya410@gmail.com*

© Лю Сяоя, 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.06

[1] ***Пакудина А.А.***

[1] ***Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики***

Сравнительный анализ переводов сленга и разговорных выражений с английского языка на русский

Аннотация: *в статье исследуются особенности перевода сленговых и разговорных выражений с английского на русский язык, учитывая уникальные языковые, культурные и социологические аспекты, влияющие на перевод. Подробно анализируются основные трудности, такие как отсутствие точных лексических и семантических эквивалентов, значительные культурные различия, а также специфика фонетики и ритмики английских сленговых выражений, которые часто требуют изменений при переводе. Автор исследует необходимость адаптации перевода к целевой аудитории, включая молодежные и социальные группы, у которых сленг выполняет роль идентификации и поддержания культурных связей. Для иллюстрации рассмотрены примеры англоязычных фраз, таких как «cringe», «Netflix and chill», «take a rain check», и варианты их перевода, при которых переводчики сталкиваются с необходимостью передавать эмоциональную глубину и коннотации, заложенные в оригинале. Особое внимание уделяется влиянию интернет-культуры на восприятие заимствованных выражений в русском языке. В заключение подчеркивается, что перевод сленга требует от переводчиков высокого уровня культурной компетентности, знания специфики молодежной речи и гибкого творческого подхода для передачи полноты смысла и эмоциональной окраски, что особенно важно в условиях постоянно развивающейся языковой среды.*

Ключевые слова: *перевод, сленг, разговорные выражения, английский язык, русский язык, культурные различия, интернет-культура, адаптация, фонетика, ритмика*

Для цитирования: Пакудина А.А. Сравнительный анализ переводов сленга и разговорных выражений с английского языка на русский // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 87 – 91.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] ***Pakudina A.A.***

[1] ***St. Petersburg University of Management Technologies and Economics***

Comparative analysis of translations of slang and colloquial expressions from English into Russian

Abstract: *the article examines the specific challenges of translating slang and colloquial expressions from English into Russian, considering the unique linguistic, cultural, and sociological aspects impacting translation. It thoroughly analyzes key issues such as the absence of direct lexical and semantic equivalents, substantial cultural differences, and the distinct phonetic and rhythmic features of English slang expressions that often necessitate adaptation in translation. The author explores the need to tailor translations to target audiences, including youth and social groups for whom slang plays a role in identity and cultural connection. To illustrate, the article discusses examples of English phrases like "cringe," "Netflix and chill," and "take a rain check," and their Russian translations, highlighting the translator's task of conveying both the emotional depth and connotations of the original ex-*

pressions. Special attention is given to the influence of internet culture on the perception of borrowed expressions in Russian. The article concludes that translating slang requires a high level of cultural competency, knowledge of contemporary youth language, and a flexible creative approach to fully capture the meaning and emotional nuances, especially important in the evolving linguistic landscape.

Keywords: *translation, slang, colloquial expressions, English, Russian, cultural differences, internet culture, adaptation, phonetics, rhythm*

For citation: Pakudina A.A. Comparative analysis of translations of slang and colloquial expressions from English into Russian. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 87 – 91.

The article was submitted: October 24, 2024; Approved after reviewing: November 06, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Сленг и разговорные выражения становятся своеобразным мостом между официальным и неформальным общением. Перевод таких языковых элементов с английского на русский – это сложная и многогранная задача, требующая учета как культурных, так и языковых особенностей. На первый взгляд, английский и русский сленг могут казаться схожими по функциям и целям: они отражают менталитет и социальные тенденции, определённую идентичность, вызывают эмоциональный отклик у собеседника и помогают сгладить формальные рамки общения. Однако культурные различия приводят к тому, что одинаковые по сути выражения могут интерпретироваться по-разному, отражая разницу в восприятии понятий и явлений [3].

Материалы и методы исследований

Для анализа были собраны и систематизированы примеры английского сленга и разговорных выражений, активно использующихся в англоязычной среде за 2023-2024 годы. В качестве основных источников были использованы интернет-ресурсы (социальная сеть Facebook, видео-платформа Youtube), а также современные англо-русские словари сленга и разговорной речи. Были рассмотрены наиболее частотные выражения, отражающие специфику культурных кодов и особенностей неформального общения в англоязычном обществе.

Методы исследования включали сопоставительный анализ, который позволил выделить сходства и различия между английскими и русскими сленговыми выражениями. Кроме того, использовался метод семантического анализа для изучения культурных и лексических значений каждого выражения, а также анализа контекста для определения уместных вариантов перевода. Путем сравнительного анализа были выявлены примеры устойчивых выражений, которые при переводе сохраняют смысл и культурную окраску, а также случаи, требующие адаптации для русскоязычной аудитории.

В первую очередь, стоит обратить внимание на фразы, которые в английском звучат как идиомы или устойчивые выражения, передающие определённое значение. Например, фраза "It's raining cats and dogs" переводится как "льет как из ведра", а не "льет кошками и собаками". Английский сленг в большинстве случаев придает особый смысл, основанный на метафорах, а при переводе на русский важно сохранить эту метафоричность, добавляя при этом эмоциональный окрас, понятный русскоязычным носителям. Так, выражение "hit the road" можно было бы перевести как "сматываться" или "отправляться в путь", в зависимости от контекста и интонации. Переводчик должен точно оценивать тональность выражения, поскольку даже малая неточность может изменить всю картину, создавая эффект недопонимания [5].

Результаты и обсуждения

Когда речь заходит о переводе сленга, особенно американского, который отличается динамичностью и восприимчивостью к новым формам, перед переводчиком встаёт проблема эквивалентности. Рассмотрим фразу "to ghost someone", популярную в последние годы, означающую неожиданное прекращение общения с кем-либо без объяснения причин. В русском языке эквивалента этому выражению долгое время не было, и оно лишь недавно появилось как "призрачить" или "игнорить". Этот пример хорошо иллюстрирует, как некоторые явления проникают в языковую культуру через дословный перевод или калькирование.

Нельзя не заметить, как быстро английский сленг обновляется, что делает его перевод особенно сложным, поскольку многие выражения просто не успевают обрасти аналогами в русском. Одним из таких примеров является слово "cringe", которое изначально обозначало чувство стыда или неловкости за другого человека. Перевести это слово можно как "смущение", но это не передает всей эмоциональной нагрузки, присущей английскому выражению. Сегодня можно услышать, как русскоязычные собеседники используют слово "кринж", пытаясь адаптировать его для своей аудитории. Этот процесс иллюстрирует взаимодействие языков и необходимость гибкости при передаче подобных концепций.

Другим интересным примером является выражение "spill the tea", которое в разговорном английском используется в значении "раскрыть секрет" или "посплетничать". Дословный перевод как "пролить чай" не даст понимания сути фразы русскому слушателю, который может счесть его странным или даже непонятным. Русскоязычный аналог может звучать как "раскрыть карты", "рассказать правду", но утрачивается ироничная и игривая интонация оригинала. В таких случаях переводчик должен быть чувствителен к деталям, чтобы максимально сохранить намерение и контекст фразы [1].

Английский сленг и разговорные выражения часто подчеркивают особенности американской или британской культуры, включая ссылки на кино, музыку или известные медийные события. Выражение "Netflix and chill", используемое в контексте приглашения провести вечер вместе в неформальной обстановке, не имеет точного аналога в русском, где не распространено использование брендов в подобном ключе. Таким образом, перевод такой фразы потребует адаптации, чтобы донести до русскоязычного читателя весь смысл. Можно использовать такие варианты, как "остаться дома" или "провести вечер вместе", добавив нужный контекст, чтобы избежать неправильной интерпретации.

В рамках перевода разговорных выражений часто приходится работать с эвфемизмами и фразами, смягчающими или завуалирующими истинное значение. К примеру, фраза "break the ice", означающая разрядить обстановку или снять напряжение при первом знакомстве, в русском эквиваленте может звучать как "растопить лед". Хотя смысл обоих выражений схож, важно учитывать тонкость, с которой они используются в речи.

Иногда разговорные выражения в английском языке имеют более грубую или, наоборот, более утонченную форму по сравнению с русскими эквивалентами. Так, фраза "beat around the bush", которая переводится как "ходить вокруг да около", в русском варианте может восприниматься как менее эмоционально окрашенное выражение по сравнению с оригиналом. Английская версия несёт лёгкий оттенок раздражения, что иногда требует от переводчика добавить дополнительные слова для усиления эмоциональной окраски, например, "избегать сути разговора" [2].

Существуют также выражения, которые отражают специфический культурный код, связанный с образом жизни, привычками и ценностями носителей языка. Например, выражение "I'm broke" указывает на временные финансовые трудности, в переводе может быть передано как "я на мели" или "я без копейки". Эти выражения звучат несколько по-разному и могут требовать контекстуального уточнения, в зависимости от аудитории. Русское "я без копейки" более буквально передаёт отсутствие денег, в то время как "я на мели" передаёт это более фигурально, что может требовать дополнительных уточнений, чтобы передать глубину эмоционального оттенка английского сленга.

Интересно также наблюдать, как определённые английские сленговые выражения со временем приобретают популярность в русском языке, при этом их значение может меняться. Выражение "hype", которое в английском обозначает ажиотаж или шумиху вокруг какого-либо явления, часто используется в русском для обозначения чего-то популярного или трендового. Тем не менее, русский вариант несколько изменил смысл: в английском "hype" скорее негативен и указывает на излишнее внимание, в то время как в русском он приобрел нейтральную окраску и ассоциируется с чем-то модным.

Отдельно стоит рассмотреть фразы с уничижительным или саркастическим значением, которые характерны для молодежного сленга и часто встречаются в интернет-общении. Например, выражение "basic" в английском описывает человека с посредственными вкусами, следующего за всеми трендами. На русском языке можно передать это как "обычный", "заурядный", но это не всегда сохраняет всю полноту саркастического оттенка. Здесь, возможно, стоит использовать сочетание слов, чтобы показать, что имеется в виду конкретная социальная критика, например, "банально" или "как у всех" [7].

Английский язык изобилует сокращениями, такими как "OMG" (Oh My God), "IDK" (I Don’t Know), "BTW" (By The Way). В русском языке эти аббревиатуры нередко сохраняются в оригинале, особенно в онлайн-общении, где привычка использовать английские сокращения уже достаточно укоренилась. При этом их перевод не всегда оправдан: к примеру, "OMG" можно передать как "Боже мой" или "О, Господи", но в разговорной переписке зачастую встречается именно английский вариант, что объясняется глобализацией и влиянием массовой культуры [9].

В выражении "cool" подразумевается одобрение или восхищение, и переводчики нередко используют слово "круто" или "классно" для передачи этого смысла. Однако здесь также возможно столкнуться с ситуацией, когда оригинальное английское слово лучше отражает сущность явления, поэтому русские пользователи могут заимствовать его без адаптации. Это особенно характерно для современной молодежной культуры, где заимствованные слова иногда приобретают дополнительный смысл, отличный от изначального.

При переводе разговорных выражений, относящихся к определённым социальным группам или профессиональным сообществам, важно учитывать их лексический и стилистический фон. Например, выражение "kick the bucket", означающее "умереть", на русский можно перевести как "отбросить коньки". Оба выражения передают ироничную или неформальную коннотацию, однако, важно учитывать культурные ассоциации и соответствие контекста. В зависимости от ситуации можно использовать более или менее мягкие варианты, чтобы избежать недоразумений.

Еще одна интересная проблема, с которой сталкиваются переводчики, касается передачи нецензурных выражений. В английском языке ругательства и грубые фразы могут быть гораздо более многообразными и контекстуальными, чем в русском. Например, "What the hell" или "What the heck" в разговорной речи передают возмущение или удивление, но при переводе приходится решать, насколько корректно или грубо следует передать эту эмоцию на русском. Варианты вроде "Черт возьми" или "Что за черт" сохраняют суть, но в более неформальном диалоге могут выглядеть чересчур литературно. Однако грубый русский эквивалент тоже может не подойти из-за более резкого звучания в русском языке. Таким образом, переводчику приходится искать баланс между достоверностью и уместностью выражения в определенном контексте [10].

Иногда переводчики сталкиваются с вызовом, когда разговорное выражение на английском имеет богатую культурную подоплеку, которую невозможно передать дословно. Рассмотрим выражение "take a rain check", которое означает откладывание чего-либо на потом или вежливый отказ. Прямой перевод как "взять дождевой талон" абсолютно не имеет смысла для русского носителя языка, поскольку в русском языке отсутствует подобная практика. Приходится искать альтернативу: "перенесем на другой раз", "в следующий раз" или даже "давай отложим". Каждый из этих вариантов работает в контексте, но ни один не передает исторического и культурного фона оригинала, что показывает, как перевод неизбежно теряет часть смыслового багажа оригинала.

Интересный аспект перевода разговорных выражений заключается в адаптации к различным возрастным группам. В английском языке сленг часто отражает возрастные различия, причем подростковая и молодежная речь насыщена фразами, которые имеют специфическое значение только для этой аудитории. Фраза "I'm dead", например, используется молодежью как реакция на нечто чрезвычайно смешное или шокирующее, что буквально может означать "Я умираю от смеха". Переводить это как "Умереть можно" или "Я сейчас умру" – приемлемо, но требуется понимать, что эта фраза в молодежной среде более эмоциональна и экспрессивна, чем простое указание на физическое состояние [3].

Выводы

Таким образом, перевод сленга и разговорных выражений с английского на русский – это не просто технический процесс, но творческий подход, требующий от переводчика знаний не только языков, но и культур, из которых эти выражения происходят. Разнообразие разговорной речи и сленга – это отражение образа жизни, мировоззрения и эмоционального состояния говорящих, и успешный перевод может максимально точно передать все эти аспекты. Такой перевод позволяет русскоязычному читателю или слушателю почувствовать себя частью языковой игры, понять подтексты и глубже проникнуть в культуру, из которой эти выражения произошли.

Список источников

1. Бурдина К.А. Молодежный сленг в английском языке // Молодой ученый. 2023. № 40 (487). С. 106 – 109. URL: https://moluch.ru/archive/487/106371/ (дата обращения: 11.09.2024).

2. Валиева А.А. Особенности перевода молодежного сленга с английского языка на русский // Мировая наука. 2019. № 3. С. 76 – 80. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-molodezhnogo-slenga-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy (дата обращения: 11.09.2024).

3. Гайломазова Е.С., Капраленко Е.О. Особенности перевода англоязычного молодежного сленга в интернете // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 104. № 3. С. 81 – 85. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-angloyazychnogo-molodyozhnogo-slenga-v-internete (дата обращения: 11.09.2024).

4. Гольдберг Г.К. Влияние английского языка на русский молодежный сленг // Язык и лингвистика. 2018. № 1 (24). С. 89 – 95. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-angliyskogo-yazyka-na-russkiy-molodezhnyy-sleng (дата обращения: 11.09.2024).

5. Иванова Е.В. Англицизмы в русском молодежном сленге // Юный ученый. 2023. № 76. С. 4035 – 4038. URL: https://moluch.ru/young/archive/76/4035/ (дата обращения: 11.09.2024).

6. Лебедева А.В., Полякова И.А. Влияние заимствований на русский молодежный сленг // Наука и молодежь. 2020. № 12. С. 28 – 34. URL: https://moluch.ru/archive/12/12756/ (дата обращения: 11.09.2024).

7. Лебедева М.В. Англицизмы в современном русском языке: содержание, функции, процессы // Научный вестник МГЛУ. 2023. № 13. С. 45 – 52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-v-sovremennom-russkom-yazyke (дата обращения: 11.09.2024).

8. Прошанов А.Е. Анализ перевода сленга в кино в жанре молодежной драмы. Оценка частотности используемых приемов перевода // Молодой ученый. 2023. № 39 (486). С. 213 – 217. URL: https://moluch.ru/archive/486/106212/ (дата обращения: 11.09.2024).

9. Романова А.В., Бикеев Р.Р. Развитие сленга в английском языке в 20-21 веках // Научный журнал «Филология». 2024. № 2. С. 120 – 160. URL: https://scipress.ru/philology/articles/razvitie-slenga-v-anglijskom-yazyke-v-20-21-vekakh.html (дата обращения: 11.09.2024).

10. Рюмин Р.В. Современные тенденции английского сленга в интернет-общении // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 5. С. 44 – 47. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-angliyskogo-slenga (дата обращения: 11.09.2024).

References

1. Burdina K.A. Youth slang in English. Young scientist. 2023. No. 40 (487). P. 106 – 109. URL: https://moluch.ru/archive/487/106371/ (date of access: 11.09.2024).

2. Valieva A.A. Features of translating youth slang from English into Russian. World Science. 2019. No. 3. P. 76 – 80. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-molodezhnogo-slenga-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy (date of access: 11.09.2024).

3. Gailomazova E.S., Kapralenko E.O. Features of the translation of English-language youth slang on the Internet. Humanities and social sciences. 2024. Vol. 104. No. 3. P. 81 – 85. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-angloyazychnogo-molodyozhnogo-slenga-v-internete (date of access: 11.09.2024).

4. Goldberg G.K. The influence of the English language on Russian youth slang. Language and linguistics. 2018. No. 1 (24). P. 89 – 95. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-angliyskogo-yazyka-na-russkiy-molodezhnyy-sleng (date of access: 11.09.2024).

5. Ivanova E.V. Anglicisms in Russian youth slang. Young scientist. 2023. No. 76. P. 4035 – 4038. URL: https://moluch.ru/young/archive/76/4035/ (date of access: 11.09.2024).

6. Lebedeva A.V., Polyakova I.A. The influence of borrowings on Russian youth slang. Science and youth. 2020. No. 12. P. 28 – 34. URL: https://moluch.ru/archive/12/12756/ (date of access: 11.09.2024).

7. Lebedeva M.V. Anglicisms in the modern Russian language: content, functions, processes. Scientific Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2023. No. 13. P. 45 – 52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-v-sovremennom-russkom-yazyke (date of access: 11.09.2024).

8. Proshanov A.E. Analysis of slang translation in youth drama films. Assessment of the frequency of used translation techniques. Young scientist. 2023. No. 39 (486). P. 213 – 217. URL: https://moluch.ru/archive/486/106212/ (date of access: 11.09.2024).

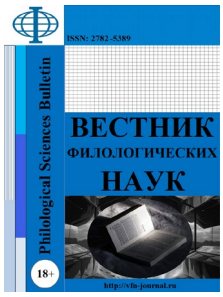
9. Romanova A.V., Bikeev R.R. Development of slang in the English language in the 20-21 centuries. Scientific journal "Philology". 2024. No. 2. P. 120 – 160. URL: https://scipress.ru/philology/articles/razvitie-slenga-v-anglijskom-yazyke-v-20-21-vekakh.html (date of access: 11.09.2024).

10. Ryumin R.V. Modern trends of English slang in online communication. Linguistics and intercultural communication. 2022. No. 5. P. 44 – 47. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-angliyskogo-slenga (date of access: 11.09.2024).

Информация об авторах

Пакудина А.А., *старший преподаватель, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, г. Санкт-Петербург, annapakudina@gmail.com*

© Пакудина А.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.111'36

[1] Ройс Е.В. ***[1] Вятский государственный университет***

Синтаксис среднеанглийского языка (на примере анализа порядка слов в сложных предложениях)

Аннотация: *в статье автор исследует вопросы, связанные с эволюцией английского языка после раннего периода до нового, когда язык претерпел значительные изменения, став аналитическим. Статья посвящена анализу синтаксиса среднеанглийского языка с особым вниманием к порядку слов в сложных предложениях. В ходе работы изучается, как синтаксические структуры отражают мыслительные процессы, нормы коммуникации и реальные социальные обстоятельства того времени. Актуальность исследования заключается в возможности проследить эволюцию английского синтаксиса, его диахронические аспекты и общие тенденции развития, что важно для понимания текущих лингвистических процессов.*

Авторы статьи анализируют работы выдающихся учёных, таких как Д. Лайтфут, Э. Траугот и И. Робертс, которые внесли значительный вклад в изучение германских языков, в том числе английского. Изучение среднеанглийского периода (1100-1500 гг.) как переходной эпохи от синтетической к аналитической структуре языка позволяет лучше понять механизмы и принципы построения предложений, а также изменения в использовании словоизменительной системы и предлогов. В статье также поднимаются вопросы о флексиях и согласовании в числе, раскрывается, как эти аспекты языка трансформировались в указанный период.

Исследование предоставляет ценную информацию о взаимосвязи между синтаксическими изменениями и широкими культурно-историческими процессами, обогащая понимание развития английского языка на протяжении веков.

Ключевые слова: *среднеанглийский язык, исторический синтаксис, диахронический аспект, порядок слов, эволюция, архаичность, модель*

Для цитирования*:* Ройс Е.В. Синтаксис среднеанглийского языка (на примере анализа порядка слов в сложных предложениях) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 92 – 101.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Rois E.V. ***[1] Vyatka State University***

The syntax of the Middle English language (using the example of word order analysis in complex sentences)

Abstract: *in the article, the author explores issues related to the evolution of the English language from the early period to the new one, when the language underwent significant changes, becoming analytical. The article is devoted to the analysis of the syntax of the Middle English language with special attention to the word order in complex sentences. In the course of the work, we study how syntactic structures reflect thought processes, norms of communication and the real social circumstances of that time. The relevance of the research lies in the possibility*

to trace the evolution of English syntax, its diachronic aspects and general development trends, which is important for understanding current linguistic processes.

The authors of the article analyze the works of outstanding scientists such as D. Lightfoot, E. Traugot and I. Roberts, who made significant contributions to the study of Germanic languages, including English. The study of the Middle English period (1100-1500) as a transitional epoch from the synthetic to the analytical structure of the language allows for a better understanding of the mechanisms and principles of sentence construction, as well as changes in the use of the inflectional system and prepositions. The article also raises questions about inflections and agreement in number, reveals how these aspects of the language were transformed during this period.

The study provides valuable information about the relationship between syntactic changes and broad cultural and historical processes, enriching the understanding of the development of the English language over the centuries.

Keywords: *Middle English, historical syntax, diachronic aspect, word order, evolution, archaism, model*

For citation: Rois E.V. The syntax of the Middle English language (using the example of word order analysis in complex sentences). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 92 – 101.

The article was submitted: October 28, 2024; Approved after reviewing: November 09, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Синтаксис неразрывно связан со структурой мышления, нормами коммуникации и реальной действительностью. Благодаря именно синтаксису в целом определяется структура языка, поэтому его понимание необходимо для владения языком. Актуальность данной работы заключается в том, что она позволит не только определить состояние синтаксической структуры английского языка в определенный период времени, но и увидеть общие тенденции развития английского синтаксиса.

Объектом исследования является синтаксис среднеанглийского языка. Предметом исследования является диахронический аспект синтаксиса английского языка. Цель исследования – изучить порядок слов в предложениях английского языка в его диахроническом аспекте.

Синтаксическая подсистема германских языков традиционно привлекает внимание ученых разных направлений и школ (Д. Лайтфут, Э. Траугот, И. Робертс, И.Р. Буниятова, А.Н. Приходько и др.), при этом, наибольший интерес к данной теме стал проявляться к концу XX столетия, возможно, из-за развития идей генеративной грамматики, в которой синтаксический компонент характеризовался как включающий механизмы и принципы, с помощью которых осуществляются процессы построения предложений, а также с помощью которых образуется определенное количество синтаксических структур. Следует уточнить, что рядом ученых и авторов такие структуры анализируются с семантической и фонологической точки зрения [17].

Исследование синтаксиса английского языка проводились как российскими (О.И. Кхелил, И.Р. Буниятова, А.Н. Приходько, С. Пинчук, и другие) [7, 13], так и зарубежными учеными, филологами-лингвистами (R. Freidin, J.H. Greenberg, R. Hinterholzl, A. Kroch, A. Taylor, M. Rissanen, C. Trips, Д. Лайтфут, Э. Траугот, И. Робертс, М. Рисанен, Дж. Гринберг и др.).

В ходе анализа научной литературы нами были изучены особенности развития среднеанглийского языка, его структуры предложения (в т.ч., порядка слов, вопросительных, отрицательных предложений).

Следует отметить, что Лингвистический энциклопедический словарь дает двойное определение синтаксиса, где под синтаксисом понимается:

- раздел грамматики, где исследуются процессы порождения речи (включая порядок следования, сочетаемость слов в предложении, общие свойства высказывания на римере частей текста, а также предложения на примере автономной единицы языка;
- средства и правила создания речевых единиц, характерные для конкретного языка [13].

Как и другие разделы лингвистики, синтаксис подразделяется на синхронный и диахронический (или исторический). Данное исследование основано на диахроническом (или историческом) изучении синтаксиса.

На эволюцию языка, включая синтаксис, оказывают влияние разные факторы.

В ряде теоретических концепций разных авторов описываются основные факторы, влияющие на изменение структуры языка:

- внутренние (социокультурные факторы развития языкового общения, социально-политические процессы, конфессиональные факторы, формирование литературных (стандартных) языков и др.);
- внешние (геополитические факторы, этнические миграции и дивергентно-конвергентные языковые процессы, развитие информационных технологий и др.).

По мнению Х.А. Атаджановой имеются следующие факторы:

1. Политический фактор (иностранное вторжение, миграция, колонизация).
2. Социальный фактор (иностранное влияние других стран).
3. Культурный фактор (ознакомление одной языковой группы с другой с помощью СМИ, фильмов, музыки и других элементов массовой культуры).
4. Технологический фактор (в результате развития информационных технологий, отраслей и пр. появляются новые слова, что приводит к изменению языка).
5. Моральный фактор (развитие антирасизма, обучение членов семьи иностранному языку и пр.) [1].

По мнению Е.А. Курченковой английский язык за 400 лет распространения по всему миру приобрел много вариантов, а также разновидностей. Имеются следующие внутренние факторы развития национального варианта языка - высокая степень социально-территориальной диверсификации языка (причины - история, высокая степень расслоения общества, большое многообразие языков, недостаточная доступность качественного образования на английском языке, разнообразие сфер применения английского языка в и пр.).

Синтаксис является наименее исследованной частью грамматики. Одним из основных заданий современной теории синтаксиса является исследование структуры предложения как в синхронном, так и в диахронном аспектах.

Материалы и методы исследований

Теоретической и методологической основой исследования являются труды отечественных, зарубежных ученых лингвистов и переводчиков по проблемам эффективного перевода среднеанглийского, результаты исследований научных учреждений страны по соответствующим вопросам, публикации и практика применения.

Материалы исследования: материал памятников северных диалектов, художественные произведения (Polychronicon, XIV в., Чосер, XIV в., Piers the Plowman, XIV в. и др.).

Основные методы исследования: изучение научных работ отечественных и зарубежных авторов, анализ литературы, обобщение.

Результаты и обсуждения

В исторической англистике, в частности, актуальными остаются вопросы, связанные с генезисом, функционированием, а также типологией компонентов сложного предложения на различных этапах эволюции языка, которые будут рассмотрены ниже.

Исторический синтаксис является разделом исторической грамматики, где осуществляется изучение закономерностей эволюции синтаксического строя данного языка или группы языков. В данной работе центральное место отведено именно истерическому синтаксису.

Разделение основных типов среднеанглийского языка производится на основе периодизации ученого лингвиста М. Рисанена (рис.1).

Рис. 1. Основные типы среднеанглийского языка (автор М. Рисанена).
Fig. 1. The main types of Middle English (author M. Risanen).

Имеются разные противоречивые мнения ученых о периоде функционирования данного вида английского языка, однако издательством Оксфордского университета акцентируется внимание на периоде 1100-1500 гг. (исторически соотносится с периодом от раннего средневековья до позднего) [4].

Древнеанглийский был языком синтетическим. Древнеанглийский язык отличался высокой флективностью, сложной системой падежей, склонений и спряжений. Среднеанглийский язык был переходным периодом с ослабленной словоизменительной системой, развитием предлогов и использованием порядка слов для обозначения грамматических связей, в частности, с древнейших времен в английском языке функционировали сложные предложения, в которых преобладала сочинительная связь.

Среднеанглийский язык является формой английского языка, который использовался после Нормандского завоевания 1066 г.-конец 15 в. [2]. Среднеанглийский язык в значительной степени состоит из англо-нормандской лексики, особенно в областях политики, права, искусства и религии. В основном, традиционная английская лексика оставалась германской по источникам, при этом имелось нарастание ярко выраженного древнескандинавского влияния. При развитии данной формы английского языка происходили значительные изменения в произношении (в т.ч., относительно долгих гласных и дифтонгов, которые в поздний среднеанглийский период начали претерпевать Большой сдвиг гласных).

От ранней «среднеанглийской литературы» почти не сохранилось источников и соответствующей информации, отчасти по причине господства норманнов, а также престижа, который появился благодаря написанию на французском, а не на английском языках. В XIV в. появился новый литературный стиль благодаря произведениям следующих писателей: Джону Уиклиффа, Джеффри Чосера, чьи Кентерберийские рассказы до настоящего времени являются наиболее изучаемым, а также читаемым произведением периода среднеанглийского языка.

Далее рассмотрим особенности синтаксиса среднеанглийского языка.

В период среднеанглийского языка сильно изменился его синтаксис.

Во-первых, произошла утеря именными частями речи практически всех грамматических категорий. В целом, почти исчезло именное согласование, кроме согласования в числе. Так, остались признаки числа у существительных, указательных местоимений и в элементах сильного склонения прилагательных.

Примеры:

«as thise clerkes seyn» – «as these learned men say» («как говорят эти ученые»);

«these wodes eek recoveren grene» – «these woods become green again» («эти леса зазеленели снова»).

Во-вторых, были утеряны последние следы согласования с прилагательными примерно, в XV в.) при отпадании «-e».

Предложные конструкции постепенно перестраивались и наиболее часто используемые прилагательные, и глаголы могли управлять очень большим количеством предлогов.

В-третьих, в связи с общей редукцией флексий, синтетические формы обозначения синтаксических связей устарели. В целях избежания неясности высказывания порядок слов постепенно был ограничен, а также усечен.

Вместе с тем, многие черты древнеанглийского порядка слов остались прежними практически до конца среднеанглийского периода. Следовательно, неопределенности высказывания в среднеанглийском языке избежать было нельзя. Так, основной способ построения предложения в современном английском, это модель ПС (подлежащее, сказуемое); в синтетическом древнеанглийском языке в ходу были также модели СП и С...П (в придаточных предложениях). Все эти модели продолжают довольно активно использоваться в среднеанглийском языке.

В-четвертых, нормандское вторжение сыграло огромную роль в изменении языка в среднеанглийском периоде, после чего началось активная ассимиляция французского языка на Британских островах. Вместе с тем, по мнению ряда ученых основной причиной существенных изменений в синтаксической структуре языка стало не только влияние французского языка, сколько именно само завоевание с его последствиями в политике, а также образе жизни, что заключалось в следующем: английский язык превратился в язык просторечный, низкий, начал развиваться более свободно. При этом, языковая норма, которая перестала закрепляться и контролироваться писцами, учеными, стала приобретать яркий динамический характер [14].

Также в языке продолжались такие изменения, как унификация обозначения притяжательного падежа. Как указывают О.В. Вахонина, А.Д. Батманов, и другие исследователи в период среднеанглийского языка существительные с окончанием «r, s» либо восходившие к древнеанглийскому женскому роду, перестали принимать окончания «- (e)s» [4].

В среднеанглийский период фиксация порядка слов продолжилась.

Далее приведем примеры архаичного синтаксиса среднеанглийского языка.

1. При прочтении «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера встречается архаичная лексика, грамматические формы, орфография, синтаксис (поскольку, в отличие от «Смерти Артура», «Кентерберийские рассказы» обычно публикуются с сохранением оригинальной орфографии одного из изводов) и т.п.

Для примера рассмотрим текст начала Общего пролога к «Кентерберийским рассказам»:

Whan that Aprille with his shoures soote
The droghte of March hath perced to the roote
And bathed every veyne in swich licour,
Of which vertu engendred is the flour;

Whan Zephirus eek, with his swete breeth
Inspired hath in every holt and heeth
The tendre croppes, and the yonge sonne
Hath in the Ram his halve cours y-ronne,
And smale foweles maken melodye,
That slepen al the nyght with open ye –
So priketh hem nature in here corages –
Thanne longen folk to goon on pilgrimages,
And palmeres for to seken straunge strondes,
To ferne halwes, couthe in sondry londes...

Главной особенностью данных строк является архаичность синтаксиса (whan that; постпозитивное определение - showres soote; предлог при инфинитивной частице - for to): в данном случае наблюдается относительная маркированность элементов. Для современного читателя такие архаичные элементы имеют большее значение, чем собственно художественные достоинства «Кентерберийских рассказов».

2. Стилизованный текст: Эпиграф к «Юргену» Дж.Б. Кэбелла (1879-1958).

Один из эпиграфов к данному необычному роману написан на среднеанглийском языке в подражание Чосеру:

Of Jurgen eke they maken mencioun,
That of an old wyf gat his youthe agoon,
And gat himselfe a shirte as bright as fyre
Wherein to jape, yet gat not his desire
In any countrie ne condicioun

Данный «псевдо-отрывок» прекрасно вписывается в стиль Чосера, напоминая «Кентерберийские рассказы» и его исторически обусловленные черты, в т.ч., его архаичный синтаксис (in any countrie ne condicioun).

Таким образом, создается полное впечатление отрывка из первичного текста.

В исторической англистике, в частности, актуальными остаются вопросы, связанные с генезисом, функционированием, а также типологией компонентов сложного предложения на разных этапах эволюции языка, что связано в его аналитизацией.

Ниже приведем примеры с придаточными предложениями условиями в среднеанглийском языке.

В ходе анализа материалов памятников северных диалектов и научной литературы по лингвистике нами выявлены особенности порядка слов в среднеанглийских придаточных предложениях условия (на материале памятников северных диалектов).

Необходимо уточнить, что практически каждый тип придаточного предложения, включая придаточные условия, представлен рядом структурных моделей, при этом, их связь с главным предложением осуществляется с помощью применения асиндетического или синтетического способа.

Анализ структуры такого предложения производим с учетом правил традиционного деления предложения на его конституэнты, а именно: S (субъект), V (глагол), O (объект).

В период среднеанглийского языка произошел переход его как языка от OV-типа (объект находится в препозиции к глаголу) к VO-типу (объект расположен в постпозиции к глаголу).

До настоящего времени подходы к определению специфики, причин перехода исследуемого языка из другого типа являются дискуссионными.

По мнению И. Робертса базовой моделью порядка слов древнеанглийского предложения была VO-модель; появление OV-модели обосновывается перемещением прямого дополнения в позицию слева от глагола в результате «подъема объекта» («object scrambling»). Таким образом, порядок SVO, функционирование которого превалирует в среднеанглийском языке, является результатом отказа от «подъема объекта» [15].

Противоположной точки зрения придерживается С. Пинчук, который в полной мере отрицает однозначную принадлежность древнеанглийского языка к типу VO (считает, что сложилась практика синхронного функционирования, «противостояния» двух альтернативных моделей порядка слов: OV и VO, в связи с чем выдвигает гипотезу двойной базы (Double Base Hypothesis) - VO-модель является специфической инновацией ранне-среднеанглийского периода причина появления заключается в языковых контактов между англосаксами и скандинавскими поселенцами в X в. [19].

Следующие исследователи Э. Крок, Э. Тейлор считают, что имеется постепенная смена OV-модели на VO-модель порядка слов в английском языке, при этом, наблюдается первоначальная фиксация в главном предложении, через некоторое время она закрепляется уже в придаточном, таблица ниже [20].

Снижение уровня употребления SOV-модели с 18% до 3% в среднеанглийском периоде и рост количества условных предложений с порядком SVO свидетельствуют о процессе аналитизации языка и выравнивания порядка слов в главном и придаточном предложениях.

Союзы, которые функционируют в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия в среднеанглийском языке, представлены следующими языковыми единицами (рис. 2).

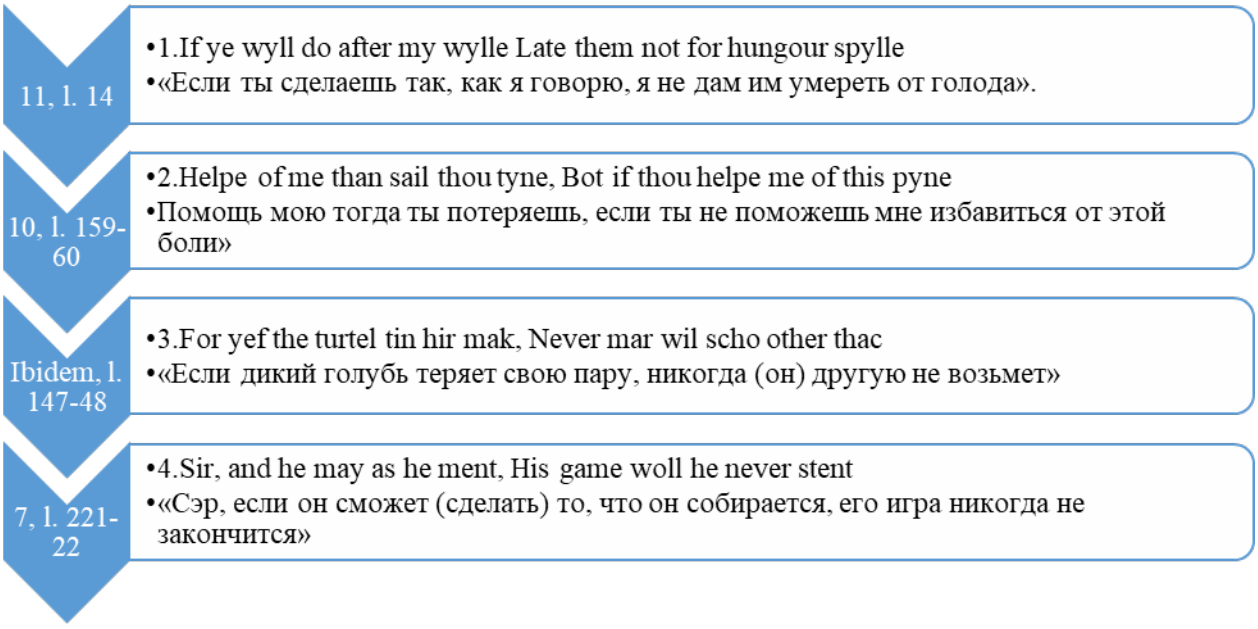


Рис. 2. Примеры предложений среднеанглийского языка.
Fig. 2. Examples of Middle English sentences.

Выше на рисунке 2 демонстрируется вариативность союзов (характерная черта среднеанглийского языка). Союз «if» в данном случае является наиболее распространённым в условных предложениях (имея разные формы составляет 80% от объема всех употребляемых союзов).

В ходе анализа памятников среднеанглийской письменности наблюдается применение разнообразных вариантов союзов в предложениях (построены на основе SOV-модели порядка слов). При этом не оказывается непосредственно влияния союза на саму структуру придаточного условного предложения (рис. 3).

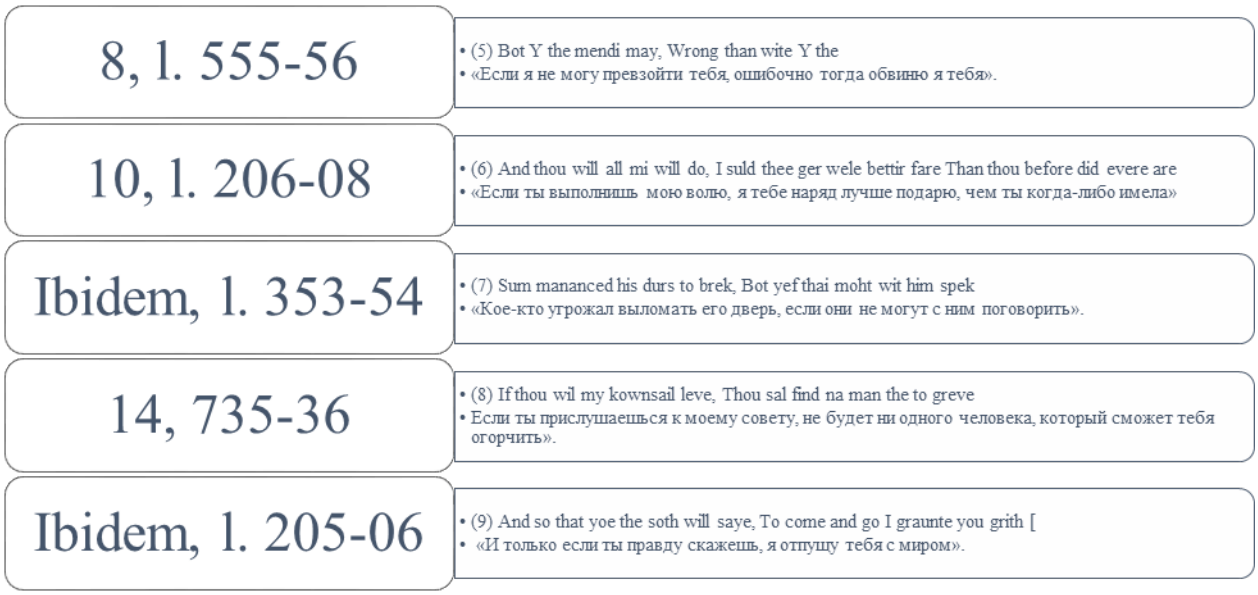


Рис. 3. Примеры предложений среднеанглийского языка.
Fig. 3. Examples of Middle English sentences.

Также при анализе материала установлено, что жанр произведения не влияет на порядок слов в средне-английском предложении, в связи с чем во всех придаточных предложениях заметно преобладание SVO-модели порядка слов (рис. 4).

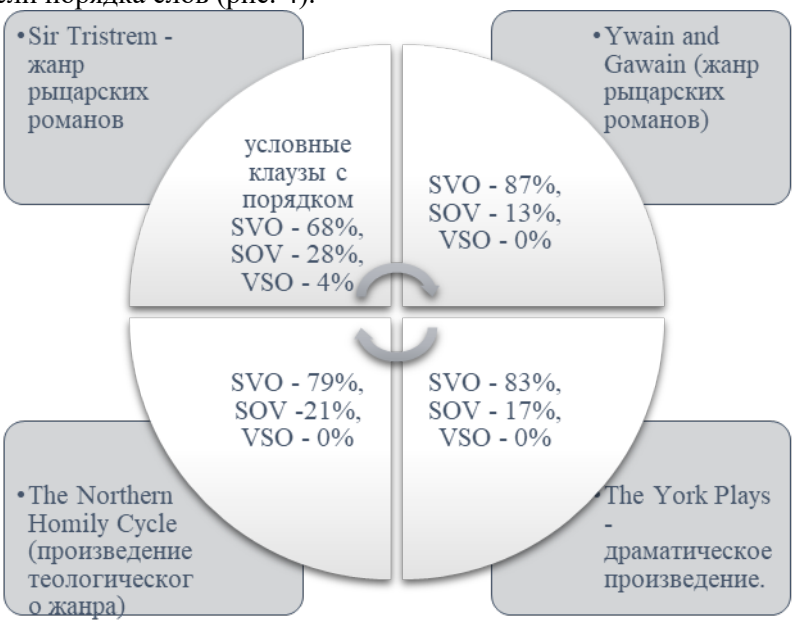


Рис. 4. Жанры произведений Sir Tristrem, Ywain and Gawain, The Northern Homily Cycle, The York Plays.
Fig. 4. Genres of works by Sir Tristrem, Ywain and Gawain, The Northern Homily Cycle, The York Plays.

Далее приведем следующий пример особенностей синтаксиса в среднеанглийском языке:

(10) Haif we richis, na better lyfe we bid» / «Имея мы богатство, у нас будет не лучшая жизнь», где демонстрируется нулевая союзная связь (как отдельная группа среди придаточных предложений условия) [28]. Выявлено, что частота применения соответствующих групп (условных предложений) эпизодична. В результате отсутствия условного союза в вышеуказанном предложении (10) происходит изменение структуры предложения на VSO-модель (табл. 1).

Таблица 1

VSO-модель предложения.

Table 1

VSO model of the sentence.

If-part	Haif	We	Richis
-	V	S	O

Изучение структурных особенностей различных типов придаточных клауз условия позволяет прийти к заключению о существовании связи между наличием/отсутствием формального маркера-связи и структурой придаточного предложения условия. Фактический материал также показал постепенный переход от SOV-к SVO-модели порядка слов в условных предложениях диалектов среднеанглийского языка. Считаем целесообразным в дальнейших исследованиях осуществить комплексный анализ структурных особенностей придаточных предложений условия среднеанглийского языка и разработать формальную методику анализа этих особенностей.

Выводы

В результате проведенного анализа были выявлены особенности синтаксиса среднеанглийского языка.

Таким образом, в период среднеанглийского языка произведен переход английского языка из синтетического строя непосредственно в аналитический, при этом, нами было описан порядок такого перехода, а также были выявлены причины такого перехода, которые заключались в расшатывании нормы в период нормандского завоевания, после чего произошло закрепление уже измененной нормы. Аналогичного мнения придерживаются многие ученые и исследователи.

Также нами представлен список примеров.

Порядок слов в сложных предложениях стал подчиняться более строгим правилам, что можно связать с упрощением грамматической системы и уменьшением количества падежных окончаний. Это также было обусловлено влиянием письменной традиции, которая стала более стандартизированной с распространением книгопечатания. Такие изменения в порядке слов помогали облегчить понимание текста на фоне растущей грамотности и расширения читательской аудитории.

Также заметное влияние на синтаксис оказывало увеличение контактов между английским и другими европейскими языками, что приводило к заимствованию не только лексики, но и синтаксических конструкций, что подчеркивает, насколько значительным было внешнее влияние на развитие английского языка в этот период.

Для будущих исследований остаётся открытым вопрос о том, как именно социальные и культурные изменения способствовали языковым инновациям в синтаксисе, и какие механизмы лежат в основе этих процессов. Предметом дальнейшего изучения могут стать более детализированные аспекты взаимодействия синтаксиса с другими языковыми уровнями, такими как морфология и фонология, что позволит создать более полную картину языковых изменений в среднеанглийский период.

Возможные направления будущих исследований включают дальнейшее изучение влияния исторических событий на языковые изменения в других периодах развития английского языка. Представляет интерес анализ взаимодействия синтаксических изменений с фонологическими и морфологическими трансформациями. Особое внимание следует уделить сравнительному анализу с другими германскими языками, что может помочь выявить общие тенденции и уникальные черты английского языка. Также перспективным является применение корпусных методов для более точного количественного изучения синтаксических структур и их изменений во времени.

Список источников

1. Атаджанова Х.А. Факторы, влияющие на развитие языка // Молодой ученый. 2021. № 49 (391). С. 457 – 459.
2. Бейнинсон Е.Г. К вопросу о периодизации истории развития английского языка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-periodizatsii-istorii-razvitiya-angliyskogo-yazyka (дата обращения: 18.04.2024).
3. Березина С.С., Никифорук К.А. Английский язык в Малайзии. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26007424
4. Вахонина О.В., Батманов А.Д. Синтаксис английского языка и диахронии. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27278656 (дата обращения: 19.04.2024).
5. Гамула Г.Н. Роль языковых средств в формировании общественного мнения в сми (на примере независимой газеты «Местное время»). URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48065732
6. Иванова И.В. Эмотивные языковые средства в англоязычных текстах СМИ. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnye-yazykovye-sredstva-v-angloyazychnyh-tekstah-smi
7. Кхелил О.И. Порядок слов в среднеанглийских придаточных предложениях условия (на материале памятников северных диалектов). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-slov-v-sredneangliyskih-pridatochnyh-predlozheniyah-usloviya-na-materiale-pamyatnikov-severnyh-dialektov (дата обращения: 20.04.2024).
8. Куликова О.В. Эмотивность в дискурсе профессиональной коммуникации: лингводидактический аспект // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 3. URL: https://mir-nauki.com/PDF/11PDMN321.pdf
9. Общеевропейская шкала уровней владения иностранными языками. URL: https://www.coe.int/ru/web/lang-migrants/cefr-and-profiles
10. Романова Е.Ю. История формирования и фонетические особенности базовых диалектов английского языка в юго-восточной Азии. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45627361_23246438.pdf
11. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2016. С. 800.
12. Чупракова Е.В., Попович Е.С. Особенности репрезентации категории эмотивности в английском публицистическом тексте // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 336 – 340.
13. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: https://tapemark.narod.ru/les/ (дата обращения: 19.04.2024).
14. Baugh A.C. A history of the English language. New Jersey: Prentice Hall, 2016. 447 p.
15. Trips C. From OV to VO in Early Middle English. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2015. 351 p.
16. Rissanen M. Early English in the Computer Age: Explorations Through the Helsinki Corpus. Berlin, N. Y.: Mouton de Gruyter, 1993. 294 p.
17. Freidin R. Foundations of Generative Syntax. Cambridge: MIT Press, 1992. 368 p.

18. Clean up the toxicity that influences our conversations on race, religion, culture'. URL: https://www.theborneopost.com/2022/09/15/clean-up-the-toxicity-that-influences-our-conversations-on-race-religion-culture/
19. Hinterholzl R. Information Structure and Language Change: New Approaches to Word Order Variation in Germanic. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 391 p.
20. Kroch A., Taylor A. Verb-Object in Early Middle English. URL: http://www.ling.upenn.edu/~kroch/ online-frame.html (дата обращения: 19.04.2024).
21. Kanak-kanak lapan tahun miliki bakat luar biasa lukis potret. URL: https://www.thesundaily.my/home/kanak-kanak-lapan-tahun-miliki-bakat-luar-biasa-lukis-potret-XL9904356
22. Masa wants better facilities for special needs community. URL: https://www.theborneopost.com/2019/05/08/masa-wants-better-facilities-for-special-needs-communit
23. P00820. Borneo Post Online / Sarawak. September 4, 2022. URL: https://www.theborneopost.com/2012/09/12/penunggang-motosikal-maut-dalam-kemalangan-2/p00820
24. Review removal of Cabotage Policy. Masa. Borneo Post Online. URL: https://www.theborneopost.com/2018/08/09/review-removal-of-cabotage-policy-masa
25. Praba Ganesan. Malaysian movies for Malaysia Day. URL: https://www.malaymail.com/news/opinion/2017/09/14/malaysian-movies-for-malaysia-day/1464449
26. Peter H. Lowenberg. English around the World (Sociolinguistic Perspectives). P. 364 – 375. URL: https://www.cambridge.org/core/books/abs/english-around-the-world/variation-in-malaysian-english-the-pragmatics-of-languages-in-contact/24633F3B1B1FDFC4FD704F7E6B797A2A
27. Toxic tales: Political poisonings. URL: https://www.theborneopost.com/2018/03/06/toxic-tales-political-poisonings/
28. The Morall Fabillis of Esope the Phrygian. URL: http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=cme;cc=cme;view=toc;idno=HenFabl (дата обращения: 19.04.2024).
29. 284 summonses issued during Ops Motosikal. Borneo Post Online. URL: https://www.theborneopost.com/2019/02/10/284-summonses-issued-during-ops-motosikal

References

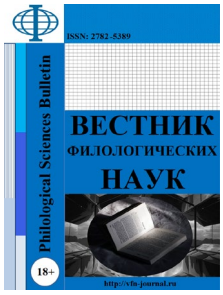
1. Atajanova H.A. Factors influencing the development of language. Young scientist. 2021. No. 49 (391). P. 457 – 459.
2. Beinson E.G. On the issue of periodization of the history of the development of the English language. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-periodizatsii-istorii-razvitiya-angliyskogo-yazyka (date of access: 18.04.2024).
3. Berezina S.S., Nikiforuk K.A. English language in Malaysia. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26007424
4. Vakhonina O.V., Bat'manov A.D. Syntax of the English language and diachrony. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27278656 (date of access: 19.04.2024).
5. Gamula G.N. The role of linguistic means in shaping public opinion in the media (on the example of the independent newspaper "Local Time"). URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48065732
6. Ivanova I.V. Emotive linguistic means in English-language media texts. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnye-yazykovye-sredstva-v-angloyazychnyh-tekstah-smi
7. Khelil O.I. Word order in Middle English subordinate clauses of condition (based on the monuments of northern dialects). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-slov-v-sredneangliyskih-pridatochnyh-predlozheniyah-usloviya-na-materiale-pamyatnikov-severnyh-dialektov (date of access: 20.04.2024).
8. Kulikova O.V. Emotivity in the discourse of professional communication: linguodidactic aspect. The world of science. Pedagogy and psychology. 2021. No. 3. URL: https://mir-nauki.com/PDF/11PDMN321.pdf
9. Common European Framework of Reference for Languages. URL: https://www.coe.int/ru/web/lang-migrants/cefr-and-profiles
10. Romanova E.Yu. The history of the formation and phonetic features of the basic dialects of the English language in Southeast Asia. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45627361_23246438.pdf
11. Testelets Ya.G. Introduction to General Syntax. Moscow: RSUH, 2016. 800 p.
12. Chuprakova E.V., Popovich E.S. Features of Representation of the Category of Emotivity in English Publicistic Texts. Society and Law. 2014. No. 2 (48). P. 336 – 340.
13. Yartseva V.N. Linguistic Encyclopedic Dictionary. URL: https://tapemark.narod.ru/les/ (date of access: 19.04.2024).
14. Baugh A.C. A history of the English language. New Jersey: Prentice Hall, 2016. 447 p.

15. Trips C. From OV to VO in Early Middle English. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2015. 351 p.
16. Rissanen M. Early English in the Computer Age: Explorations Through the Helsinki Corpus. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1993. 294 p.
17. Freidin R. Foundations of Generative Syntax. Cambridge: MIT Press, 1992. 368 p.
18. Clean up the toxicity that influences our conversations on race, religion, culture'. URL: https://www.theborneopost.com/2022/09/15/clean-up-the-toxicity-that-influences-our-conversations-on-race-religion-culture/
19. Hinterholzl R. Information Structure and Language Change: New Approaches to Word Order Variation in Germanic. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 391 p.
20. Kroch A., Taylor A. Verb-Object in Early Middle English. URL: http://www.ling.upenn.edu/~kroch/online-frame.html (date of access: 19.04.2024).
21. Kanak-kanak lapan tahun miliki bakat luar biasa lukis potret. URL: https://www.thesundaily.my/home/kanak-kanak-lapan-tahun-miliki-bakat-luar-biasa-lukis-potret-XL9904356
22. Masa wants better facilities for special needs community. URL: https://www.theborneopost.com/2019/05/08/masa-wants-better-facilities-for-special-needs-communit
23. P00820. Borneo Post Online. Sarawak. September 4, 2022. URL: https://www.theborneopost.com/2012/09/12/penunggang-motosikal-maut-dalam-kemalangan-2/p00820
24. Review removal of Cabotage Policy. Masa. Borneo Post Online. URL: https://www.theborneopost.com/2018/08/09/review-removal-of-cabotage-policy-masa
25. Praba Ganesan. Malaysian movies for Malaysia Day. URL: https://www.malaymail.com/news/opinion/2017/09/14/malaysian-movies-for-malaysia-day/1464449
26. Peter H. Lowenberg. English around the World (Sociolinguistic Perspectives). P. 364 – 375. URL: https://www.cambridge.org/core/books/abs/english-around-the-world/variation-in-Malaysian-english-the-pragmatics-of-languages-in-contact/24633F3B1B1FDFC4FD704F7E6B797A2A
27. Toxic tales: Political poisonings. URL: https://www.theborneopost.com/2018/03/06/toxic-tales-political-poisonings/
28. The Morall Fabillis of Esope the Phrygian. URL: http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=cme;cc=cme;view=toc;idno=HenFabl (access date: 04/19/2024).
29. 284 summonses issued during Ops Motosikal. Borneo Post Online. URL: https://www.theborneopost.com/2019/02/10/284-summonses-issued-during-ops-motosikal

Информация об авторах

Ройс Е.В., *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», roys.elizaveta@gmail.com*

© Ройс Е.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1.

[1] Абусаламова Д.А., [1] Муртузалиева Е.А. ***[1] Дагестанский государственный университет***

«Мысль семейная» в драме Л.Н. Толстого «Власть тьмы»

Аннотация: *в статье исследуется тема семьи в драме Льва Толстого «Власть тьмы» в разных ее аспектах и в неразрывной связи с социальной и религиозно-нравственной проблематикой. Рассматриваются такие уродливые явления, как прелюбодеяние, брак по денежному расчету, супружеская измена, мужеубийство, детоубийство. Определяется влияние на семейный кризис персонажей драмы разных факторов – воспитания, богатства и бедности, религиозности, злоупотребления алкоголем. На примере разных семей автор анализирует этапы возникновения и крушения семьи, начиная с добрачных отношений, сватовства и свадьбы до преступления и развала семьи. Исследуется и такой аспект семьи, как отношения отцов и детей, утрата преемственности, взаимопонимания поколений. Особое внимание уделяется положению женщины в крестьянской семье в пореформенный период, гендерным ролям мужчины и женщины в патриархальной семье и в семье, утратившей многовековые традиционные ценности. Определяется позиция Толстого «по женскому вопросу», в вопросе о просвещении и образовании женщин.*

Ключевые слова: *«мысль семейная», Л.Н. Толстой, драма, «Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть», народная драма, семья, женский вопрос*

Для цитирования: Абусаламова Д.А., Муртузалиева Е.А. «Мысль семейная» в драме Л.Н. Толстого «Власть тьмы» // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 102 – 107.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Abusalamova D.A., [1] Murtuzalieva E.A. ***[1] Dagestan State University***

«Family Thought» in L.N. Tolstoy's drama «The Power of Darkness»

Abstract: *the article examines the theme of family in Leo Tolstoy's drama "The Power of Darkness" in its various aspects and inextricably linked with social and religious-moral issues. Such ugly phenomena as adultery, marriage for money, adultery, husbandicide, infanticide are considered. The influence of various factors on the family crisis of the characters in the drama is determined – upbringing, wealth and poverty, religiosity, alcohol abuse. Using the example of different families, the author analyzes the stages of the emergence and collapse of the family, starting with premarital relations, matchmaking and wedding to crime and family breakdown. Such an aspect of the family as the relationship between fathers and children, the loss of continuity, mutual understanding between generations is also examined. Particular attention is paid to the position of women in a peasant family in the post-reform period, the gender roles of men and women in a patriarchal family and in a family that has lost centuries-old traditional values. Tolstoy's position on the "women's question" is defined, in the question of enlightenment and education of women.*

Keywords: *"family thought", L.N. Tolstoy, drama, "The Power of Darkness, or When the Claw Got Stuck, the Whole Bird Is Lost", folk drama, family, women's issue*

For citation: Abusalamova D.A., Murtuzalieva E.A. «Family Thought» in L.N. Tolstoy's drama «The Power of Darkness». Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 102 – 107.

The article was submitted: October 28, 2024; Approved after reviewing: November 09, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что проблемы, связанные с семьей, в современном российском обществе стоят так же остро, как в толстовское время. С одной стороны, наблюдается тенденция возврата к традиционным ценностям, с другой – идет противоположный процесс распада института семьи, роста семейного насилия и бытовых преступлений.

Тема семьи проходит через все творчество Толстого, начиная с его романа «Семейное счастие» и кончая «поздними» повестями. Софья Андреевна Толстая, жена писателя, записала в своем дневнике слова Толстого, что в «Войне и мире» он любил «мысль народную», в «Анне Карениной» – «мысль семейную». В отличие от романа «Анна Каренина», где изображены дворянские семьи, в драме «Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть» (1886) Толстой описывает семьи крестьян в пореформенный период. Здесь мысль семейная и мысль народная неразрывно переплетены.

Пьеса Толстого вызвала противоречивые оценки критиков. Многим она не понравилась в силу грубого реализма, натурализма сцен. По-разному трактовали исследователи образ тьмы в пьесе. И. Анненский в своей «Книге отражений» писал, что тьма – это все, в ком нет бога (1). Слишком упрощенное толкование власти тьмы как власти денег дано в социологизированной статье С. Дурылина [5]. М.М. Бахтин [2], Н.А. Казакова [7] считают, что для Толстого «тьма» – понятие духовно-нравственное. А. Зверев и В. Туниманов понимают тьму как темные инстинкты: «Власть диких, слепых, звериных инстинктов над человеком, не находящим в себе сил для противостояния, потому что тьма эта наступает на него не только из внешнего мира, но и из внутреннего, захваченного в плен дьяволом» [6, с. 156].

Цель нашего исследования – выявить и проанализировать идейное содержание и образное воплощение темы семьи в драме Л. Толстого «Власть тьмы». В связи с этим основные задачи работы: 1) исследовать проблематику и идейное содержание пьесы; 2) рассмотреть внешний и внутренний конфликты драмы в их взаимосвязи и развитии; 3) провести критический анализ изображенных в пьесе семей; 4) выявить причины неблагополучия в семьях Петра и Никиты; 5) охарактеризовать взгляды Толстого на «женский вопрос».

Материалы и методы исследований

Материалом исследования стала драма Л.Н. Толстого «Власть тьмы». В работе использовались биографический, генетический, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-типологический методы, а также мотивный анализ.

Результаты и обсуждения

«Власть тьмы» – социально-бытовая, психологическая и религиозная драма. С. Шульц считает ее «мистерией», так как драма содержит «главенствующий мотив победы индивидуальной духовности над миром зла и тьмы». Пьеса написана Л.Н. Толстым в 1886 г. для народного театра, но была запрещена для постановки (запрет отменили только в 1895 г.), продажа печатной версии тоже имела ограничения: нельзя было продавать в местах массового скопления людей.

Драма основана на реальных событиях. Давний знакомый Толстого, тульский прокурор Н.В. Давыдов еще в 1880 году рассказал Льву Николаевичу о преступлении, совершенном неподалеку от Ясной Поляны в семье Колосковых. В реальности история была еще более зловещей: преступник не просто вступил в связь с падчерицей, – он насиловал ее, а в момент признания в преступлении покушался и на жизнь своей 6-летней дочки – ударил ее колом по голове, чтобы она не осталась сиротой после ареста родителей.

Внебрачные отношения, по Толстому, – большой грех, прелюбодеяние. Эта мысль подчёркивается тем, что вынесена в библейский эпиграф драмы, взятый из Библии: «А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну». То, что корнем цепи преступлений в пьесе писатель считал прелюбодеяние, подтверждается и фразой из письма Толстого В.Г. Черткову от 4 ноября 1886 г.: «Чем я занят? – Написал драму на прелюбодеяние. Кажется, хорошо» [9, с. 410-411].

Первая часть заглавия тоже взята из Евангелия: «Но теперь – ваше время и власть тьмы». Это слова Христа пришедшим за ним стражникам. Вторая часть заглавия – «Коготок увяз, всей птичке пропасть» – народная пословица, извлечена из реплики Никиты в конце V действия.

Нравственные проблемы семьи в значительной степени связаны с социальной ситуацией – расслоением крестьянства, возрастанием влияния города с его коммерческими банками, юристами (Матрена консультировалась у Ивана Мосеича, как лучше провернуть дело), товарно-денежными отношениями и трактирами.

Драматург противопоставляет патриархального крестьянина новому типу деклассированного мужика, уже попавшего под влияние города, буржуазных ценностей. Хотя место действия – деревня, дом и двор Петра, реплики о городе есть в диалогах персонажей и ремарках (Никита ездил в город снять деньги со счета в банке, в городе осталась жена Митрича, которая, как рассказывает ее муж, ходит по кабакам).

К. Ломунов видит символически-обобщающий смысл в гибели Петра: «Смерть хозяйственного, богобоязненного, «обстоятельного» Петра, разрушение его семьи, его хозяйства приобретает значение символическое: гибнет патриархальная деревня, рушатся её «устои» [8].

Мотив любви и мотив денег переплетены в драме и составляют внешнюю основу сюжета («внутренний сюжет» определяет прозрение и проснувшаяся совесть Никиты).

Толстой отразил в драме разные типы любви и брака. Здесь несколько «любовных» сюжетных линий, связанных с деревенским донжуаном Никитой: Никита и Марина, Никита и Анисья, Никита и Акулина. Представлены разные типы любви от девичьей влюбленности Марины до тёмной греховной страсти Анисьи. Изображено в пьесе и несколько «законных» семей: Петра и Анисьи, Акима и Матрены, Никиты и Анисьи.

Любовь Никиты к женщинам возникает легко и не накладывает на него обязательств. Мать снисходительна к его слабости, только отец Аким, требуя жениться на соблазненной кухарке Марине, предупреждает, что грех за грех цепляется, и слезы девушки «аукнутся» ему.

Все, что должно быть прекрасно в таинстве любви и брака, в семье Чиликиных извращено, поругано. Цинично бросает Никита соблазненную им бесприданницу и сироту Марину ради денег Анисьи. Но не может быть счастья в семье, основанной на предательстве, на греховной, преступной страсти, показывает Толстой. Никита вступает в связь с падчерицей Анисьи, а жену третирует.

Безобразна сцена сватовства Акулины, которая даже не вышла к сватам, так как она беременна от связи с Никитой и вот-вот родит. Сватов напоили и обманули, что девушка больна. «Спихнём девку без греха. Останется сынок жить спокойно. Дом, слава богу, полная чаша» [9, с. 209], – говорит Матрёна. Потрясает цинизмом и свадьба Акулины: Никита выдает замуж свою падчерицу, с которой он сожительствовал и младенца которой он убил.

Даже материнская любовь в силу власти денег принимает чудовищные формы: когда Матрена дает Анисье ядовитые порошки для отравления мужа, когда заставляет сына задушить собственного ребенка, ею руководит желание лучшей жизни ее «роженому сыночку» Никите.

Крестьянин Пётр стал богатым благодаря своему труду. Он взял работника только когда заболел, тогда как Никита, став хозяином, нанял в работники старика Митрича из лени и нежелания работать.

Петр – единственный, кто беспокоится о доме, дает указания по хозяйству. Труд, как показывает Толстой, – основа благосостояния крестьянина. Но в доме Петра нет любви и взаимоуважения, постоянно звучит грубая брань в устах женщин. Анисья – как сказано в афише пьесы, щеголиха, – ненавидит своего мужа, называют его «кобелём носастым» [9, с. 188]. Речь Акулины, Анисьи полна оскорблений, падчерица называет мачеху псом, дьяволом, «ведьмой толстомордой».

Нет согласия и в семье Акима и Матрёны, родителей Никиты. Аким – человек, живущий по совести, с пониманием греховности нечестно приобретённых денег, но он не авторитет ни для сына, ни для жены. В отношениях Матрены с мужем нет ни взаимного уважения, ни любви, ни согласия, ни благочестия.

Мысль семейная Толстого охватывает взаимоотношения не только между супругами, но и отношения родителей и детей.

Никита разговаривает со своим отцом без уважения, не слушается его, делает как хочет. Он говорит языком самодура Дикого из «Грозы» Островского: «Я хозяин. Что хочу, то и делаю. Её разлюбил, я тебя полюбил. Кого хочу, того люблю. Моя власть» [9, с. 198]. Отец Никиты Аким с обидой отмечает, что теперь такое обращение в порядке вещей: «Слыхал я нынче, что и отцов за бороды трясут, значит, да на погибель это, на погибель» [9, с. 197].

Погоду в доме Чиликиных делает властная Матрёна. Она хитра, алчна и коварна. Внешне соблюдая видимость «уважения», ни во что не ставит своего косноязычного мужа и его мнение. Именно она толкает сына и его любовницу на преступления. Это часть её коварного плана. Судя по советам, которые дает Матрёна Анисье, она хорошо набила руку на добывании снотворных и других порошков и снабжении ими баб, вполне возможно, она их подсыпала и своему мужу Акиму. Она и сыну намекает, что в случае чего и Анисью можно «того»: «Если случаем и похрапывать начнет или что, ей укороту можно сделать» [9, с. 168].

Как и в «Семейном счастии», «Анне Карениной», в «поздних» повестях Толстого, воплощением греховности и преступлений в драме становится именно женщина. Митрич, видящий все, что в доме происходит, в сердцах говорит Анютке: «А пакостницы же бабы эти! Мужиков похвалить нельзя, а уж бабы… Эти как звери лесные. Ничего не боятся» [9, с. 220].

Женские персонажи пьесы, и прежде всего старшие – Матрёна, Анисья, погрязли в корысти или в греховной страсти, во лжи и притворстве. Ни тени раскаяния нет в них. Нередко Толстого даже обвиняют в мизогинии, в женоненавистничестве. Действительно, в дневниках писателя немало такого рода записей: «Женщины рождают, воспитывают нас, дают наслаждение, потом начинают мучать, потом развращают и потом убивают» [9, с. 364]; «Ева соблазнила Адама, и всегда это так» [9, с. 6]. «Женщина восприимчивее мужчины, поэтому в века добродетели женщины были лучше нас, в теперешний же развратный, порочный век они хуже нас» [9, 32-33].

Младшее поколение женщин ещё не испорчено. Акулина, хоть и поддается соблазнам, в сцене покаяния Никиты берет его за руку и готова идти с ним. Самый светлый женский образ в драме, Анютка, мечтает умереть, чтоб «не испоганиться», как остальные бабы. Ближе к свету, чем тьме, и образ Марины, потерявшей «девичью честь», поверив обещаниям Никиты жениться. Пережив свое горе, пройдя через предательство, Марина вышла замуж, и видно, что муж уважает ее. После раскаяния Никиты девушка, хотя продолжает любить его, не поддается искушению, остается верна супружеской клятве.

До череды преступлений, на которые толкают Никиту мать и жена, грехи его – это обычные грешки бабника, который любит женщин «как сахар». Но паутина лжи и грехов опутывает безвольного Никиту все сильнее. Соблазнение сироты Марины запускает цепную реакцию греха. Но как человек слабый он перекладывает всю ответственность на других и много раз восклицает в ужасе: «Что они со мной сделали?!» Через всю драму проходит образ пут, сетей, плутания. «Запутляли вы меня» [9, с. 234], – несколько раз говорит Никита матери.

Изображает Толстой и такой аспект семейной жизни, как страдания детей по вине родителей. Так, персонаж далеко не худший, Митрич спокойно советует отдать ребенка Акулины в воспитательный дом – это более гуманно, чем убить его. А Анютке он рассказывает историю из своей солдатской жизни. В чужой далёкой стране в разорённой деревне нашли солдаты малютку, девочку, сначала хотели пришибить, но Митрич забрал её и заботился о ней, а потом жена офицера взяла её в дочери.

Отражена в пьесе и проблема пьянства. Добившись своей цели и приборов к рукам хозяйства Петра и став полновластным хозяином, Никита ведёт разгульный образ жизни, пьет, а после преступлений еще больше – чтобы залить вином тоску. Он живёт на проценты с положенных в банк денег умерщвленного Петра и приезжает домой пьяный, куражится, хвастается деньгами. Пьяницей и падший женщиной стала и жена Митрича, пока он был в солдатах. Митрич тоже иногда уходит в запой: «Зарёкся не пить. Не пью. Теперь запил – пью. И не боюсь никого» [9, с. 237].

В монологе Митрича ставится злободневный тогда вопрос о просвещении и воспитании женщин. Десятилетняя Анютка, видя и понимая все происходящее в семье, мечтает умереть: «До 10 годов все младенец, душа к Богу может ещё пойдёт, а то ведь изгадишься». Митрич ей отвечает: «Еще как изгадишься-то! Вашей сестре как не изгадиться? Кто вас учит? Чего ты увидишь? Чего услышишь? Только гнусность одну. Я хоть немного учен, а кое-что да знаю. Не твердо, а все не как деревенска баба. Деревенска баба что? Слякоть одна. Вашей сестры в России большие миллионы, а все, как кроты слепые, – ничего не знаете. Как коровью смерть опахивать, привороты всякие, да как под насест ребят носить к курам – это знают … Миллионов сколько баб вас да девок, а все, как звери лесные. Как выросла, так и помрет. Ничего не видала, ничего не слыхала. Мужик – тот хоть в кабаке, а то и в замке, случаем, али в солдатстве, как я, узнает кое-что. А баба что? Она не то что про бога, она и про пятницу-то не знает толком, какая такая. Пятница, пятница, а спроси какая, она и не знает. Так, как щенята слепые ползают, головами в навоз тычатся. Только и знают песни свои дурацкие: го-го, го-го. А что го-го, сами не знают…» [9, с. 221].

Так устами Митрича писатель высказал мысльло о том, что женщина может пасть намного ниже мужчины, потому что она забита, суеверна и темна. Просвещением крестьянской женщины никто не занимается. Толстой показал извращение созидательной по замыслу творца женской природы: жена, отравляющая своего мужа, мачеха, стремящаяся сбыть с рук мешающую падчерицу, мать, толкающая сына на убийство ребёнка – своего внука.

Толстой был противником эмансипации и равноправия женщин, но сознавал необходимость просвещения, образования женщин. И в дневниках он прямо писал об этом: «Ввиду того, что, вероятно, придется родить и потому меньше будет досуга, именно ввиду этого устраивать для них школы не хуже, но лучше мужских, чтобы они вперед набирали сил и знаний» [9, с. 143].

Драматург показывает и глубокие корни крушения семьи – утрата религиозной веры в людях. Немало в пьесе сцен поругания веры, которая заменена пустым ритуалом. Крестят перед убийством младенца, крестится на образа Матрёна, строя план отравления Петра, крестится Никита для подтверждения ложной клятвы, что не было ничего у него с Мариной. Только Аким всегда искренне говорит о Боге да душе.

Параллельно с нагнетанием внешних событий нарастает и внутренний кризис. Момент прозрения наступил для Никиты в день свадьбы Акулины. Муки совести и тоска заставляют Никиту уйти со свадьбы, он пытается на гумне совершить покушение на самоубийство: смерть кажется ему избавлением от мук совести. Не упрёки и проповеди отца, а слова пьяного Митрича о себе, что он не стыдится людей, побудили Никиту к раскаянию: он вернулся на свадьбу и прилюдно сознался в своем преступлении, попросил прощения.

Причины распада патриархальной семьи Толстой видит в разврате, невежестве, алчности, лени, погоне за лёгкими деньгами. Тьма по Толстому – это и власть денег, и невежество, но главное – отсутствие Бога в душе.

Символом нового века в драме становится «чугунка» – железная дорога, которая, как и в романе «Анна Каренина», образно отражает век буржуазных, циничных товарно-денежных отношений, век распада семьи, разрушения моральных устоев семьи.

Выводы

Л.Н. Толстой показал в драме-мистерии «Власть тьмы», что в железный век «чугунки» рушится традиционная семья – под натиском индивидуализма, денег, буржуазных ценностей комфорта, соблазнов красивой жизни, а главное – утраты веры. Извращены и поруганы в семье увязшего в грехах Никиты таинства любви и брака, рождения и смерти.

В художественной антропологии Толстого в человеке борются духовное и животное, и особенно остро проявляется эта борьба в любви – самой сильной из человеческих страстей. Концепция человека Толстого созвучна с идеями Жанна Жака Руссо о первородной чистоте человека, который постепенно под влиянием среды развращается, становится греховным. Но и в самом падшем человеке, в самой гуще тьмы может засиять свет совести. Толстой верит в возможность возрождения даже после такого чудовищного падения, какое пережил Никита Чиликин.

Список источников

1. Анненский И. Книги отражений. М.: Наука, 1979. 680 с.
2. Бахтин М.М. Предисловие (драматические произведения Л. Толстого) // Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит, 1986. С. 90 – 99.
3. Ганношина О.В. Формирование мысли семейной в творчестве Л.Н. Толстого // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации: материалы симпозиума в рамках XIX (LI) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Кемерово, 2024. С. 108 – 111.
4. Дергунова Н.Г. Символика в драме Л. Толстого «Власть тьмы» // Традиции в русской литературе. Нижний Новгород, 2011. С. 91 – 96.
5. Дурылин С.Н. Драма Л.Н. Толстого «Власть тьмы» // Творчество Л.Н. Толстого. М., 1959. С. 315 – 359.
6. Зверев А., Туниманов В. Лев Толстой (ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 2006. 784 с.
7. Казакова Н.А. Народная драма Л.Н. Толстого «Власть тьмы» (мистерия XIX века) // Анализ драматического произведения. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. С. 301 – 313.
8. Ломунов К. Драматургия Л.Н. Толстого. М.: Искусство, 1956. 468 с.
9. Миронова Г.С. «Власть тьмы» Л.Н. Толстого: к проблеме жанрового синтеза // Толстой в сознании человека цифровой эпохи: материалы XXXVIII Международных Толстовских чтений, посвященных 194-летию со дня рождения писателя / под ред. Д.А. Романова. Тула, 2022. С. 93 – 96.
10. Сотникова О.И., Васильева Л.В. Крестьянская тема в пьесах Л.Н. Толстого // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 65-4. С. 47 – 49.
11. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1928-1958.
12. Шилин А.М., Шилина С.А. Репрезентация лексемы «власть» в художественном тексте (по пьесе Л.Н. Толстого «Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть» / отв. ред. В.В. Никульцева // Текст в культурном, языковом, социальном пространстве. Сборник научных статей. М.: Издательство МФЮА, 2021. С. 149 – 159.
13. Шульц С.А. Символический подтекст в пьесе Л.Н. Толстого «Власть тьмы» // Вестн. Моск. ун. Сер. 9, Филология. М., 2001. № 5. С. 14 – 25.
14. Шульц С.А. Драматургия Л.Н. Толстого как пограничный феномен // Русская литература. 2000. № 1. С. 21 – 40.

References

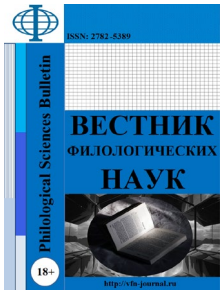
1. Annensky I. Books of Reflections. Moscow: Nauka, 1979. 680 p.
2. Bakhtin M.M. Preface (dramatic works of L. Tolstoy). Literary-critical articles. Moscow: Art. lit., 1986. P. 90 – 99.
3. Gannoshina O.V. Formation of family thought in the works of L.N. Tolstoy. Philology, foreign languages and media communications: materials of the symposium within the framework of the XIX (LI) International scientific conference of students, graduate students and young scientists. Kemerovo, 2024. P. 108 – 111.
4. Dergunova N.G. Symbolism in L. Tolstoy's drama "The Power of Darkness". Traditions in Russian literature. Nizhny Novgorod, 2011. P. 91 – 96.
5. Durylin S.N. Drama by L.N. Tolstoy “The Power of Darkness”. Works of L.N. Tolstoy. Moscow, 1959. P. 315 – 359.
6. Zverev A., Tunimanov V. Lev Tolstoy (ZhZL). Moscow: Molodaya Gvardiya, 2006. 784 p.
7. Kazakova N.A. Folk drama by L.N. Tolstoy “The Power of Darkness” (mystery of the 19th century). Analysis of the dramatic work. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1988. P. 301 – 313.
8. Lomunov K. Drama by L.N. Tolstoy. Moscow: Iskusstvo, 1956. 468 p.
9. Mironova G.S. "The Power of Darkness" by L.N. Tolstoy: on the Problem of Genre Synthesis. Tolstoy in the Consciousness of a Person of the Digital Age: Proceedings of the XXXVIII International Tolstoy Readings Dedicated to the 194th Anniversary of the Writer's Birth. Edited by D.A. Romanov. Tula, 2022. P. 93 – 96.
10. Sotnikova O.I., Vasilyeva L.V. The Peasant Theme in the Plays of L.N. Tolstoy. Trends in the Development of Science and Education. 2020. No. 65-4. P. 47 – 49.
11. Tolstoy L.N. Complete Works: in 90 vol. Moscow: Fiction, 1928-1958.
12. Shilin A.M., Shilina S.A. Representation of the lexeme “power” in a fiction text (based on the play by L.N. Tolstoy “The Power of Darkness, or The Claw Is Stuck, the Whole Bird Is Lost”. Ed. by V.V. Nikul’tseva // Text in the cultural, linguistic, social space. Collection of scientific articles. Moscow: Publishing House of Moscow Financial and Law Academy, 2021. P. 149 – 159.
13. Shultz S.A. Symbolic subtext in L.N. Tolstoy’s play “The Power of Darkness”. Vestn. Moscow University. Series 9, Philology. Moscow, 2001. No. 5. P. 14 – 25.
14. Shultz S.A. L.N. Tolstoy’s dramaturgy as a borderline phenomenon. Russian Literature. 2000. No. 1. P. 21 – 40.

Информация об авторах

Абусаламова Д.А., *Дагестанский государственный университет, abusalamova99@mail.ru*

Муртузалиева Е.А., *кандидат филолологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет*

© Абусаламова Д.А., Муртузалиева Е.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. «Русская литература и литература народов Российской Федерации» (филологические науки)
УДК 82-94

[1] ***Верещагина К.А.*** [1] ***Тихоокеанский государственный университет***

Разрушение образа «злого японца» на страницах «Записок в плену у японцев…» В.М. Головнина

Аннотация: *в данной статье рассматривается воплощение «положительного образа японца» на страницах «Записок в плену у японцев…» В.М. Головнина. В статье проводится мысль, что В.М. Головнин, объективно отразивший в своем произведении опыт знакомства с японской культурой в период своего двухлетнего (1811 – 1813) пленения и создавший позитивный образ чужой страны, тем самым вступил в полемику со сложившимся в европейском историко-культурном контексте стереотипом о «злом японце». В статье прослеживаются ключевые позиции, составляющие у Головнина «положительный образ» Японии: 1) отношение японцев к чужой религии (Головнин оспаривает представление о японцах как о «гонителях чужих вер»), 2) взгляд на культурные традиции Японии (в противовес мнению о «варварстве» народа). В статье сделаны наблюдения над особенностями художественной организации повествования: показано, что представления о Японии в книге не только составляют проблемно-тематический уровень произведения, но и организуют художественное пространство текста, влияет на сюжетно-фабульную и образно-мотивную организацию, проходит лейтмотивом через все повествована. В статье уделено внимание и образу автобиографического героя, соединившего в своем мировоззрении ценности христианства и эпохи Просвещения; проводится мысль о том, что образ «русского пленника», сохраняющего в трудных условиях «человеческое» отношение к своим врагам, строится в парадигме гуманистических традиций русской классической литературы.*

Цель представленной работы – формирование представления о системе нравственных ценностей, нашедших воплощение в мемуарно-путевой прозе В.М. Головнина.

Новизна работы обусловлена отсутствием литературоведческих исследований в области творчества Головнина.

Ключевые слова: *образ Японии, В.М. Головнин, документально-художественное повествование, религиозные традиции в литературе, этнический стереотип*

Для цитирования: Верещагина К.А. Разрушение образа «злого японца» на страницах «Записок в плену у японцев…» В.М. Головнина // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 108 – 114.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] ***Vereshchagina K.A.*** [1] ***Pacific National University***

Destruction of the image of the "Evil Japanese" on the pages of "Memoirs of a captivity in Japan..." by V.M. Golovnin

Abstract: *this article examines the embodiment of the "positive image of the Japanese" on the pages of "Memoirs of a captivity in Japan..." by V.M. Golovnin. The article suggests that V.M. Golovnin, who objectively*

reflected in his work the experience of getting to know Japanese culture during his two-year (1811-1813) captivity and created a positive image of a foreign country, thereby entered into polemics with the stereotype of the "evil Japanese" that had developed in the European historical and cultural context. The article traces the key positions that make up Golovnin's "positive image" of Japan: 1) the attitude of the Japanese to a foreign religion (Golovnin challenges the idea of the Japanese as "persecutors of foreign faiths"), 2) a view of the cultural traditions of Japan (as opposed to the opinion of the "barbarism" of the people).The article makes observations on the features of the artistic organization of the narrative: it is shown that the ideas about Japan in the book not only constitute the problematic-thematic level of the work, but also organize the artistic space of the text, influence the plot-plot and figurative-motivic organization, and run as a leitmotif through the entire narrative. The article also pays attention to the image of the autobiographical hero, who combined the values of Christianity and the Enlightenment in his worldview; the idea is put forward that the image of the "Russian captive", who maintains a "human" attitude towards his enemies in difficult conditions, is built in the paradigm of the humanistic traditions of Russian classical literature.

The purpose of the presented work is to form an idea of the system of moral values embodied in the memoir-travel prose of V.M. Golovnin.

The novelty of the work is due to the lack of literary studies in the field of Golovnin's work.

Keywords: *image of Japan, V.M. Golovnin, documentary-artistic narration, religious traditions in literature, ethnic stereotype*

For citation: Vereshchagina K.A. Destruction of the Image of the "Evil Japanese" on the Pages of " Memoirs of a captivity in Japan..." by V.M. Golovnin. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 108 – 114.

The article was submitted: October 28, 2024; Approved after reviewing: November 09, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Япония впервые столкнулась с европейцами на пороге Нового времени. Находясь на границе известного мира, она неожиданно стала точкой притяжения для западных держав. Интерес европейцев был обусловлен экономическими, исследовательскими и религиозными факторами – торговля с Японией, обладающей уникальными ресурсами, обещала большую прибыль, многочисленное народонаселение – честную и трудолюбивую паству, а уникальная культура и природа – масштабные открытия для исследователя. Введение политики изоляции в середине XVII века лишь подстегнуло интерес к стране Восходящего солнца.

К концу XVIII века к списку этих держав добавилась и Российская империя – ее границы вплотную подошли к рубежам северной Японии.

Япония стала местом межкультурного диалога различных цивилизаций. В данном случае к ее пространству можно применить активно разрабатывающиеся в современном литературоведении определение «фронтир», которое в данном случае будет рассматриваться не как географическая граница, а как «контактная, диалоговая зона встреч различных культур» [14, с. 267].

Однако межкультурный контакт в этих условиях отягощался сложностями в установлении межкультурной коммуникации, нежеланием Японии взаимодействовать с западными державами.

В данной работе мы рассматриваем положительный опыт межкультурного контакта, отраженный в мемуарно-путевом сочинении В.М. Головнина «Записки в плену у японцев» (1816 г.) [2].

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения литературы об опыте межкультурных контактов в период освоении российского дальневосточного порубежья, в частности трудов В.М. Головнина.

В современном литературоведении проблемой восприятия другой нации в художественных и документально-художественных произведениях занимается филологическая имагология. Среди значимых имен в этой сфере научной деятельности можно привести имена Е.В. Папиловой, О.А. Поляковой, О.Ю. Полякова [11-13]. Вопросом описания Японии в трудах европейцев занимались А.И. Карпова, М.Г. Носов, О.В. Волосюк [1, 6, 10]. Специфику межкультурного взаимодействия на фронтире рассматривали А.П. Романова, А.А. Забияко [3, 4, 14].

Предметом исследование являются мотивы, с помощью которых В.М. Головнин создает в «Записках» образ добропорядочного японца и опровергает стереотип, сложившийся в европейской культуре.

Материалы и методы исследований

Материалом для данного исследования послужили «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев» (1816 г.) Василия Михайловича Головнина [2], помимо данной работы использовались труды европейских и русских исследователей XVII–XIX в. о Японии.

Методы исследования – культурно-исторический, сравнительный, метод литературоведческого анализа.

Результаты и обсуждения

Общеизвестно, что большую часть Нового времени Япония придерживалась политики изоляции, исключающую пребывание на японской земле иностранцев. Тем не менее, на начало XIX столетия целый ряд исследователей посетили эту закрытую от всего остального мира страну.

Первые сведения о Японии и характере японцев можно обнаружить еще в середине XVI века, появляются они в письмах испанских иезуитов, осуществлявших на Японском архипелаге миссионерскую деятельность. Франциск Ксавьерий (1506–1551), Косме де Торрес (1510–1570) оставили после себя обширное эпистолярное наследие. В этих письмах-отчетах характер японцев преимущественно анализируется со стороны христианских добродетелей. С одной стороны, отмечается их честность, добродушие и «склонность к тому, чтобы взращивать в них веру в Иисуса Христа» (цит. по О.А. Волосюк) [1, с. 511], с другой – спокойное отношение к «величайшим и омерзительнейшим из грехов» [7, с. 238].

В XVIII веке большой вклад в изучение Японии внесли труды немца Энгельберта Кемпфера («История Японии и Сиама», 1727) [15] и шведа Карла Тунберга («Путешествие К.П. Тунберга в Японию через мыс Доброй Надежды, острова Сунда и т.д.», 1796) [16], которые в разное время занимали должность врача в Голландской Ост-Индской компании.

В них авторы представили обширную информацию об истории, культуре, географии, климате этой страны, нравах и быте жителей этой страны, но сфера их наблюдения была ограничена городом Нагасаки, так как свободно передвигаться по Японии они не могли [6, с. 4].

На рубеже XVIII–XIX столетия в Японии с посольской миссией побывали российские исследователи Адам Эрикович Лаксман и Иван Федорович Крузенштерн. Сведения о своих путешествиях они представили в «Журнале посольства А. Лаксмана в Японию» (Лаксман совершил свое путешествие в 1793 году, но его «Журнал» публиковался лишь в пересказе, полностью был опубликован в 1972) [2] и «Путешествии вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах» (1806) [8].

В ряду остальных источников – писем миссионеров-иезуитов, описаний, составленных служащими Ост-Индской компании, трудов путешественников-исследователей обращают на себя внимание «Записки в плену у японцев» Василия Михайловича Головнина [2].

Как следует из заглавия в отличии от предыдущих исследователей Головнин оказался в Японии не по своей воле. Капитан шлюпа «Диана» и несколько членов его команды попали в плен к японцам при описании Курильских островов в 1811 году. По возвращении в Российскую империю Головнин издал «Записки в плену у японцев», в которых отразил как и свои приключения во время двухлетнего пребывания в Японии (1 и 2 том), так и масштабное описание японского быта, нравов и обычаев (3 том).

Мы предполагаем, что «Записки» отличаются не только фактической новизной сведений, но и новым восприятием Японии и японцев. Речь здесь идет не просто о представлении положительных качеств японцев (так или иначе многие исследователи восхищались жителями страны Восходящего Солнца, например, в трудах Тунберга Япония идеализировалась, что указывало на недостатки современного ему европейского общества) [6, с. 4]. На страницах «Записок» Головнин обозначил стереотип «злого японца» и планомерно разрушил его с помощью нескольких мотивов, проходящих сквозь весь текст, а также подкрепил наблюдения примерами из своей жизни в Японии.

Так, в начале третьего том Головнин сообщает читателю о несостоятельности образа «злого японца» сложившегося в европейской культуре рубежа веков: «Наконец, уверенность европейцев в мнимых гнусных свойствах японцев до того простирается, что даже в пословицу вошли выражения "японская злость", "японское коварство" и прочее…» [2, с. 302].

Истоки данного стереотипа автор видит в клевете католических миссионеров, которые «представили японцев перед глазами европейцев народом хитрым, вероломным, неблагодарным, мстительным, словом, описали их такими красками, что твари гнуснее и опаснее японца едва ли и вообразить себе можно».

Головнин акцентирует внимание читателя, что намеренно пытается разрушить представление о «злом японце»: «Описание моих приключений, в первых частях сей книги заключающееся, содержит, кажется, слишком убедительные доводы, что японцы совсем не таковы, каковыми их представляют себе просвещенные жители Европы» [2, с. 302-303].

Французский литературовед Даниэль-Анри Пажо говорит о том, что при анализе национального образа, воплощенного в литературном произведении, важно проводить «статистический анализ, который позволил бы «составить основные лексические системы, словарные созвездия», способствующие определению смысловых стержней текста. Для имаголога важны повторяемость в выборе словаря, лексика, используемая для характеристики персонажей… <…>» (цит. по О.Ю. Полякову) [13, с. 183].

Автор раскрывает свой опыт в различных ситуациях общения с японцами: в эпизодах взаимодействия с японскими охранниками, переводчиками, чиновниками, губернатором Мацумаэ, простыми жителями города; также через описание японских нравов и обычаев (третий том книги). Анализ сочинения Головнина в аспекте создания в нем «нового» образа Японии и японцев позволяет выделить ключевые направления, по которым идет формирование авторского опыта межкультурной коммуникации.

Перечислим их:

1) разрушение стереотипа о японцах, как о гонителях чужих вер, подтверждение их веротерпимости;

2) выявление у японцев христианских (общечеловеческих) добродетелей, таким как милосердие, способность к сопереживанию;

3) представление японцев просвещенным народом, находящимся на высоком уровне научного и культурного развития;

4) «развенчивание» мифа об «экзотичности» Японии.

Данные темы раскрываются в сюжетно-фабульной, «беллетристической» и в «научно-этнографической» частях книги (1-3 тома). При этом отражаясь не только на проблемном и тематическом уровнях текста, но и на образно-мотивной организации текста.

Японские исследователи, в частности Икута Митико, указывают, что в Европе была распространена идея об особой «природной» ненависти японцев к христианам [5, с. 112]. В соответствии с этим в первую очередь Головнин пытается развенчать представление о японцах как о гонителях чужих вер.

Так политику изоляции Японии он объясняет действиями самих иезуитов. Текст в этих фрагментах насыщен экспрессивной лексикой, риторическими вопросами: «Бесчестные поступки и алчность вышеупомянутых католических проповедников и португальских купцов возродили в японском правительстве столь великую ненависть к христианской религии и ко всем христианам…<…>» [2, с. 302]; «если взять в рассуждение, что такое покушение наглых лицемеров, нарушив общее спокойствие целого народа, произвело в оном кровопролитную междоусобную войну, то можно ли обвинять японцев в тех жестокостях, с каковыми гнали они христиан?».

Необходимо отметить, что подобная мысль высказывалась и раньше, например, автором объемного труда 1784 г. «О состоянии Асии и новейших переменах Китая, Японии, Персии и Мунгалии в последнее время» французским церковным деятелем и историком Клодом-Франсуа-Ксавье Милло [9]. Однако Милло никогда не был в Японии, а Головнин подтверждает свои высказывания практическими наблюдениями.

Так посредством эпизода, в котором тюремщики (люди высокого ранга по японским меркам) моются той водой, которую использовали до этого пленники, Головнин доказывает, что японцы не испытывают физиологического неприязни к христианам: «Японцы не имеют отвращения к христианам, которых многие другие азиатцы считают существами погаными» [2, с. 114].

Подтверждая свою мысль о религиозной терпимости японцев, Головнин указывает на исключительную синкретичность японской религии: «японцы не могут называться гонителями чужих вер; доказательством тому служат различные секты, в их собственном государстве исповедуемые» [2, с. 222].

Через соответствующую лексику «не причиняют никакого беспокойства», «право держаться той (веры), которой угодно» Япония даже идеализируется, представая прекрасным местом, где представители разных сект и вер спокойно уживаются друг с другом: «Несмотря на различие вер и сект, исповедуемых в Японии, они не причиняют ни правительству, ни в обществе никакого беспокойства; всякий гражданин имеет право держаться той, которой угодно, и переменять веру столько раз, сколько хочет <…>. В Японии нередко случается, что члены одного семейства принадлежат к разным сектам, и от сего несходства в вере ссор никогда не бывает <…>» [2, с. 315].

Миссионеры-иезуиты оценивали японцев прежде всего соответствие христианским добродетелям, Головнин продолжает эту традицию. В главе о японском характере он перечисляет многочисленные добродетели японцев, такие как честность, вежливость, гостеприимство, трудолюбие, с которыми смог ознакомиться на практике.

Но большего внимания заслуживает та часть главы, в которой рассматриваются отрицательные черты японского характера. Описывая их, Головнин всегда находит схожий недостаток среди европейцев, лишая японцев уникальности в проявлении этого порока и одновременно напоминая просвещенным европейским

читателям о собственных недостатках: «В японцах теперь недостает только одного качества, включаемого нами в число добродетелей: я разумею то, что мы называем отважностью <…>. Теперь есть в Европе народы, которых я назвать не хочу, прославившиеся своей трусостью…» [2, с. 303]; «Мстительность также в прежние времена могла быть поставлена в число пороков, более свойственных японцам. <…> А где же нет своих дурачеств?» [2, с. 305].

Наиболее часто упоминаемой добродетелью японцев в «Записках» становится милосердие и сострадание, что связано с обстоятельствами пленения. Мотив японского милосердия проходит через весь текст «Записок», но особенно ярко проявляется в первых главах первого тома, в которых Головнин описывает первые напряженные дни в Японии.

Так простые жители Хоккайдо способны на глубокое сочувствие пленникам, подчеркивается искренность их переживаний и отсутствие ненависти: «Зрители были весьма скромны, я нарочно примечал, с каким видом они на нас смотрят, но не заметил ни у кого из них на лице ка кого-либо сурового вида, или показывающего презрение, или ненависть к нам; а чтобы делать какие обиды или насмешки, то и похожего на это не было» [2, с. 95]; «старик <…> жалел о нас непритворно» [2, с. 78], «все вообще смотрели на нас с соболезнованием и даже с видом непритворной жалости, особливо женщины» [2, с. 86].

В другом месте рассказывается, как к окну тюрьмы русских пленников подходит мужчина «простого состояния» и дает капитану сквозь прутья решетки два маленьких сладких пирожка. Головнин отмечает и бедность своего благодетеля, и риск, на который он идет: Практическое значение подарка минимально - «Мне тогда всякая пища была противна, но, чтобы не огорчить его, я с некоторым усилием проглотил пирожки» [2, с. 96], нравственный потенциал эпизода заключается именно в проявлении эмоциональной поддержки.

Конвойные также с участием относятся к своим пленникам – дарят подарки, готовят знакомую еду, успокаивают скорым возвращением на Родину.

Проявление сострадания важно еще и тем, что меняет отношение Головнина к японцам еще до благополучного возвращения домой – «Мы стали о японцах лучше мыслить и не считать их совершенными варварами, презирающими европейцев как каких-нибудь животных» [2, с. 78].

Следующим качеством «злого японца», которое разоблачает Головнин, становится невежество. Просвещение, господствующий тип общественного сознания в XVIII веке строилось на признании великой силы человеческого разума. В данной ценностной парадигме особенно важным становится представление японцев как нации, находящейся на высоком уровне развития.

Головнин многократно называет японцев просвещенными: «Что касается до народного просвещения в Японии, <…> то, по моему мнению, японцы суть самый просвещенный народ во всей Подсолнечной» [2, с. 305], демонстрирует всеобщую грамотность: «В Японии нет человека, впрочем, какого бы низкого состояния он ни был, который не умел бы писать сим способом (японской слоговой азбукой – прим. К.А.)» [2, с. 89].

Подтверждает свои наблюдения Головнин примерами общения с простыми японцами: «однажды простой их солдат, сидевший подле нас, взял в руки чайную чашку и, показывая на оную, спросил у меня: знаем ли мы, что Земля наша кругла и что Европа в рассуждении Японии находится в таком-то положении, причем означил он места их на чашке довольно точно» [2, с. 306].

В четвертом и последнем случае автор разоблачает совершенно экзотичные представления о Японии, как о месте, где не действуют привычные законы бытия и нет привычных вещей, существующих во всем остальном мире.

В качестве примера можно привести эпизод, в котором Головнин вступает в полемику с европейскими исследователями Японии по поводу кошек: «хотя один писатель о Японии и говорит, будто японские кошки не ловят мышей. Это несправедливо; если бы сие было правда, то в таком случае природа в Японии отступила бы от своих законов…» [2, с. 354]. Как и в других случаях, тезис подтверждается примером из жизни: «притом мы опытом знаем несправедливость сего заключения: «бывший у нас японский кот отправлял свое ремесло с великим искусством».

Но данный эпизод важен прежде всего тем, что на его примере Головнин иллюстрирует искажение, которому подвергается образ Японии и японцев в европейской рецепции: «Итак, когда прежние европейские писатели хотели иногда даже и животных японских лишить тех наклонностей, которые сам Творец природы поселил в них, то мудрено ли, что самих японцев они часто представляли не тем, что они в самом деле?» [2, с. 355].

Выводы

По мнению В.М. Головнина в европейской культуре начала XIX века сложился стереотип о Японии, который не соответствовал реальности. На страницах «Записок…» он старается последовательно оспорить усто-

явшееся мнение, используя опыт своего двухлетнего пребывания в японском плену. Мы считаем, что в данном случае возможно говорить о разрушении образа «злого японца», которое осуществляется Головниным через систему проблемно-тематической и мотивно-образной организации текста произведения.

Указанные мотивы отражают как ценностную ориентацию автора как человека своего времени (культ разума человека эпохи просвещения), так и исторический контекст (полемика с авторами предыдущих произведений о Японии) и создают новый, положительный образ японца. Облик жителя Японских островов рассматривается в ценностной парадигме просвещенного европейца начала XIX столетия и раскрывается как полностью соответствующий ее критериям (гуманизм, веротерпимость, милосердие, интеллектуальное развитие).

Список источников

1. Волосюк О.В. Япония в письмах испанских иезуитов второй половины XVI в.: Косме де Торрес // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 24 (710). С. 507 – 516.

2. Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. Хабаровск: Кн. изд., 1972. 528 с.

3. Забияко А.П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 6 – 36.

4. Забияко А.П. Русские и китайцы: встреча на рубеже культур // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. 2001. Вып. 4. С. 19 – 28.

5. Икута М. Образ Японии в России в период Эдо (XVII-XIX век) // Известия Восточного института ДГУ. 2005. № 9. С. 107 – 127.

6. Карпова А.И. Япония в эпоху Токугава в трудах европейских путешественников // StudArctic Forum. 2020. Т. 4. № 20. С. 24 – 28.

7. Ксавье Ф. Письмо в штаб-квартиру ордена // Книга японских обыкновений / сост. А.Н. Мещеряков. М., 1999. С. 233 – 250.

8. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804 и 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М.: Дрофа, 2007. 589 с.

9. Милло К.Ф.К. О состоянии Асии и новейших пременах Китая, Японии, Персии, и Мунгалии в последния времена. СПб.: Тип. г. Галченкова, 1784. 54 с.

10. Носов М.Г. Иезуиты открывают Японию для Европы (1542-1597) // Современная Европа. 2022. № 2 (109). С. 176 – 192.

11. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31 – 40.

12. Полякова О.А. Истоки отечественной имагологии // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2016. № 7. С. 156 – 163.

13. Поляков О.Ю. Принципы культурной имагологии Даниэля-Анри Пажо // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 181 – 184.

14. Романова А.П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтирных территориях // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). С. 266 – 271.

15. Kaempfer E. The History of Japan, Giving an Account of the Ancient and Present State and Government of that Empire; Of Its Temples, Palaces, Castles and other Buildings; Of Its Metals, Minerals, Trees, Plants. London, 1727. Vol. 1. 392 p.

16. Thunberg C.P. Voyages De C.P. Thunberg Au Japon, Par Le Cap De Bone-Espérance, Les Isles De La Sonde, &c. Paris: Dandré, 1796. 462 p.

References

1. Volosyuk O.V. Japan in the letters of Spanish Jesuits of the second half of the 16th century: Cosme de Torres. Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2014. No. 24 (710). P. 507 – 516.

2. Golovnin V.M. Notes of the fleet of captain Golovnin about his adventures in captivity by the Japanese in 1811, 1812 and 1813, with the addition of his comments on the Japanese state and people. Khabarovsk: Kn. ed., 1972. 528 p.

3. Zabiyako A.P. The abroad as a given of human existence. Questions of Philosophy. 2016. No. 11. P. 6 – 36.

4. Zabiyako A.P. Russians and Chinese: meeting at the border of cultures. Historical experience of development of the Far East. 2001. Iss. 4. P. 19 – 28.

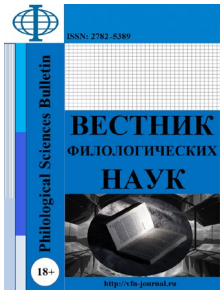
5. Ikuta M. The image of Japan in Russia in the Edo period (17th-19th centuries). Bulletin of the Oriental Institute of DSU. 2005. No. 9. P. 107 – 127.

6. Karpova A.I. Japan in the Tokugawa era in the works of European travelers. StudArctic Forum. 2020. Vol. 4. No. 20. P. 24 – 28.
7. Xavier F. Letter to the headquarters of the order. Book of Japanese customs. Compiled by A.N. Meshcheryakov. Moscow, 1999. P. 233 – 250.
8. Kruzenshtern I.F. Voyage around the world in 1803, 1804 and 1805 and 1806 on the ships "Nadezhda" and "Neva". Moscow: Drofa, 2007. 589 p.
9. Millo K.F.K. On the state of Asia and the latest changes in China, Japan, Persia, and Mongolia in recent times. St. Petersburg: Type. city of Galchenkova, 1784. 54 p.
10. Nosov M.G. The Jesuits discover Japan for Europe (1542-1597). Modern Europe. 2022. No. 2 (109). P. 176 – 192.
11. Papilova E.V. Imagology as a humanitarian discipline. Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov. Philological sciences. 2011. No. 4. P. 31 – 40.
12. Polyakova O.A. Origins of Russian Imagology. Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2016. No. 7. P. 156 – 163.
13. Polyakov O.Yu. Principles of Cultural Imagology of Daniel-Henri Pajot. Philology and Culture. 2013. No. 2 (32). P. 181 – 184.
14. Romanova A.P. Specifics of Intercultural Communications in Frontier Territories. Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2015. No. 3 (44). P. 266 – 271.
15. Kaempfer E. The History of Japan, Giving an Account of the Ancient and Present State and Government of that Empire; Of Its Temples, Palaces, Castles and other Buildings; Of Its Metals, Minerals, Trees, Plants. London, 1727. Vol. 1. 392 p.
16. Thunberg C.P. Voyages De C.P. Thunberg Au Japon, Par Le Cap De Bone-Espérance, Les Isles De La Sonde, &c. Paris: Dandré, 1796. 462 p.

Информация об авторах

Верещагина К.А., *старший преподаватель, кафедра русской филологии, Тихоокеанский государственный университет, kseniya.vereshchagina@mail.ru*

© Верещагина К.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82-1

[1] ***Керимова Д.Ф.*** [1] ***Московский финансово-юридический университет МФЮА***

Российская патриотическая поэзия: интертекстуальный анализ

Аннотация: *статья посвящена исследованию современной российской культуры, в частности, гражданской поэзии. В качестве объекта исследования рассмотрены тексты Максима Замшева, Влада Маленко, Ивана Купреянова, Игоря Караулова, Анны Долгаревой, Елены Заславской, Марка Лешкевича, Бориса Бергина, вошедшие в антологию современной гражданской лирики «Поэзия русского лета». Названы основные интертекстуальные источники текстов названных авторов (поэзия Серебряного века, древнегреческая и древнеримская мифология, скандинавская и бардовская поэзия, устное народное творчество), исследованы мотивы обращения к данной теме как в классических силлабо-тонических стихах, так и в верлибрах, которые сегодня довольно популярны среди сочинителей. Данное исследование – краткий анализ интертекстуальности патриотической поэзии – важного пласта современной русской литературы, который сегодня рассматривается как стратегически необходимое включение в школьный курс литературы. По этой причине данный феномен требует тщательного изучения и не менее тщательного литературоведческого отбора.*

Ключевые слова: *поэзия, гражданская лирика, интертекстуальность, специальная военная операция, Кевларовый век, зет-поэзия*

Для цитирования: Керимова Д.Ф. Российская патриотическая поэзия: интертекстуальный анализ // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 115 – 119.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] ***Kerimova D.F.*** [1] ***Moscow Financial and Law University MFUA***

Russian patriotic poetry: intertextual analysis

Abstract: *the article is devoted to the study of modern Russian culture, in particular, civic poetry. The object of the study is the texts of Maxim Zamshev, Vlad Malenko, Ivan Kupreyanov, Igor Karaulov, Anna Dolgareva, Elena Zaslavskaya, Mark Leshkevich, Boris Bergin, included in the anthology of modern civic lyrics "Poetry of the Russian Summer". The main intertextual sources of the texts of these authors are named (poetry of the Silver Age, ancient Greek and Roman mythology, Scandinavian and bard poetry, oral folklore), the motives for addressing this topic in both classical syllabo-tonic verses and free verse, which are quite popular among writers today, are investigated. This study is a brief analysis of the intertextuality of patriotic poetry - an important layer of modern Russian literature, which is today considered as a strategically necessary inclusion in the school literature course. For this reason, this phenomenon requires careful study and no less careful literary selection.*

Keywords: *poetry, civil lyrics, intertextuality, special military operation, Kevlar Age, z-poetry*

For citation: Kerimova D.F. Russian patriotic poetry: intertextual analysis. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 115 – 119.

The article was submitted: October 28, 2024; Approved after reviewing: November 09, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Заметная изобретательность рождается в атмосфере духовности. Российская культура ее создавала и поддерживала всегда. Как бы ни было тяжело, что бы ни происходило, русские творили: писали книги, сочиняли музыку, возводили невероятные сооружения. Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский, П.И. Чайковский и Д.Д. Шостакович, А.М. Родченко и В.И. Мухина – список можно продолжать вечно, причем в любом из искусств. Однако все чаще звучат претензии, связанные с недостаточной одухотворенностью современной русской культуры и недостойным наследованием великих образцов нынешними творцами. Ругают их за пренебрежительное отношение к языку, символике, истории и за все остальное – не достоин, мол, сын отца. Возникает вопрос, насколько оправдана такая оценка, и есть ли в ней рациональное зерно.

Нельзя отрицать важности прошлого, отнекиваться от него и всего великого, что нам оставлено предками. Вряд ли мы бы выросли в нас таких, какие мы есть сегодня, не имея этих знаний, но порицать сегодняшнюю культуру только за то, что она не такая, как ее предшественница, глупо. У каждого времени свои звуки и краски. Вот и в современной России многое звучит и окрашено иначе, нежели в прошлом или во всех предыдущих веках. И это не значит, что культура теперь беднее – она иная.

Материалы и методы исследований

Особенный интерес вызывает современная русская литература. Поэзия, в особенности. Часто говорят, что отечественная поэзия закончилась на Серебряном веке. Чуть более гуманные критики останавливают ее на шестидесятниках или на нобелевском лауреате Бродском. Позволим себе не согласиться с таким мнением, поскольку, как нам видится, современная поэзия многогранна и талантлива. В ней есть и традиционная пейзажная лирика, много хорошей любовной, не меньше философских верлибров (тоже высочайшего качества). В последнее время ярко о себе заявила гражданская поэзия., возродившаяся в связи с войной в Донбассе, которая идёт уже десять лет. За это время появились десятки авторов, для которых эти события стали творческим импульсом. Они воспринимают и осмысляют непростые моменты истории не через призму новостей, а через прозу и поэзию. Однако до недавнего времени их имена не были известны широкому кругу россиян, у них не было возможности публиковаться большими тиражами или выступать на крупных площадках. Теперь же они так называемые зет-поэты, известные как внутри страны, так и за ее пределами: Влад Маленко, Игорь Караулов, Мария Ватутина, Ольга Старушко, Дмитрий Артис, Анна Долгарева, Максим Замшев и др. Методы исследования творчества обозначенных авторов в настоящей статье – контент-анализ и сравнительный анализ.

Результаты и обсуждения

Если ориентироваться на «злобу дня», популярность патриотической тематики становится оправданной. 2022 год ознаменовался специальной военной операцией и продемонстрировал необходимость пробуждения активных гражданских чувств у россиян [3, с. 99]. Одним из самых ярких событий в литературно-издательской жизни страны стал выпуск антологии «Поэзия русского лета». Инициатор проекта – международный телеканал «Russia Today». Заместитель главного редактора телеканала «RT» Анна Белкина отметила, что медиагруппа надеется, что «эта коллекция поэзии станет частью русского культурного наследия нашего времени, как когда-то становились стихи и песни о Великой Отечественной войне, которые мы все знаем наизусть» [2].

Этот проект призван не только донести творчество пишущих о войне поэтов до широкой публики, но и помочь другому проекту медиагруппы «Дети войны», в рамках которого пострадавшим детям помогают с лечением и реабилитацией.

Один из авторов сборника, поэт Мария Ватутина назвала сборник литературным историческим событием: «Мы встречаемся с людьми в воинских частях, в госпиталях. Ездят ребята за ленточку, мы встречаемся с вернувшимися участниками боевых действий. Поэтому мы знаем правду. Мы бы все хотели, чтобы от периода спецоперации остались наши стихи, а не те» [8, с. 78].

Сборник стихов сразу впечатляет своим профессионализмом, ведь большая часть его авторов прошла этап становления – как поэты и деятели культуры – еще до начала описываемых событий.

К примеру, главный редактор «Литературной газеты» Максим Замшев, автор строк:

«Вьётся змейкой между стран граница,

Маршал Жуков грозен на коне,
Ничего со мною не случится
Если будешь помнить обо мне» [7, с. 90].

Или Владислав Маленко, художественный руководитель Государственного музея Сергея Есенина в Москве и основатель и художественный руководитель Московского театра поэтов:

«Загорелся волшебный терем.
Затянуло нас в пелену.
Мы – солдаты. Мы свято верим,
Что под вечер убьем войну» [7, с. 146].

Поэзия начала XXI столетия значительно и равно отличается «как от зачарованного «обтанцовывания смерти», характерного для Серебряного века, так и от ритуального самопожертвования советской поэзии; как от «гимнической» приподнятости духовной поэзии, так и от деконструкции всего и вся в лирике 1990-х». Это абсолютный феномен, не поддающийся строгой категоризации и не имеющий четких характеристик [6, с. 44].

Современная гражданская поэзия еще не получила своего «металлического» наименования (вроде века Золотого или Серебряного), но ряд исследователей закрепляет за ней название «Кевларового века». Кевлар – композитное волокно, способное поглощать удары, смягчая урон не только от ударов, но и попадания огнестрельного оружия. Кевлар является неотъемлемым элементом современных бронежилетов, совмещая несколько слоёв высокопрочной керамики, кевларовых пакетов и полиэтиленового пластика, гасящего остаточную энергию уже разрушенной об керамику пули. К слову, в телеграм-канале донбасской поэтессы Анны Ревякиной часто под хэштегом «Кевларовый век» публикуются стихи современных зет-поэтов [1]. Переломные моменты истории всегда находят своё отражение в культуре. И в поэзии – в первую очередь. Это во многом объясняет популярность обозначенного направления и интерес к нему читательской аудитории.

Современная гражданская лирика не лишена интертекстуальности: «злоба дня» в ней перекликается с предшествующими интертекстами, создавая тонкий авторский нарратив.

Например, строки Ивана Купреянова:

«Сегодня не фюрер, А НАТО,
Но суть не меняется тут –
И русское солнце солдаты
На запад по новой несут»

Перекликаются с текстом Владимира Высоцкого:

«Но на запад, на запад ползёт батальон,
Чтобы солнце взошло на востоке» [7, с. 134].

Многое в «Поэзии Русского лета» навеяно юнговскими архетипами, Древним Римом, Грецией и скандинавской поэзией. Поэт Игорь Караулов обращается к музам:

«Эвтерпа муза сделалась валькирией
И сошла в окопный неуют» [7, с. 120].

Не к музам, но к богам обращается Александр Сигида:

«Ты одноглазый бог войны
Ты бог дружин и дальних странствий…» [7, с. 339].

Елена Заславская продолжает тему:

«Над третьим Римом восходит новая заря…» [7, с. 103].

Нареченная «валькирией СВО» Анна Долгарева-Лемерт совмещает древнеримскую риторику с молодежным сленгом:

«Типа как римляне,
Ущемляющие этрусков.
Сорян, не потрафили» [7, с. 73].

Работает «на контрастах» и упомянутый выше Марк Лешкевич:

«Соберем дрова – наломаем дров
Мы все чаще целуем вдов,
Шерим донаты на смерть врагов
И крестимся как попало…» [7, с. 139].

Отсылки в текстах сборника – самые разные: автор здесь не превозносит свое я (или не уничижается картинно) и ощущает свою связь с эпохой и людьми. Это создает контраст с той «городской» поэзией, которую можно послушать на концертных площадках крупных городов (в основном, про любовь/нелюбовь и поток сознания) и рэпом, особенно «новой школы» (про зависимость/независимость).

Поэты Серебряного века сейчас заняли достойное место среди русской классики – их наследие проходят в школах и ВУЗах, по ним написаны целые библиотеки исследований. Однако в свое время они были новаторами и экспериментаторами. Литературная судьба великих авторов Серебряного века известна всем. Однако, например, к Владимиру Агатову, начинавшему как символист и декадент, известность пришла именно когда он стал автором песен «Темная ночь» и «Шаланды, полные кефали», написанных для фильма «Два бойца» 1943 года. Так Великая Отечественная Война стала «большой темой» и для него, и для других авторов, став толчком для написания сильнейших строк. Можно сказать, что такое сравнение работает и с «Русским Летом»: поэты включаются в большие события, используя их для своего художественного творчества. Такой подход помогает создать профессиональный и значимый в масштабах всей культуры корпус текстов.

Поэты «Русского лета» не замалчивают существование своих оппонентов, а прямо говорят: «Я буду с ними говорить о мире на языке Давида и Эсфири». Что приятно, сами же поэты по-разному говорят о своей социальной роли:

Анна Долгарева: «Нет, я была поэтессой из Ленинграда» [7, с. 74];

Дмитрий Молдавский:

«Я вообще не креативный класс
И даже не латентный педераст.
Я толерантен в рамках Домостроя» [7, с. 190].

За социальными и другими различиями авторы видят то, что объединяет, а не разъединяет общество. Географически широкая страна предстает единой, несломленной.

Елена Заславская: «Земли нет в мире краше – в ней спят солдаты наши» [7, с. 101];

Мария Ватутина:

«Я думала за часом час
Про дагестанского героя
Который жизнь свою отдаст
Для материнского покоя» [7, с. 36];

Борис Бергин:

«Я хочу говорить о любви словами всеми –
Ковылем шелестящим, теплым грибным дождем.
Если станут землей все, кто ляжет однажды в землю,
Может быть, мы друг друга сейчас поймем?» [7, с. 32].

Христианские мотивы встречаются практически у каждого автора. Как «не бывает атеистов в окопах под огнем», так и «расстрелянный город Донецк» породил поэтов, не боящихся говорить о душе, духе и вере. Алексей Шмелев пишет:

«И солдат, убитый под Донецком,
Протянул апостолу в горсти
В крови и поту рисунок детский
И услышал голос:
«Пропусти»» [7, с. 373];

Борис Бергин:

«И здесь плавится сталь, а живое убить непросто вот:
В каждом раненом древе тень Спасителя на кресте…» [7, с. 26];

Анна Ревякина:

«Частоколы да бурелом,
Заминированы окраины,
Человеческий Страшный суд.
Авель помнит, что всюду Каины,
Только высунешься – убьют» [7, с. 261].

Выводы

Безусловно, русская поэзия многолика. Различные формы представления, темы, изобразительно-выразительные средства делают ее весьма интересной для литературоведческого анализа. Сегодня полноправными участниками поэтического процесса в стране являются как классические силлабо-тонические стихи, так и верлибры, как стихи о любви и природе, так и философская лирика. С одной стороны, это расширяет возможности поэзии, с другой, лишает читателя «внятного инструментария для различения поэзии и стихоплетства, искусства и конъюнктуры» [9, с. 77].

На наших глазах сегодня зарождается новый век русской поэзии. Влад Маленко, один из участников проекта, называет это «Третьей мировой поэзией». Мощная, талантливая, бескомпромиссная, готовая прийти на помощь каждому, кто в ней нуждается [3, с. 105].

Принято считать, что роль литературы для современного общества – в создании «альтернативы реальности, которая может быть чище, лучше, светлее реального. Подарить зрителю кусочек этой надежды, чистоты и радости» [4, с. 2]. Авторы «Поэзии русского лета» не романтизируют происходящего, но доброй надеждой на его улучшение пронизан каждый их текст.

Список источников

1. Ревякина А. URL: https://t.me/s/annarevyakina (дата обращения: 12.09.2024).
2. Воробьев М. "Пусть останутся наши стихи, а не те": представлен сборник "ПоэZия русского лета". URL: https://sputnik-ossetia.ru/ (дата обращения: 02.09.2024).
3. Керимова Д.Ф. Влад Маленко – лирик-патриот // Вестник ДГУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 99 – 106.
4. Керимова Д.Ф. О голосах автора и героя в современной поэзии (на материале сборника стихотворений А. Шмелева «Неитожимы») // Russian linguistic bulletin. 2023. Выпуск 8 (44). С. 1 – 4.
5. Кудряшова А. Поэт арт-проекта «Мужской голос» Алексей Шмелев: Любой человек, как электрон. Он одновременно является частицей и волной. URL: https://www.ryazan.kp.ru/daily/27451/4706329/ (дата обращения: 09.09.2024).
6. Погорелая Е.А. 2020-е: прикладная эсхатология // Вопросы литературы. 2021. № 6. С. 44 – 62.
7. Поэзия русского лета. М.: АНО «ТВ-Новости», 2022. 408 с.
8. Смирнов А.Э. Почему современной поэзии не хватает «красных чернил» // Вопросы литературы. 2021. № 3. С. 77 – 89.
9. Шмелев А. Неитожемы. М.: Зебра Е, 2023. 146 с.
10. Якобсон Р. Стихотворные прорицания Александра Блока. М., 1998. С. 254 – 271.

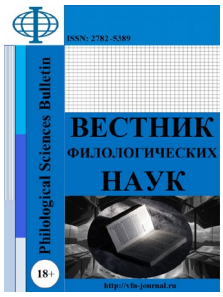
References

1. Revyakina A. URL: https://t.me/s/annarevyakina (date of access: 12.09.2024).
2. Vorobyov M. "Let Our Poems Remain, Not Those": the collection "PoeZiya Russkogo Leta" is presented. URL: https://sputnik-ossetia.ru/ (date of access: 02.09.2024).
3. Kerimova D.F. Vlad Malenko – a lyricist-patriot. Bulletin of DSU. Series 2: Humanities. 2023. No. 2. P. 99 – 106.
4. Kerimova D.F. On the Voices of the Author and the Hero in Modern Poetry (based on the collection of poems by A. Shmelev "Neitozhimy"). Russian Linguistic Bulletin. 2023. Iss. 8 (44). P. 1 – 4.
5. Kudryashova A. Poet of the art project "Male Voice" Alexey Shmelev: Any person is like an electron. He is both a particle and a wave. URL: https://www.ryazan.kp.ru/daily/27451/4706329/ (date of access: 09.09.2024).
6. Pogorelaya E.A. 2020s: Applied Eschatology. Questions of Literature. 2021. No. 6. P. 44 – 62.
7. Poetry of the Russian Summer. Moscow: ANO "TV-Novosti", 2022. 408 p.
8. Smirnov A.E. Why modern poetry lacks "red ink". Questions of Literature. 2021. No. 3. P. 77 – 89.
9. Shmelev A. Inconclusive. M.: Zebra E, 2023. 146 p.
10. Jacobson R. Poetic Prophecies of Alexander Blok. M., 1998. P. 254 – 271.

Информация об авторах

Керимова Д.Ф., *кандидат филологических наук, кафедра журналистики, рекламы и пиара, Московский финансово-юридический университет МФЮА, г. Москва, dinarych2012@yandex.ru*

© Керимова Д.Ф., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

[1] ***Чжан Цяохуа*** [1] ***Дальневосточный федеральный университет***

Предлог «за счет»: сочетаемость и семантика

Аннотация: *в данной статье рассматриваются сочетаемости и семантики служебной лексемы «за счёт» в разных предложениях. Объектом исследования является предлог «за счет», выполняющая в русском языке предложную функцию. Предметом исследования является лексическая сочетаемость и семантика данной предлога. Цель исследования – установить лексико-семантические группы, в которые объединяется лексика, занимающая позиции правого и левого компонентов конструкции, организуемой предлогом, и на этой основе сделать вывод о связи семантической специфики предлога за счёт и его сочетаемости. Одним из аспектов рассмотрения является анализ представления предлога «за счет» в научной литературе и в словарях. В работе использован описательный метод, с включением методики контекстного анализа. В результате исследования установлено закономерное соотношение между лексико-семантическими группами в позиции правого и левого компонента и значением предлога. В первом значении у предлога выявлены три группы соотносительной лексики: номинации лица (группы лиц) – глаголы бытия, «финансы» – глаголы со значением компенсированного приобретения, номинации организаций – глаголы со значением передачи объекта или взаимосвязи. Во втором значении у предлога обнаружено ограничение сочетаемости только в позиции левого компонента глаголами со значением изменения количественного признака. Лексика в позиции правого компонента ограничений не имеет.*

Ключевые слова: *служебные слова, производный предлог, синтаксис, семантика, лексическая сочетаемость, тематическая группа, левый компонент, правый компонент*

Для цитирования: Чжан Цяохуа. Предлог «за счет»: сочетаемость и семантика // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 120 – 125.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] ***Zhang Qiaohua*** [1] ***Far Eastern Federal University***

The preposition «on account of»: combinability and semantics

Abstract: *this article deals with the combinability and semantics of the service lexeme «on account of» in different sentences. The object of the study is the preposition «on account of», which fulfils the prepositional function in the Russian language. The subject of the study is lexical combinability and semantics of this preposition. The aim of the study is to establish the lexical-semantic groups into which the lexicon occupying the positions of the right and left components of the construction organised by the preposition is united, and on this basis to draw a conclusion about the connection between the semantic specificity of the preposition for account and its combinability. One of the aspects of consideration is to analyse the representation of the preposition due to in the scientific literature and in dictionaries. The work uses a descriptive method, with the inclusion of the technique of contextual analysis. As a result of the study, a regular correlation between lexico-semantic groups in the position of the right and left components and the meaning of the preposition has been established. In the first sense, the preposition has three groups of correlative lexicon: nominations of a person (group of persons) - verbs of being, «finance»- verbs with*

the meaning of compensated acquisition, nominations of organisations - verbs with the meaning of transferring an object or relationship. In the second meaning, the preposition has a restriction of combinability only in the position of the left component to verbs with the meaning of change of quantitative attribute. The lexicon in the position of the right component has no restrictions.

Keywords: *functional words, derived preposition, syntax, semantics, lexical compatibility, thematic group, left component, right component*

For citation: Zhang Qiaohua. The preposition «on account of»: combinability and semantics. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 120 – 125.

The article was submitted: October 28, 2024; Approved after reviewing: November 09, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Актуальность настоящей работы обусловлена активным процессом развития служебных функций у знаменательных слов, в частности, развития функции предлогов у словоформ существительных. Данный процесс вызывает особый научный интерес, так как изучение отдельных единиц, перешедших в предлоги, позволяет более полно выявить механизмы названного процесса. В научных трудах последних лет были проведены исследования ряда производных предлогов с точки зрения организуемых ими конструкций и специфики функционирования [4, 5, 9, 10, 16].

При описании синтагматики предлога в исследованиях используются термины «правый» и «левый» компоненты. «Правый компонент» – это имя существительное, которое вводится предлогом и всегда располагается справа по отношению к предлогу. «Левый компонент» – это слово, синтаксическая валентность которого заполняется предложно-падежной именной группой [16]. Выявление тематических групп служит определению специфики сочетаемости предлога. «Сочетаемость – свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня; одно из фундаментальных свойств языковых единиц, отражающее синтагматические отношения между ними» [8, с. 483]. Для производных предлогов сведения о его сочетаемости являются очень важными, так как в зависимости от характера лексики устанавливаются типы отношений, оформляемых с помощью предлогов. В свою очередь, сочетаемость производного предлога во многом предопределяется семантикой базового слова, то есть того знаменательного слова, на основе которого развилась служебная функция у словоформы. Поэтому описания любого производного предлога сопровождаются характеристикой его синтагматических свойств.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования был собран с помощью Национального корпуса русского языка. Исследование отобранного материла проводилось с использованием описательного метода, с включением методики контекстного анализа.

Результаты и обсуждения

Представление предлога за счёт в научной литературе и словарях.

Предлог «за счет» рассматривается как производный предлог в монографии В.В. Виноградова. Он выделил у предлога за счет два значения: 1. взамен вместо, в ущерб; 2. под влиянием, вследствие. При этом пример приводится только на второе значение: «Литературный кругозор каждого кружковца расширяется за счет прочтения ряда значительных произведений литературы» [3, с. 535].

В монографии Е.Т. Черкасовой 1967 г. «за счет» обозначается еще термином «оборот», обращается внимание на обычный для него контекст, «указывающий на действие, производимое в возмещение чего-нибудь» [15, с. 160]. Но в то же время исследователь говорит о том, что уже изменяется лексический состав зависимых от оборота «за счет» существительных – в их состав начинают входить, это приводит к более обобщенному значению оборота [15]. Если главное слово – глагол – обозначает изменение, развитие признака, переход из одного состояния в другое, а зависимое существительное обозначает источник, средство, то у оборота «за счет» появляется новое значение ‘используя что-нибудь для чего-нибудь’ [15, с. 161]. Далее на основе этого значения развивается значение ‘в ущерб чему-нибудь’, если зависимое существительное называет лицо, коллектив или организацию [15]. Приобретение свойств предлога оборотом «за счет», по мнению Е.Т. Черкасовой происходит именно в тех случаях, когда зависимое существительное является отвлеченным. В таких случаях «за счет» сближается по семантике с предлогами путем и при помощи [15, с. 162].

Г.А. Золотова в статье 1965 года рассматривает «за счет» как предлог и говорит о 5 значениях синтаксической конструкции, в которой используется предлог: 1. Конструкция, в которой «называются лица (груп-

пы лиц), чьи интересы в данной ситуации антагонистичны, и какой-то выигрыш, приобретение одной стороны связано с ущербом для другой, и больше: какие-то возможности второй, страдающей, стороны используются как источник выигрыша первой» [6, с. 101]. 2. Конструкция, значение которой автор определяет как «нарушенное равновесие»: в ней «названы два соотносительных или антагонистических понятия, явления, и речь идет об изменении пропорции, равновесия между ними, устойчивого соотношения. Развитие, рост, экспансия одного из явлений наносит ущерб другому, вытесняет или потесняет другое. Но ослабление, сокращение второго является источником роста, усиление первого» [6, с. 102]. 3. Конструкция со значением «резерва, источника, питающего какой- либо процесс» [6, с. 103]. 4. Конструкция с партитивным значением, в которой обозначаются «части, элементы, единицы целого, исключение которых служит источником сокращения целого» или наоборот, «включение которых служит источником пополнения, увеличения, расширения целого» (б) [6, с. 104]. 5. Конструкция, в которой «значение источника, резерва, ресурса подкрепляется отглагольным существительным, называющим прием, способ, которыми приводится в действие резерв, используется источник» [6, с. 106].

По мнению Г.А. Золотовой, в перечисленных 5 конструкциях у предлога «за счет» есть инвариантное значение – это «значение источника, ресурса, резерва каких-либо изменений» [6, с. 107].

В Русской грамматике 1980 «за счет» квалифицируется как предлог, который создает предложно-падежные формы со значением способа, средства, сопутствующего обстоятельства: За счет отдыха учится по вечерам; Экономия времени – за счет развлечений» [17, с. 441].

Лексические значения в толковых словарях представлены следующим образом. В словаре Д.Н. Ушакова: «За счет кого-чего 1. относя расход на чьи-н. средства, на чей-н. счет (канц.). 2. перен. используя что-н. для чего-н.» [14]. В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова: «1. За счёт кого-чего. На чьи-л. средства, деньги; 2. Используя что-л. для чего-л; относя к чему-л» [2]. В словаре С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова: «1. За счёт кого-чего. Перенося оплату на кого-что-н.; 2. Предлог с род. п., используя что-н. для чего-н.» [12].

В «Объяснительном словаре русского языка» В.В. Морковкина: «1. Употребляется при указании на то, что выступает в качестве резерва, источника, питающего какой-л. процесс. 2. Употребляется при указании на элементы, исключение которых служит источником сокращения целого или, наоборот, включение которых служит источником увеличения целого. 2.1. Употребляется при указании на элемент, сокращение которого служит источником увеличения другого элемента» [11].

Из описаний предлога, представленных в приведенной выше научной литературе, и толкований в словарях можно видеть, что определение значений «за счет» в работе Е.Т. Черкасовой, в Русской грамматике 1980 и в словарях С.А. Кузнецова, С.И. Ожегова и Д.Н. Ушакова очень близки. Значение 2 в словаре В.В. Морковкина совпадает со значением 4 в статье Г.А. Золотовой, но это значение отсутствует в других словарях и научной литературе. Поскольку значение многозначного предлога выявляется в контексте, необходимо выявить специфику сочетаемости предлога «за счет», установить его типичную сочетаемость в правом и левом контекстах.

С нашей точки зрения, значения, сформулированные в словаре В.В. Морковкина, более точные, поэтому при анализе мы ориентировались на толкования, данные именно в этом словаре.

Классификация лексики в позиции правого и левого компонента предлога «за счет» по лексико-семантическим группам:

Значение 1 из словаря В.В. Морковкина. В этом значении для предлога «за счет» типична следующая сочетаемость.

1. Правый компонент:

Существительные – номинации лица: арендатор, акционер, бригадир, авиатор, владелец, автор, банкир, бабушка, дедушка, бизнесмен, женщина

Левый компонент:

Глаголы бытия – существования в определенном времени и пространстве [1, с. 468]: жить, пожить, выжить, выживать, прожить.

Примеры:

Живем за счет старых бабушек, с них тянем (Vesti.ru, 03.18.2014). Осенью придется пожить за счет друзей («Столица», 06.01.1997). Как пишут «Известия», ток-шоу «Моя семья» вообще живет только за счет наемных актеров (Lenta.ru, 2001.11.2002). Всё верно – живёт за счет женщин («Ковчег», 2013). Одни рассчитывают прожить за счет своих бабушек и дедушек, сердобольных пап и мам, а другие просто бродяжничают, хулиганят, воруют (Федор Абрамов, 1968).

2. Правый компонент:

Существительные – номинации явлений, так или иначе связанных с финансами (их можно объединить в общую тематическую группу «финансы»): доход, взнос, бюджет, актив, долг, бонус, штраф, затраты, вознаграждение, аванс, платеж, налоги, кредит.

Левый компонент:

(а) Глаголы компенсированного приобретения [1, с. 576]: закупать, закупить, выкупить, покупаться.

Примеры:

И покупаются автобусы за счет субсидий из федерального бюджета (Форум). Газ планируется закупать за счет аванса за транзит российского газа в Европу (Lenta.ru, 19.05.2009). «Поскольку у нас разошлись мнения относительно условий тендера, техника была закуплена не за счет Всемирного банка, а за счет собственных средств», – говорит Спановский (Ведомости, 03.03.2000). Таков оказался объем не просто проблемных, но, по сути, безнадежных активов, которые нам было предложено выкупить за счет кредита Банка России (РБК Дейли, 23.01.2012). Когда какая-то сеть вводит дисконтную карту, она рассчитывает окупить затраты за счет своего дохода или за счет повышения комиссии («Туринфо», 16.04.2002).

(б) Глаголы финансировать/профинансировать.

Примеры:

Частично проект планируется профинансировать за счет аванса от китайской стороны в размере $25 млрд (Ведомости, 11.06.2014). Государство предоставляет для жилищного строительства в бесплатное пользование земельные участки, финансирует строительство за счет бюджета («Человек и закон», 1978). Расходы на воспроизводство лесов финансируются за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации (Лесной кодекс Российской Федерации, 1997). Такие пенсии финансируются за счет взносов застрахованных, работодателей, а также за счет дотации государства («Коммерсантъ-Власть», 2002).

3. Правый компонент:

Существительные – номинации организаций: авиакомпании, предприятие, администрация, банк, больница, учреждение, институт, аптека, аэропорт, компания, библиотека.

Левый компонент:

(а) Глаголы передачи объекта [1, с. 587]: выдавать/выдать, предложить, оплатить, выплатить, выплачивать/выплачиваться, расплачиваться, обеспечивать /обеспечить, предоставлять(ся).

(б) Глаголы взаимосвязи [1, с. 558]: провести, проводить/проводиться, производиться и глаголы осуществления события происходить, произойти.

(а) Примеры:

Пассажирам САС выдавали за счет авиакомпании джус (Д.А. Гранин, 1966). По слухам, некоторым пациентам даже предложили лечиться за счет больницы в столичных элитных клиниках («Труд-7», 06.09.2001). Конечно, мы можем частично оплатить съемное жилье за счет больницы, но этого все равно недостаточно», – посетовал Игорь Уточкин (Коммерсант, 25.11.2020). В настоящее время пассажиры размещены в гостинице и обеспечены горячим питанием за счет авиакомпании (РИА Новости, 15.02.2015).

(б) Примеры:

Сделки в этой отрасли экономики происходят в основном за счет иностранных банков, которые скупают активы в России (Lenta.ru, 23.04.2008). Врачи сообщили, что стоимость данной операции составила более 75 тыс. долларов, однако проводилась она за счет больницы, и пациент не понес никаких расходов (Комсомольская правда, 04.02.2011). Лечение производится за счет больницы (Коммерсант, 23.06.2005). Оплата справок МосгорБТИ, удостоверение и регистрация договоров мены, а также перевозка имущества граждан должны происходить за счет компаний, которые предоставили новую квартиру («Аргументы и факты», 06.06.2001).

Значение 2 из словаря В.В. Морковкина. В этом значении для предлога «за счет» типична следующая сочетаемость.

Правый компонент:

Существительные не ограничены какой-либо лексико-семантической группой.

Левый компонент:

Глаголы изменения количественного признака [1, с. 510], называющие процесс увеличения или сокращения (уменьшения) этого признака: снизить, снижаться, сокращать, усилить, увеличить, расширять, наращивать, повысить, нарастить, расти, возрасти, развиваться, укреплять, укрепиться, обогащать, обогатить.

Примеры, иллюстрирующие разные лексико-семантические группы в позиции правого компонента:

а) Компания рассчитывает, что постепенно объемы производства будут увеличиваться за счет расширения ассортимента лекарств («Эксперт», 2014). Вес при их применении снижается, но не за счет уменьшения жировой массы, а за счет выведения жидкости, вместе с которой могут выходить полезные минералы и витамины («Комсомольская правда», 09.03.2011).

б) Компания сократит долг благодаря росту продаж УАЗа и SsangYong, а также за счет распродажи автомобилей Fiat, причем последняя обеспечит большую часть поступлений, пояснил Соболев (Ведомости, 10.12.2011). Поставки в Китай взлетели в декабре на 42,8% по сравнению с аналогичным периодом 2008 года, в частности, за счет закупок автомобилей (Коммерсант, 01.27.2010).

с) А с другой стороны, предлагается еще больше увеличить количество денег за счет автовладельцев (Vesti.ru, 18.07.2011). Россия будет наращивать газовый потенциал за счет нефтяных компаний («Известия», 27.01.2002). Председатель наблюдательного совета “Санкт-Петербурга” Индрек Нейвельт объясняет решение увеличить уставный капитал за счет имущества банка стремлением расширить бизнес (Ведомости, 14.08.2006).

Выводы

Анализ сочетаемости и семантики предлога «за счет» показал наличие определенной закономерности в сочетаемости. В первом значении по словарю В.В. Морковкина соотношение лексики в позиции правого и левого компонентов следующее: номинации лица (группы лиц) – глаголы бытия, «финансы» – глаголы со значением компенсированного приобретения, номинации организаций – глаголы со значением передачи объекта или взаимосвязи. Во втором значении по словарю В.В. Морковкина соотношение лексики в позиции правого и левого компонентов следующее: в позиции левого компонента употребляются глаголы со значением изменения количественного признака, а лексика в позиции правого компонента не имеет ограничений.

Список источников

1. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. М.: АСТ-Пресс, 1999. 704 с.
2. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 1998. 1536 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
4. Вэй Х. Отымённый релятив «по примеру»: конструкция и сочетаемость // Litera. 2021. № 6.
5. Зарубина Е.С. Сочетаемость отглагольного релятива «исходя из»: левый и правый компоненты // Litera. 2023. № 5. С. 277 – 291.
6. Золотова Г.А. О новом предлоге «за счет» // Вопросы культуры речи. 1965. Вып. 6. С. 99 – 112.
7. Клобукова Л.П., Виноградова Е.Н. 20 лет спустя: к эволюции изучения и описания системы современных русских предлогов (уроки одной научной дискуссии). Статья 1 // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2024. № 2 (18). С. 2 – 12.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
9. Ли О.Д. Производный предлог «в противовес»: конструкции и специфика функционирования // Litera. 2022. № 9. С. 159 – 168.
10. Ли О.Д. Семантико-синтаксические особенности предлога «В противоположность» // Modern Humanities Success. 2023. № 2. С. 174 – 180.
11. Объяснительный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель, АСТ, 2002. 432 с.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М: АЗЪ. 1994. 928 с.
13. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. Т. 1 – 4.
14. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1940. 1502 с.
15. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.
16. Чжан Ц., Шереметьева Е.С. Производный предлог «в счет»: специфика функционирования // Litera. 2023. № 12. С. 112 – 123.
17. Шведова Н.Ю. Русская грамматика: в 2-х т. / под ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2.

References

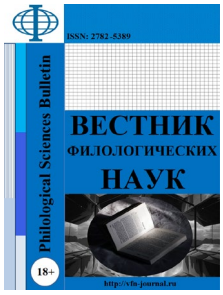
1. Babenko L.G. Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. Moscow: AST-Press, 1999. 704 p.
2. Kuznetsov S.A. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Norint, 1998. 1536 p.
3. Vinogradov V.V. Russian Language. Grammatical Theory of the Word. 3rd ed., corrected. Moscow: Higher School, 1986. 639 p.
4. Wei H. Nominal Relative “by Example”: Construction and Compatibility. Litera. 2021. No. 6.

5. Zarubina E.S. Compatibility of the Verbal Relative “Proceeding from”: Left and Right Components. Litera. 2023. No. 5. P. 277 – 291.
6. Zolotova G.A. On the new preposition “at the expense”. Questions of speech culture. 1965. Iss. 6. P. 99 – 112.
7. Klobukova L.P., Vinogradova E.N. 20 years later: towards the evolution of the study and description of the system of modern Russian prepositions (lessons from one scientific discussion). Article 1. Professor's Journal. Series: Russian language and literature. 2024. No. 2 (18). P. 2 – 12.
8. Linguistic encyclopedic dictionary. Ed. V.N. Yartseva. Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences. M.: Sov. encycl., 1990. 682 p.
9. Lee O.D. The derivative preposition “v oppovis”: constructions and specifics of functioning. Litera. 2022. No. 9. P. 159 – 168.
10. Lee O.D. Semantic and syntactic features of the preposition “V oppovistnost”. Modern Humanities Success. 2023. No. 2. P. 174 – 180.
11. Explanatory dictionary of the Russian language. Edited by V.V. Morkovkin. Moscow: Astrel, AST, 2002. 432 p.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: AZЪ. 1994. 928 p.
13. Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings. Edited by N.Yu. Shvedova. M.: Azbukovnik, 2003. Vol. 1 – 4.
14. Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 vol. Edited by D.N. Ushakov. M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1940. 1502 p.
15. Cherkasova E.T. Transition of Full-Meaning Words into Prepositions. M.: Nauka, 1967. 280 p.
16. Zhang C., Sheremetyeva E.S. Derived Preposition “v otchet”: Functioning Specifics. Litera. 2023. No. 12. P. 112 – 123.
17. Shvedova N.Yu. Russian Grammar: in 2 vol. Edited by N.Yu. Shvedov. M.: Nauka, 1980. Vol. 2.

Информация об авторах

Чжан Цяохуа, *кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, 3458350884@qq.com*

© Чжан Цяохуа, 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81'42

[1] Габибуллаева П.М., [2] Арсакаева Х.С.

[1] Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
[2] Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

Роль языка фольклора в художественной прозе

Аннотация: *в статье проводится анализ языка фольклора в художественном тексте. Использование различных элементов фольклора служит одним из стилистических приемов, используемых писателем. Фольклорные произведения входят в литературу, в первую очередь, как одна из сторон изображаемого быта. Это служит созданию различных образов – конкретно-исторической среды в целом и тех обстоятельств, в которых происходит развитие характера. Для художественной прозы русских и национальных авторов язык фольклора продолжает оставаться важным источником обогащения содержательной и поэтической структуры произведения. Выявление стилистических особенностей, связанных с фольклорным началом в художественной прозе определило, что анализ сказок, легенд, притч, пословиц и других устойчивых сочетаний в тексте художественной прозы берут свое начало именно в фольклоре. В данном случае ориентация писателя может быть самой различной – от народного сказания и исторических свидетельств разного рода до собственной художественной фантазии.*

Ключевые слова: *языковые средства, язык фольклора, стилистические особенности, художественная проза, фольклор, монолог, сказание, пословицы, фразеологизмы*

Для цитирования: Габибуллаева П.М., Арсакаева Х.С. Роль языка фольклора в художественной прозе // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 126 – 130.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Gabibullayeva P.M., [2] Arsakaeva H.S.

[1] Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov
[2] Chechen State University named after A.A. Kadyrov

The role of the folklore language in fiction

Abstract: *the article analyzes the language of folklore in a literary text. The use of various elements of folklore is one of the stylistic techniques used by the writer. Folklore works are included in literature, first of all, as one of the sides of the depicted way of life. This serves to create various images – the concrete historical environment as a whole and the circumstances in which character development takes place. For the fiction of Russian and national authors, the language of folklore continues to be an important source of enrichment of the meaningful and poetic structure of the work. The identification of stylistic features associated with the folklore origin in fiction has determined that the analysis of fairy tales, legends, parables, proverbs and other stable combinations in the text of fic-*

tion originate precisely in folklore. In this case, the writer's orientation can be very different – from folk tales and historical evidence of various kinds to his own artistic imagination.

Keywords: *linguistic means, folklore language, stylistic features, fiction, folklore, monologue, legend, proverbs, phraseological units*

For citation: Gabibullayeva P.M., Arsakaeva H.S. The role of the folklore language in fiction. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 126 – 130.

The article was submitted: October 28, 2024; Approved after reviewing: November 09, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Актуальность работы. Роль языка фольклора в художественной прозе недостаточно исследованы. Через язык фольклорных произведений происходит углубление интереса к жизни народа, истории и духовной культуре. Важнейшей функцией, которую фольклор способен выполнять в литературном произведении, можно назвать участие в создании характера. А благодаря метким народным изречениям, устойчивым оборотам оттачивается характер героя произведения.

Проблемы языка фольклора в художественной прозе акцентируют внимание на стилистические средства языка. Нередко в центре внимания исследователей находятся и сами стилистические особенности языка фольклора. Благодаря чему народный характер наполняется конкретно-историческим содержанием.

Основная цель – исследование роли языка фольклора в художественной прозе. Задачи:

1. Анализ исследований, посвященных роли языка фольклора в художественной прозе;
2. Выявление стилистических особенностей, связанных с фольклорным началом в художественном произведении.

Материалы и методы исследований

В работе использован описательный метод, так как данный метод дает возможность создать целостную картину влияния языка фольклора на язык художественной прозы. Материалами исследования послужили произведения русской и многонациональной литературы.

Результаты и обсуждения

В текстах фольклорных произведений различна форма усвоения народных традиций. Использование стилистических приемов и средств для передачи фольклорных образов берут свое начало в народном творчестве. Причем эти же стилистические приемы и средства достаточно активно используются современными писателями. В работах ряда исследователей утверждается, что для создания народного характера писателю необходимо обращение к языку фольклора. В русской литературе, в национальных литературах всегда обращаются к фольклору. Писатели привлекают выражения, порой и целые тексты из народных сказок. В русской литературе одним из таких писателей считается С. Щедрин. Во многих произведениях писателей на языках народов России также используется прием привлечения сказочных текстов. К примеру, в даргинском языке таковыми являются многие писатели, в частности, Ахмедхан Абу-Бакар – в даргинском, в аварском – Муса Магомедов, в ингушском – Ахмет Боков, И. Базоркин, в чеченском – К. Ибрагимов, А. Айдамиров.

Кроме того, через язык фольклора в литературное произведение просачиваются диалектизмы, которые служат также приданию простоты герою. Использование этих элементов носит не условный характер, а обусловлено мировоззрением самого писателя [1].

В художественных произведениях популярны и различные сказания, легенды, притчи. В научной литературе они долгое время понимались лишь как принцип повествования и их анализ проводился с лингвостилистических позиций. Так происходит сосредоточение на языке героя-рассказчика, куда включается также образ автора-повествователя и ряда второстепенных персонажей, участников возможных диалогов.

Писателю важно с помощью этой, сложившейся в литературе жанровой формы, достичь иллюзии самовыражения рассказа из народа, максимальной достоверности и сближения персонажа и автора.

Ведь анализ внутритекстовых включений народных сюжетов, образов, мотивов в литературное повествование показывает, что их удельный вес бывает достаточно велик.

Исследователи пытаются дифференцировать типы фольклорных включений в текст литературного произведения, выделив в их числе цитаты, аллюзии, перифразы. Такой подход к материалу позволяет выяснить имущественный характер использования народнопоэтических включений каждым из писателей.

Малые жанры фольклора, народнопоэтическая образность служат средством создания разговорной манеры повествования, лежащей в основе прозаического произведения.

В первую очередь выявляется специфика сказовой манеры, установку сказовой манеры на имитацию устной речи. Об этом в свое время В.В. Виноградов писал, что «это мощный источник обогащения языка художественной литературы» [3].

М.М. Бахтин комментируя данную проблему отмечал «в большинстве случаев сказ вводится именно ради чужого голоса, голоса социально определенного, приносящего с собой ряд точек зрения и оценок, которые именно нужны автору» [2].

Народнопоэтические языковые средства, органически вписанные в диалогическую и монологическую речь героев, придают языку произведения неповторимую национальную самобытность [5].

Исследователи обращают внимание на характерность установки не просто на устную, но и на чужую речь, не тождественную авторскому повествованию. В целом понятие сказовой манеры всегда соотносится с использованием традиций фольклорного стиля. Ведь следуя нормам и принципам фольклорного стиля, имитируя его в произведении, писатели иногда приходят к стилизации. Понятие «стилизация» имеет в своей основе подражание не просто типу определенного стиля, но конкретному фольклорному жанру и его стилистической системе. Исследователи широко трактуют это понятие, включая в него и сказовую манеру повествования, а также цитацию народнопоэтических текстов. Ведь по сути сказовая манера – это имитация стиля разговорной речи. Но на наш взгляд, нужно отметить и то, что такое расширительное толкование стилизации кажется общим, при котором практически теряются границы явления. «Влияние фольклора на литературу огромно» [9].

Многочисленные художественные произведения имеют разветвленность монологов рассказчика, принадлежащего к определенной социальной среде. И в каждом из этих случаев писатель строит монологи по нормам разговорной речи.

Специфика создания трагического и комического также связана с функциональной нагрузкой фольклорных мотивов, образов и языковых средств, которые способствуют их возникновению. Сюда входят такие моменты, как появление традиций народного смеха, которые выводя сущность комизма в художественном произведении.

В.Я. Пропп [8] и М.М. Бахтин исследовали своеобразие смеховой культуры. Обращение писателя к народной культуре не всегда является стремлением создания комического эффекта. Современные художественные произведения имеют все меньше точек соприкосновения с непосредственно фольклорными произведениями.

Очевидно, что в обращении к народной поэзии художественная проза развивает лучшие традиции классической и многонациональной литературы.

Творческие попытки авторов произведений постичь и запечатлеть в литературном произведении человека – носителя лучших черт народного характера – непременно связаны с фольклором, содержащим своеобразный моральный кодекс, традиционные эстетические представления, поэтические воззрения на мир, природу, человека в этом мире.

Язык фольклора несет на себе большую функциональную нагрузку в художественном произведении. Языковая фольклорная единица является носителем особого содержания [6]. Очевидным оказался тот факт, что часто в творчестве писателей находит место этнографическая лексика диалектная лексика, смысл которой состоит в создании колоритного исторического облика эпохи, пространства. Такие произведения русских писателей, как повесть В. Распутина «Прощание с Матерой», А.И. Куприна «Олеся», повесть даргинского писателя А. Абу-Бакара «Медовые скалы», роман чеченского писателя К. Ибрагимова «Маршал» и другие путем обращения к исторической памяти народа, его поэтическим представлениям о мире способствуют постановке нравственных проблем. «Средствами фольклора, например, поэтически раскрывается судьба деревенской женщины у И. Бунина» [10].

Этнографическая лексика, используемая авторами при описании различных сцен в произведениях, способствуют созданию стихийной атмосферы.

Писатели обогащали свои художественные произведения элементами, сюжетами, образами, мотивами и формами устного народного творчества [4].

Самохарактеристикой в них является народная речь, содержащая в себе малые фольклорные жанры, пословицы, фразеологические обороты, пожелания, зложения и другие выразительные средства, берущие свое начало в фольклоре. Речь персонажа, построенная по нормам устной речи, остается важным характеризующим элементом и в большинстве других случаев. Языковые особенности еще более индивидуализируют эпические образы [7].

Основы традиционной морали, заключенные в пословицах и поговорках, позволяют судить о нравственном кругозоре героя.

Обращение писателя к данным единицам речи связано в некоторой степени и с моралью и дидактизмом.

Ряд писателей через включение таких фольклорных элементов и фольклорной лексики достигают народности своих произведений. К примеру, В. Шукшин наполняет сатирическим содержанием знакомые традиционному фольклору образы, развивает заложенные в сказке возможности притчи, способной провозгласить мораль, связанную с ведущей авторской идеей. Для Салтыкова-Щедрина сказка является средством обличения. Многие произведения построены на таком сложном типе повествования, основанном на слиянии монологов повествователя и персонажа.

Обращения к фольклору не лишило писателей индивидуальности, так как использование общих принципов и приемом фольклора в их творчестве постоянно наполняется новым содержанием.

Выводы

Таким образом, выявление стилистических особенностей, связанных с фольклорным началом в художественном произведении установило, что анализ включений народнопоэтического материала (сказок, сказаний, легенд, притч, пословиц, фразеологизмов) в текст художественной прозы берут свое начало именно в устном народном творчестве, а стилистические явления – сказовая манера, стилизация с наибольшей очевидностью отразились в следовании писателями нормам фольклорной лексики. Сказанное доказывает, что в той или иной степени язык фольклора входит в каждое произведение. В большинстве случаев процесс творческого переосмысления фольклорных традиций определяется идейным замыслом произведения, а непосредственные формы их введения обусловлены типом художественного мышления каждого автора.

Список источников

1. Бакула В.Б. Особенности фольклоризма в творчестве саамской писательницы Софьи Якимович // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. № 1. С. 1 – 10.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. 363 с.
3. Виноградов В.В. Проблема сказа в лингвистике // Поэтика. Вып. 1. Ленинград, 1926. 162 с.
4. Гуцаленко О.В. Фольклор и фольклоризм в культурологическом аспекте // Культура и искусство. 2023. № 9. С. 2 – 8.
5. Егорова О.Н., Манукян Д.Д. Роль обрядовой лексики в художественных текстах // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4. С. 185 – 189.
6. Кошарная С.А., Кириченко Ю.С. Фольклорема как источник художественного концепта // Современный ученый. 2024. № 7. С. 96 – 102.
7. Омакаева Э.У., Салыкова В.В., Пюрбеев Г.Ц., Харчевникова Р.П., Монраев М.У. Эпический лексикон как экспликатор лингвокультурных кодов монгольских языков: на материале эпоса «Джангар» // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 11. С. 6 – 10.
8. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 1997. 282 с.
9. Степанова Т.М., Бессонова Л.П. Типология фольклоризма литературных текстов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2007. № 2. С. 245 – 249.
10. Бабореко А.К. Фольклорные записи / предисл. и примеч. Э.В. Померанцевой // Иван Бунин. Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. М.: Наука, 1973. 455 с.

References

1. Bakula V.B. Features of folklorism in the works of the Sami writer Sofia Yakimovich. Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev. 2019. No. 1. P. 1 – 10.
2. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow, 1963. 363 p.
3. Vinogradov V.V. The problem of skaz in linguistics. Poetics. Iss. 1. Leningrad, 1926. 162 p.
4. Gutsalenko O.V. Folklore and folklorism in the cultural aspect. Culture and Art. 2023. No. 9. P. 2 – 8.
5. Egorova O.N., Manukyan D.D. The Role of Ritual Vocabulary in Fiction. Bulletin of Bryansk State University. 2016. No. 4. P. 185 – 189.
6. Kosharnaya S.A., Kirichenko Yu.S. Folkloreme as a Source of Artistic Concept. Modern Scientist. 2024. No. 7. P. 96 – 102.
7. Omakaeva E.U., Salykova V.V., Pyurbeev G.Ts., Kharchevnikova R.P., Monraev M.U. Epic Lexicon as an Explicator of Linguocultural Codes of Mongolian Languages: Based on the Epic "Dzhangar". Bulletin of Philological Sciences. 2023. Vol. 3. No. 11. P. 6 – 10.

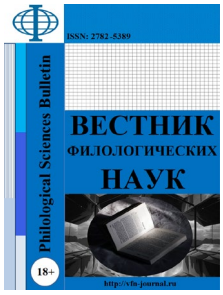
8. Propp V.Ya. Problems of Comedy and Laughter. 2nd ed. SPb.: Aleteya, 1997. 282 p.
9. Stepanova T.M., Bessonova L.P. Typology of folklorism of literary texts. Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism. 2007. No. 2. P. 245 – 249.
10. Baboreko A.K. Folklore records. Preface and notes by E.V. Pomerantseva. Ivan Bunin. Literary heritage. Vol. 84. Book 1. Moscow: Nauka, 1973. 455 p.

Информация об авторах

Габибуллаева П.М., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра дагестанских языков, ФГБОУ «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова», nurselin7@mail.ru*

Арсакаева Х.С., *старший преподаватель, кафедра русского языка, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова», г. Грозный, hapta76@mail.ru*

© Габибуллаева П.М., Арсакаева Х.С., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литература народов мира (филологические науки)
УДК 82-21

[1] Полховская Е.В., [1] Рейнова А.В.

[1] Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Пьеса Тома Стоппарда «Прыгуны» как философско-политическая сатира

Аннотация: *статья посвящена изучению специфики критики современной философии в пьесе Тома Стоппарда «Прыгуны». Цель исследования заключается в выявлении основных мотивов пьесы и их экспликации в драматическом тексте. Данная цель обусловила решение конкретных задач, направленных на изучение критики современных философских взглядов, сочетающейся с театральностью сценической постановки. Проведен анализ взаимодействия персонажей в сюжете пьесы как способа критики современных философских течений. В работе используется метод «тщательного прочтения», нарративный, стилистический и вербальный анализ, типологический, исторический и социологический подходы. Также методология исследования представлена обзором научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу. Практическая значимость работы состоит в возможности его использования в рамках реализации курса философии и англоязычной литературы. Результаты исследования показывают, что Том Стоппард выражает свои идеи путем введения повышенной театральности, акробатических номеров, гиперболизации действий персонажей и сцен с философскими диспутами в сюжет пьесы. Также описываются основные способы раскрытия критического отношения автора к современному обществу, что способствует пониманию характерных черт и идейной направленности произведений философской и политической сатиры.*

Ключевые слова*: политическая драма, политическая сатира, интеллектуальная драма, постмодернизм, современная философская мысль, фарс*

Для цитирования: Полховская Е.В., Рейнова А.В. Пьеса Тома Стоппарда «Прыгуны» как философско-политическая сатира // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 131 – 137.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Polkhovskaya E.V., [1] Reinova A.V.

[1] Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

The play “Jumpers” by Tom Stoppard as a philosophical and political satire

Abstract: *the article is devoted to the study of the specifics of criticism of modern philosophy in the play “Jumpers” by Tom Stoppard. The aim of the study is to identify the main motives of the play and their explication in the dramatic text. Specific tasks aimed at studying the criticism of modern philosophical views, combined with the theatricality of the stage production, were solved. The analysis of the interaction of characters in the plot of the play as a way of criticizing modern philosophical trends was carried out. The methods of “careful reading”, narrative, stylistic and verbal analysis, typological, historical and sociological approaches were used. The methodology of the study is also presented by a review of scientific works of domestic and foreign researchers on the issue under discussion. The practical significance of the article lies in the possibility of using it as part of the implementation of the philosophy*

and English-language literature courses. The results of the study show that Tom Stoppard expresses his ideas by introducing increased theatricality, acrobatic numbers, hyperbolization of the actions of the characters and scenes with philosophical disputes into the plot of the play. The main ways of revealing the author's critical attitude to modern society are also described, which contributes to understanding the characteristic features and ideological orientation of the works of philosophical and political satire.

Keywords: *political drama, political satire, intellectual drama, postmodernism, modern philosophy, farce*

For citation: Polkhovskaya E.V., Reinova A.V. The play "Jumpers" by Tom Stoppard as a philosophical and political satire. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 131 – 137.

The article was submitted: October 28, 2024; Approved after reviewing: November 09, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Том Стоппард – современный британский драматург, чьи произведения удостоены множества престижных международных литературных премий, таких как Plays and Players Best Play Award и Most-Over-Rated Play Award. Драматургия Стоппарда отличается сложной многоуровневой структурой, сочетанием высокоинтеллектуального содержания с вкраплением элементов карнавала, игры слов, остроумного юмора и различных постмодернистских приемов. Среди его произведений особого внимания заслуживает пьеса «Прыгуны» ("Jumpers" [16]), в которой драматург критикует современную философию, ярко выражая свои идеи через повышенную театральность, акробатические номера, гиперболизацию действий персонажей и введение сцен с философскими диспутами в общий сюжет. Пьеса «Прыгуны» относится к политической сатире обобщающе-философского характера, в которой такой политический аспект, как манипуляция общественным мнением, органично дополнен этико-философскими рассуждениями о нравственных ценностях индивида и общества в целом [7].

Цель исследования – раскрыть специфику критики современной философии в пьесе Тома Стоппарда «Прыгуны», а также выявить основные мотивы пьесы и способы их экспликации в драматическом тексте. Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) изучить театральные приемы, введенные Томом Стоппардом в сюжет пьесы; 2) проанализировать реакцию действующих лиц на современные философские взгляды; 3) изучить специфику взаимодействия персонажей в сюжете пьесы в контексте критики современных философских течений.

Актуальность темы обусловлена как значимостью философской и политической драмы, затрагивающей проблемные темы, находящие отклик в сердцах миллионов неравнодушных людей, так и важностью понимания системы различных театральных приемов для интерпретации современного драматического текста.

Научная новизна обусловлена малоизученностью предлагаемого материала. В статье представлено комплексное раскрытие авторской критической позиции относительно современной философской мысли. Предложенный подход применим при анализе творчества других современных драматургов.

В пьесе «Прыгуны» Том Стоппард рассматривает проблемы философии в постмодернистском ключе. Драматург, как мастер слова и иронии, исследует сложные темы, такие как абсурдность политических систем, судьба человека в мире, где политическая власть манипулирует сознанием общества (например, в пьесе государственный переворот именуется всеобщими выборами). Его персонажи сталкиваются с реальностью, полной абсурдных и противоречивых ситуаций, а яркие образы и остроумные диалоги высмеивают бюрократию и идеологические заблуждения.

М.В. Хьювел подчеркивает, что в диспутах между действующими лицами, в которых раскрывается столкновение философских мыслей, драматург не указывает на явного победителя [13, с. 224]. Все внимание сосредоточено на театральности пьесы, что позволяет зрителю самостоятельно интерпретировать обсуждаемые на сцене идеи. Иными словами, автор создает пространство для открытого диалога действующих лиц, а право на определение верных и ложных философский мыслей предоставлено аудитории. Персонажи «Прыгунов» представляют собой разнообразные типы действующих лиц, от комичных до трагических, каждый из которых вносит свой вклад в общую картину безысходности и иронии. Их взаимодействие создает мощный контраст между личными амбициями и имеющейся реальностью, что заставляет зрителя задуматься о природе свободы и ответственности. Стоппард мастерски использует элементы абсурда, чтобы показать, что, несмотря на кажущуюся важность политических манипуляций, в конце концов, человеческие чувства и стремления остаются центральной темой. Драматург поднимает фундаментальные вопросы

о том, как мы существуем в мире, который часто оказывается вне нашего контроля, при этом оставаясь невидимыми участниками больших историй.

Название пьесы связано с сатирическим отражением мыслителей-релятивистов XX века, утверждавших, что не существует абсолютных ценностей, таких как доброта, истина или красота, а моральные взгляды зависят от социальных статусов. Поскольку такие философы не имеют устойчивых принципов и постоянно «прыгают» между различными мнениями, их можно назвать «прыгунами» [12, с. 67]. Это название подчеркивает отсутствие надежной основы их взглядов и критически отражает роль релятивизма и прагматизма в современном обществе.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужила пьеса Т. Стоппарда “Jumpers” («Прыгуны», 1986). Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, предметом изучения которых является жанр драмы, а также драматическая интерпретация действующих лиц в пьесах современных авторов. Д.Н. Катышева в книге «Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр» не только раскрывает основные компоненты драмы, но и рассуждает о способах проявления личности автора в драматическом произведении [2]. В.Ю. Хартунг и А.В. Шевченко исследуют специфику отражения личностных и поведенческих особенностей персонажа, а также социальную, культурную и историческую ситуацию его развития [6]. Е.А. Овечкина и С.С. Васильева изучают речевую характеристику персонажа, которая является средством создания художественного образа [3]. Л.В. Бондаренко в своей диссертации исследует особенности интеллектуальной драмы Т. Стоппарда в историческом и литературном контексте [1]. Творчество данного драматурга является предметом изучения таких литературоведов и критиков как Мел Гассоу [10], Джон Флеминг [11], Джим Хантер [12], Майкл Хойвел [13], Нил Сэммеллс [15]. Морис Гнинг [9] исследует систему содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям Тома Стоппарда. Джеймс Н. Лоулин [14] раскрывает особенности игривой философии драматурга, сочетающейся с ярким языком и элементами абсурда. Е.В. Полховская и М.Р. Дюсекеева [5] раскрывают корреляцию идейной и образной составляющей при обрисовке персонажей в драматургии Тома Стоппарда. Е.В. Полховская [4] изучает политику и культуру в фокусе британской драмы на примере творчества данного драматурга.

Ключевыми методами и подходами стали:

- метод «тщательного прочтения», благодаря которому были выявлены главные темы, поднимаемые Т. Стоппардом в его драматическом произведении, а также принципы построения действия и раскрытия основного конфликта;
- нарративный анализ, который позволил интерпретировать введенные автором в пьесу нюансы драматического повествования;
- стилистический и вербальный анализ, с помощью которого была раскрыта характеристика персонажей анализируемых произведений;
- в работе также использован типологический подход, позволяющий выделить основные черты политической сатиры обобщающе-философского характера, отразившиеся в анализируемой пьесе;
- благодаря применению исторического и социологического подходов удалось выявить специфику отображения определенных философских позиций действующих лиц как представителей постмодернистского общества.

Практическая значимость исследования состоит в возможности его использования при чтении и разработке курсов, посвященных вопросам философии, а также истории и типологии англоязычной литературы.

Результаты и обсуждения

В пьесе Тома Стоппарда «Прыгуны» гармонично переплетаются элементы фарса, детектива, циркового представления, пения и танцев, что создает уникальную атмосферу и позволяет зрителю воспринимать глубокие философские вопросы через призму комедийно обыгранного действия. «Прыгуны» – это фарс, нацеленный на подтверждение существование Всевышнего, защиту трансцендентальных моральных ценностей и критику прагматического материализма. В данное произведение введена драматическая ирония, например, Джордж Мур спорит с утверждением МакФи о том, что лишение человека жизни не является проявлением зла, в то время как его оппонент уже убит. Кроме того, используется метод комического непонимания в ходе перекрестной беседы, когда два персонажа обсуждают совершенно разные вещи. Например, инспектор Боунз расследует убийство и расспрашивает о нем Джорджа Мура, а профессор думает, что речь идет о его жалобе на шумную вечеринку.

Действие разворачивается в альтернативной реальности, где несколько британских космонавтов высадились на Луну. Центральные персонажи – это профессор философии Джордж Мур (прототипом которого стал английский философ, основывавший аналитическую традицию) и его жена Дотти, экс-певичка мюзик-

холла, страдающая психическим расстройством и всячески пытающаяся привлечь внимание мужа, посвящающего все свое время работе. Большую часть пьесы занимают длинные монологи Джорджа, отражающие его сосредоточенность на вопросах философии. На контрасте вводятся сцены веселья других философов и неоднозначные отношения Дотти с главным оппонентом Джорджа – Арчи, разворачивающиеся прямо на глазах профессора Мура.

Пьеса начинается с описания событий, происходящих в квартире четы Муров, где труппа актеров-любителей, состоящая из философов, репетирует театральную постановку, посвященную победе «Радикально-либеральной партии», левой неофашистской политической организацией. Актеры-любители, которых автор называет «прыгунами», исполняют акробатические трюки. Изображение философов, представляющих различные философские школы XX века (логические позитивисты, сторонники лингвистической философии, утилитаристы-бентамисты, бывшие кантианцы и эмпирики, бихевиористы), в качестве актеров, занимающихся гимнастикой, – это «ожившая» авторская метафора. Не зря вся труппа состоит из представителей философских направлений, которым противостоит Джордж Мур, единственный персонаж, который не присоединился к актерам. В отличие от других философов, он верит в существование метафизических абсолютов. В центре действия также находится коллега Джорджа, Арчи, который возглавляет «прыгунов». Это – антагонист, представленный в виде поистине демонической фигуры.

Во время репетиции неожиданно раздается выстрел – один из «прыгунов» падает замертво, и вся пирамида, которую формировали актеры, рушится. Этот драматический эпизод символизирует кризис философских идей и разрушение иллюзий, связанных с идеологией постмодернизма. Поиск разгадки убийства становится одной из ключевых сюжетной линией произведения. Параллельно автор развивает другую сюжетную линию: главный герой, Джордж Мур, проводит большую часть времени за написанием работы, которая должна доказать существование Бога и моральных абсолютов. Он изображается как эксцентричный профессор, долго пребывающий в неведении относительно расследования убийства, которое проходит в его доме. В то время, когда он погружен в свои мысли и написание речи на симпозиум, Арчи, который является абсолютным прагматиком и релятивистом, успевает избавиться от трупа и выпроводить инспектора. Хотя расследование безрезультатно, все улики указывают на причастность Арчи к убийству. Его образ лидера «прыгунов» и возможного любовника Дотти, хитроумного манипулятора, контрастирует с образом Мура, представленного в виде наивного философа.

В пьесе «Прыгуны» Т. Стоппард мастерски сочетает философские размышления с эффектными визуальными элементами, такими как акробатические номера и проекция изображения Луны. В уникальной атмосфере переплетения глубинных вопросов бытия и сцен, вызывающих смех, на первый план выходят моральные и философские проблемы.

Стоппард подчеркивает, что моральные принципы формируются не только под влиянием социальных и исторических условий, но и подчиняются божественному началу [11, с. 83]. Автор обращает внимание на необходимость рассматривать мораль в контексте чего-то большего, чем просто человеческий опыт и рациональное мышление. Напряжение в пьесе возникает из-за столкновения интеллектуальных и эмоциональных реакций на нравственные вопросы, что подчеркивает сложность человеческой природы. Драматург изображает мир, в котором традиционные ценности отвергаются, что, по его мнению, приводит к моральному разложению и угрожает стабильности общества. Лидирование прагматических и релятивистских ценностей ставит под сомнение основы человеческого существования и вызывает тревогу относительно будущего.

В пьесе действующие лица являются представителями различных взглядов на мораль:

- Арчи, философы-«прыгуны» и «Радикально-либеральная партия» олицетворяют прагматизм и релятивизм. Как хладнокровный оппортунист, лидер «прыгунов» демонстрирует разврат и эгоизм, ставя личные интересы выше моральных принципов. Его взгляды иллюстрируют мир безнравственности, в котором нужно выбирать те моральные ценности, которые становятся инструментом достижения личных целей;

- Джордж Мур противопоставляет свои убеждения взглядам Арчи. Он является единственным сотрудником философского факультета, проповедующим традиционные ценности и веру в моральные абсолюты. Для него понятия добра и зла не подлежат оспариванию, и он выступает на защите ценностных идеалов в мире, который, по его мнению, теряет свои моральные ориентиры;

- Дотти занимает срединную позицию между философами. Она интуитивно реагирует на меняющийся мир, утверждающий относительность морали, но одновременно демонстрирует веру в моральные абсолюты. Дотти показывает, что в быстро меняющемся обществе можно сохранить убеждение, касающиеся универсальных моральных принципов, даже когда окружающие отвергают их.

Таким образом, Стоппард создает динамичный диалог о морали, заставляющий зрителей задуматься о

собственных убеждениях и влиянии философских взглядов на жизнь общества. Стоппард критикует бихевиоризм и логический позитивизм, которым свойственно отрицание метафизической основы человеческой жизни. Бихевиористы, выступающие против абсолютных моральных норм, рассматривают этические принципы как инструменты управления поведением общества. В их глазах, мораль не является универсальной истиной, а представляет собой набор правил, позволяющих избежать социально нежелательного поведения людей. Например, ложь считается не чем-то греховным, а рассматривается как антиобщественный акт, что подчеркивает относительность этических стандартов. По мнению бихевиористов, философия должна сосредотачиваться на эмпирическом и лингвистическом анализе, исключая метафизические, этические и эстетические вопросы из своего поля зрения. Логический позитивизм представляет собой радикальную интерпретацию эмпиризма. Эта школа утверждает, что все моральные суждения являются лишь отражением личных убеждений и эмоций, а не выражением объективной истины.

Главный герой пьесы использует аргумент первопричины для доказательства существования Бога. Джордж утверждает, что божественное происхождение является логическим обоснованием того, что каждое событие связано с предыдущим. Герой обращается к парадоксу Зенона, показывая, что, несмотря на то, что математические теоремы и логические рассуждения могут казаться обоснованными, их нельзя всегда доказать эмпирически. Джордж приходит к выводу, что критиковать философские теории легко, но гораздо труднее предоставить убедительные доказательства. Его вера в Бога – это вера гуманиста-теиста, утверждающего, что если Бог существует, то он существовал еще до появления религий. Стоппард предлагает зрителям подумать о том, какую роль играет интуиция в понимании морали и истины. Однако, даже полагаясь на этот внутренний компас, его персонаж, Джордж, осознает, что интуиция не всегда оказывается надежным ориентиром. Эта идея подчеркивает сложность поиска ответов на важные философские вопросы и противоречия, связанные с верой и знанием.

Стоппард поднимает важные вопросы о границах знаний и значении человеческих эмоций в контексте глубинных философских размышлений. Образ разрушенной пирамиды в пьесе «Прыгуны» символизирует крах сложных философских систем и изощренных теорий, а также крушение упрощенных взглядов на мораль и истину. Для Т. Стоппарда сочетание идей бихевиоризма и логического позитивизма представляет собой своего рода «интеллектуальный занавес», за которым происходит сдвиг современности к материализму, утилитаризму и государственному социализму [11, с. 89]. Драматург язвительно проводит аналогию между лингвистической философией и коллекционированием наклеек на сырах: “Philosophy can be reduced to a small number of questions which are battled about in most bars most nights. Linguistic philosophy doesn’t even have that distinction. It should occupy the position in life similar to that of collecting labels off triangular pieces of cheese. There is a word for people who do that. And they trade cheese labels across continents. It doesn’t do anybody any harm, but why would you have a professor of it?” [10, с. 15]. Размышления Стоппарда приводят к мысли о том, что слепое следование принципам лингвистического анализа, подобно коллекционированию, может казаться интересным времяпрепровождением, но в конечном итоге это – не более чем тщетное занятие, которое не отражает глубины человеческих эмоций и существования. Автор критикует подходы, которые изолируют философию от практического и жизненного опыта, и делает акцент на ограниченности моральных и этических вопросов в рамках таких философских систем.

Выводы

Вышеизложенное подводит нас к выводу, что в пьесе Тома Стоппарда «Прыгуны» ярко проявляется конфликт между интуитивными, эмоциональными откликами человека на мир и его логическим пониманием реальности. Джордж, как центральный персонаж, сталкивается с трудностями при формулировании своих убеждений. Он осознает, что даже наиболее очевидные истины могут подвергаться сомнению, как только они облекаются в слова. Это создает конфликт между внутренними убеждениями и их внешним выражением. Стоппард подчеркивает, что для понимания моральных истин человеку необходимы определенные стандарты, которые служат ориентиром в различии добра и зла. Он считает, что иррациональные и эмоциональные аспекты человеческой природы наделяют разум гуманностью. В пьесе подчеркивается, что сочетание рационального и иррационального, логического и интуитивного, научного и метафизичного позволяет более глубоко понять жизнь. Том Стоппард использует ироничный подход, раскрывая взгляды различных философских школ через театральные приемы, такие как акробатика, музыкальные номера и сложные диалоги, основанные на недопонимании. Эти элементы помогают глубже осмыслить представленные идеи и подчеркивают тезис о сложности восприятия человеком реальности.

Список источников

1. Бондаренко Л.В. Интелетуальная драма Тома Стоппарда в культурно-историческом и литературном контексте: дис. … канд. филол. наук: 10.01.04. Симферополь, 2009. 20 с.

2. Катышева Д.Н. Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2001. 208 с.

3. Овечкина Е.А., Васильева С.С. Речевая характеристика персонажа как средство создания художественного образа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. Волгоград, 2019. С. 18 – 22.

4. Полховская Е.В. Политика и культура в фокусе британской драмы (на материале пьесы Т. Стоппарда «Индийские чернила») // Сборник научных статей: Материалы международной научно-практической конференции. Ереван: Степанян принт, 2024. С. 110 – 119.

5. Полховская Е.В., Дюксеева М.Р. Корреляция идейной и образной составляющей при обрисовке персонажей в драматургии Тома Стоппарда (на материале пьес «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» и «Аркадия») // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25-26 ноября 2022 года / под общей редакцией А.Д. Петренко. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2022. С. 69 – 74.

6. Хартунг В.Ю., Шевченко А.В. Речевая характеристика персонажа на различных уровнях текста как средство интерпретации художественного образа (на материале произведений Р. Даля) // Филологический аспект. 2019. № 2 (46). URL: https://scipress.ru/philology/articles/rechevaya-kharakteristika-personazha-na-razlichnykh-urovnyakh-teksta-kak-sredstvo-interpretatsii-khudozhestvennogo-obraza-na-materiale-proizvedenij-r-dalya.html (дата обращения: 07.10.2024).

7. Шавкопояс Г.Е. Сатирические тенденции английского политического театра 70-80-х годов: дис. … канд. филол. наук: 10.01.05. М., 1992. 24 с.

8. Bennett Jonathan Philosophy and Mr. Stoppard // Philosophy. 1975. No. 50. 5 p.

9. Gning Maurice Truth, Reality, and Language in Tom Stoppard's Jumpers // International Journal of Language, Linguistics, Literature and Culture. Vol. 3. No. 5. 2024. P. 17 – 26.

10. Gussow Mel Conversations with Stoppard. New York: Grove Press, 1996. 146 p.

11. Fleming John Stoppard's Theatre. Finding Order amid Chaos. Austin: University of Texas Press, 2002. 325 p.

12. Hanter Jim Tom Stoppard // Faber Critical Guides. London: Faber and Faber, 2000. 240 p.

13. Heuvel Michael Vanden "Is postmodernism?": Stoppard among/against the postmoderns // The Cambridge Companion to Tom Stoppard / ed. by K.E. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 213 – 228.

14. Loehlin J.N. Tom Stoppard and the Absurd // The Routledge Companion to Absurdist Literature. Abingdon, 2024. 11 p.

15. Sammels Neil The early stage plays // The Cambridge Companion to Tom Stoppard / ed. by K.E. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 104 – 119.

16. Stoppard Tom Jumpers. New York: Grove Press, 1974. 89 p.

References

1. Bondarenko L.V. Intellectual drama of Tom Stoppard in the cultural-historical and literary XIX: dis. ... cand. philological sciences: 10.01.04. Simferopol, 2009. 20 p.

2. Katysheva D.N. Questions of drama theory: action, composition, genre. KPb.: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2001. 208 p.

3. Ovechkina E.A., Vasilyeva S.S. Speech characteristics of the character as a means of creating an artistic image. Bulletin of the Volgograd State University. Series 8: Literary criticism. Journalism. Volgograd, 2019. P. 18 – 22.

4. Polkhovskaya E.V. Politics and Culture in Focus of British Drama (Based on T. Stoppard's Play "Indian Ink"). Collection of Scientific Articles: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Yerevan: Stepanyan Print, 2024. P. 110 – 119.

5. Polkhovskaya E.V., Dyukseeva M.R. Correlation of the Ideological and Figurative Components in the Description of Characters in Tom Stoppard's Drama (Based on the Plays "Rosencrantz and Guildenstern: The Dead" and "Arcadia"). Convergent Technologies of the XXI: Variability, Combinatorics, Communication: Proceedings of the VII International Interdisciplinary Scientific Conference, Simferopol, November 25-26, 2022. Ed. by A.D. Petrenko. Simferopol: Crimean Federal University named after V.I. Vernadskogo, 2022. P. 69 – 74.

6. Hartung V.Yu., Shevchenko A.V. Speech characteristics of a character at various levels of the text as a means of a natural artistic image (R. Dahl manifested himself on the material). Philological aspect. 2019. No. 2 (46). URL:

https://scipress.ru/philology/articles/rechevaya-kharakteristika-personazha-na-razlichnykh-urovnyakh-teksta-kak-sredstvo-interpretatsii-khudzhestvennogo-obraza-na-materiale-proizvedenij-r-dalya.html (date of access: 07.10.2024).

7. Shavkopoyas G.E. Satirical tendencies of the English theater of the 70-80s: dis. ... cand. philological. Sciences: 10.01.05. M., 1992. 24 p.

8. Bennett Jonathan Philosophy and Mr. Stoppard. Philosophy. 1975. No. 50. 5 p.

9. Gning Maurice Truth, Reality, and Language in Tom Stoppard's Jumpers. International Journal of Lan-guage, Linguistics, Literature and Culture. Vol. 3. No. 5. 2024. P. 17 – 26.

10. Gussow Mel Conversations with Stoppard. New York: Grove Press, 1996. 146 p.

11. Fleming John Stoppard's Theatre. Finding Order amid Chaos. Austin: University of Texas Press, 2002. 325 p.

12. Hanter Jim Tom Stoppard. Faber Critical Guides. London: Faber and Faber, 2000. 240 p.

13. Heuvel Michael Vanden "Is postmodernism?": Stoppard among/against the postmoderns. The Cambridge Companion to Tom Stoppard. Ed. by K.E. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 213 – 228.

14. Loehlin J.N. Tom Stoppard and the Absurd. The Routledge Companion to Absurdist Literature. Abing-don, 2024. 11 p.

15. Sammels Neil The early stage plays. The Cambridge Companion to Tom Stoppard. Ed. by K.E. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 104 – 119.

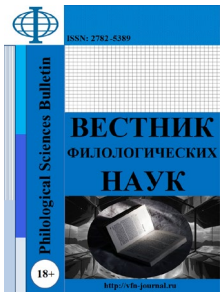
16. Stoppard Tom Jumpers. New York: Grove Press, 1974. 89 p.

Информация об авторах

Полховская Е.В., *кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»*

Рейнова А.В., *Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», nastya36511@mail.ru*

© Полховская Е.В., Рейнова А.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.41

[1] Адылханова Э.А., [1] Ибрагимова П.А. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Пресс-службы и СМИ в социальных сетях: основные сходства и различия

Аннотация: *статья посвящена анализу особенностей деятельности пресс-служб и СМИ в социальных сетях на примере Республики Дагестан. В ней рассматриваются сходства и различия в их подходах к использованию социальных медиа, а также основные вызовы, с которыми они сталкиваются в условиях постоянно эволюционирующего медиа-ландшафта. В контексте стремительного развития цифровых технологий социальные сети стали неотъемлемой частью современной коммуникационной среды. Пресс-службы государственных органов, коммерческих организаций и общественных объединений, а также средства массовой информации (СМИ) активно используют социальные медиа как платформу для распространения информации, взаимодействия с аудиторией, формирования общественного мнения и продвижения своих целей.*

Ключевые слова: *сознательность в обучении, фразеологические языковые единицы, психологический интеллектуализм, формализм в педагогике*

Для цитирования: Адылханова Э.А., Ибрагимова П.А. Пресс-службы и СМИ в социальных сетях: основные сходства и различия // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 138 – 143.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Adylhanova E.A., [1] Ibragimova P.A. ***[1] Dagestan State University***

Press services and media in social networks: the main similarities and differences

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the specifics of the activities of press services and mass media in social networks using the example of the Republic of Dagestan. It examines the similarities and differences in their approaches to using social media, as well as the main challenges they face in an ever-evolving media landscape. In the context of the rapid development of digital technologies, social networks have become an integral part of the modern communication environment. The press services of government agencies, commercial organizations and public associations, as well as the mass media (mass media) actively use social media as a platform for spreading information, interacting with the audience, forming public opinion and promoting their goals.*

Keywords: *consciousness in teaching, phraseological linguistic units, psychological intellectualism, formalism in pedagogy*

For citation: Adylhanova E.A., Ibragimova P.A. Press services and media in social networks: the main similarities and differences. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 138 – 143.

The article was submitted: October 28, 2024; Approved after reviewing: November 09, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Социальная сеть на заре своей истории предполагала виртуальное пространство для общения людей. Она обеспечивала быстрый способ обмена информацией, преодолевая время и географию. Актуальность темы исследования связана с тем, что сегодня количество различных интернет-площадок непрерывно растёт, а их роль и значение в современной коммуникационной среде усиливаются. Каждая социальная сеть имеет свою специфику и уникальный формат, но, несмотря на различные функциональные особенности, все они служат инструментом коммуникации.

Цель данного исследования заключается в выявлении специфических характеристик деятельности государственных пресс-служб и СМИ Республики Дагестан в социальных сетях. Для достижения поставленной цели будут решены следующие задачи: 1) анализ специфики работы пресс-служб и СМИ в социальных сетях с учетом особенностей их информационной стратегии и взаимодействия с аудиторией; 2) выявление основных сходств и различий в подходах и методах работы пресс-служб и СМИ при использовании цифровых платформ.

Материалы и методы исследований

В данной статье основными методами исследования являются сравнительный и аналитический методы, позволяющие выявить и сопоставить различные приемы, используемые пресс-службами и СМИ в своей деятельности в интернет-пространстве. Кроме того, применяется метод контент-анализа, который предполагает систематизированный разбор текстового, визуального и мультимедийного содержания и контента, размещаемого на исследуемых каналах и аккаунтах.

Результаты и обсуждения

С развитием цифровизации социальные сети постепенно превратились в социальные медиа, то есть стали неотъемлемой частью медиа-ландшафта. Такая гибридизация обусловлена новыми возможностями, которые дают сетевые платформы для средств массовой информации, пресс-служб и гражданских журналистов.

Вопросом реализации журналистской деятельности в социальных сетях занимались многие отечественные и зарубежные исследователи. Так, Ю.В. Харланова в статье «Использование социальных сетей как платформы для журналистской деятельности» отмечает, что влияние цифровых технологий на работу журналиста повлекло за собой как положительные, так и отрицательные последствия [10, с. 140]. На положительных аспектах сотрудничества между социальными сетями и СМИ более подробно остановилась М.В. Симкачёва в работе «Социальные сети в профессиональной деятельности журналиста: практический аспект». Автор подчеркивает, что преимуществом такого сотрудничества является оперативность в поиске первоисточника информации и в получении обратной связи [7, с. 630-632].

Конвергенция информационных потоков ставит перед научным сообществом новые задачи, одной из которых является изучение деятельности пресс-служб и СМИ в условиях бурного развития социальных медиа. Данная работа посвящена анализу этих двух субъектов информационного пространства и выяснению их роли в коммуникационном процессе. В.В. Ворошилов определяет пресс-службу как структурное подразделение, основная задача которого заключается в налаживании связи с общественностью посредством средств массовой информации [1, с. 5]. Основная задача пресс-службы – формирование и распространение позитивного имиджа организации, обеспечение прозрачности деятельности и установление диалога с заинтересованными лицами. Понятие «средства массовой информации» имеет множество трактовок, но все они объединены общей мыслью: это организации, создающие и распространяющие информацию, новости и аналитику среди широкой аудитории. СМИ могут быть печатными, электронными или вещательными. Ещё один важный термин, нуждающийся в определении – это «социальные сети». С.В. Патюков предложил в своей работе следующее обозначение: «Социальная сеть (Интернет) – интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками сети» [5, с. 75]. Данная интерпретация неполная и требует дополнения. Социальные сети – онлайн-платформы, позволяющие пользователям создавать профили, общаться, делиться информацией и контентом. В контексте данной статьи социальные сети рассматриваются как рабочий инструмент для пресс-служб и СМИ. Так, в Республике Дагестан как пресс-службы, так и СМИ активно используют социальные сети в своей профессиональной деятельности. Примером такого эффективного взаимодействия можно считать работу пресс-службы Правительства Дагестана, которая активно использует сервис мессенджера «Telegram» для распространения информации о деятельности Правительства, освещения работы чиновников и общения с населением. Канал «Правительство Дагестана» насчитывает 26048 подписчиков [11]. Ежедневно администратор канала публикует около 5 новостей, затрагивающих различные аспекты деятельности организации. Информация может быть представлена в виде коротких заметок о прошедших мероприятиях, в которых участвовал глава кабинета мини-

стров, либо в виде репостов новостей с других каналов. Рассмотрим стратегию ведения канала на примере заседания Правительства Республики Дагестан, состоявшегося 17.10.2024 в Махачкале под руководством Председателя Правительства РД Абдулмуслима Абдулмуслимова. В начале мероприятия пресс-служба опубликовала короткую заметку о событии с пометкой «LIVE», используя в лиде конструкцию «прямо сейчас» и тем самым акцентируя внимание на актуальности и своевременности передачи информации. Затем были перечислены вопросы, входящие в повестку дня заседания. К посту был прикреплен общий кадр с места события. После хроники последовали расширенные заметки. С пометкой «Важно» пресс-служба вынесла в заголовок несколько насущных вопросов, поднятых в ходе совещания. Например, пост с заглавием «Как улучшилась жизнь дагестанцев благодаря реализации нацпроектов?» [12] включал конкретные комментарии премьера, отчёты и сводки из докладов спикеров. В целом, на канале было опубликовано 12 сообщений о прошедшем мероприятии. Для большей наглядности и читабельности публикациям придали чёткую структуру, расчленив текст на логические абзацы. Для привлечения внимания аудитории пресс-служба дополнила посты фотографиями, «эмодзи» и «смайлами». Охват новостей – более 1000 уникальных просмотров. Важно отметить, что к каждой публикации «открыты» реакции и комментарии, позволяющие читателям поделиться своим мнением. В тот же день telegram-канал «Правительство Дагестана» «репостнул» на свою ленту репортажи о прошедшем мероприятии, подготовленные местным телевидением. От работы пресс-службы во многом зависит, насколько оперативно и качественно будут работать и СМИ. Нередко дагестанские журналисты в процессе освещения правительственных мероприятий обращаются к социальным сетям, где уже, как правило, сотрудниками пресс-службы размещена необходимая информация. Это позволяет журналистам проверить данные и как бы получить сведения из первых рук.

Таким образом, пресс-служба Правительства Дагестана демонстрирует пример эффективного использования цифровых платформ для распространения информации о деятельности организации, налаживания связей с населением и формирования позитивного образа.

Другим примером взаимодействия пресс-службы с социальными сетями служит страница Дагестанского государственного университета в «ВКонтакте» [13]. Переходя на страницу, можно сразу отметить удобное визуальное оформление. Горизонтальная обложка профиля с изображением фасада университета и логотип вуза в качестве фотографии профиля делают страницу узнаваемой. В «шапке» присутствуют все необходимые элементы: название, описание, контактные данные, адрес университета, ссылка на сайт и другие социальные сети. Кроме того, для удобства студентов в разделе «ссылки» указаны страницы факультетов и студенческих объединений ДГУ в ВКонтакте. Под описанием сообщества аудитории предлагается пройти различные анкеты, тесты. Страница насчитывает более 3 тыс. подписчиков и более 5500 записей. Лента обновляется ежедневно, выдавая примерно по две новости в сутки. Сообщения о прошедших мероприятиях сопровождаются фотоотчётами высокого качества и ссылками на сайт вуза, где можно ознакомиться с более развёрнутой информацией. Вовлечённость аудитории отражается через количество просмотров и «лайков». Отдельные публикации на странице ДГУ в ВКонтакте демонстрируют значительный интерес (более 1000 просмотров), но другие получают заметно меньше внимания (менее 200). Одна из ключевых метрик, отражающих успешность страницы – это реблогинг. Новостями на «стене» ДГУ другие пользователи делятся неактивно. Низкий показатель репостов свидетельствует о том, что публикации ДГУ не вызывают достаточного интереса у аудитории для дальнейшего распространения. С целью придания странице динамичности и насыщенности, сотрудники пресс-службы проводят для подписчиков опросы в виде голосований. Хотя такой инструмент «разбавляет» содержание аккаунта, но, принимая во внимание небольшое количество голосующих, не оказывает существенного влияния на заинтересованность подписчиков. Налаживание обратной связи через комментарии, личные сообщения и функцию «предложить новость» происходит неэффективно.

Для увеличения охвата и вовлеченности аудитории в ВКонтакте пресс-службе ДГУ необходимо рассмотреть возможность введения новых форматов контента, усиления продвижения с помощью таргетированной рекламы, совершенствования стратегии взаимодействия с аудиторией для изучения интересов потребителей. Кроме того, следует активно использовать аналитические инструменты для оценки эффективности контента и оптимизации стратегии продвижения с помощью других социальных сетей.

Проведем анализ онлайн-присутствия частной российской телевизионной компании «Наше национальное телевидение» (ННТ) с целью выявления её стратегии и эффективности использования платформ для распространения медиаконтента. Данное СМИ сосредотачивает свое внимание на освещение событий культурного, религиозного и этнического формата. Своей задачей телеканал ставит предоставление зрителям полной и достоверной информации о событиях в мире, России и Республике Дагестан. ННТ транслирует свою деятельность на различных цифровых платформах, включая «ВКонтакте», «Telegram», «YouTube»* (экстремистская

организация, запрещенная на территории РФ), «Одноклассники», «Facebook»* (экстремистская организация, запрещенная на территории РФ), демонстрирует активное использование интернет-ресурсов для достижения своих информационных и коммуникационных целей. Проведём анализ специфики работы ННТ в видеохостинге «YouTube» [14], представляющий собой ключевую площадку для распространения видеоконтента. Канал создан в 2014 году и насчитывает 420 тыс. подписчиков и более 4 тыс. публикаций. Частота публикаций – в среднем 7 материалов в месяц. Канал предлагает разнообразную тематику: новости, специальные репортажи, документальные фильмы, социальные ролики, интервью, образовательный и развлекательный контент. Среди постоянных проектов ННТ можно выделить такие передачи как «Новости Дагестана», «Вопрос Имаму», «Исторический факт», «Битва за лимон», «Онлайн диалог», рубрика «Свободный микрофон». Охват контента варьируется в зависимости от темы выпуска. Например, социальный опрос с заголовком «53 года отдыхает в Махачкале» [15] собрал более 1 миллиона просмотров, 94 тыс. «лайков» и более 900 комментариев, в то время как подкаст «Осторожно! Нефоры в Дагестане», опубликованный ранее, посмотрели 165 тыс. пользователей [16]. Следует отметить качественную визуальную составляющую. Видеоролики на YouTube-канале ННТ отличаются высоким разрешением, демонстрируя профессиональный подход к съемке и монтажу. У канала креативный дизайн, вовлекающие заставки и заголовки, которые играют ключевую роль в визуальной привлекательности контента.

YouTube-канал ННТ представляет собой эффективную платформу для распространения контента, отражающую стремление телеканала к укреплению своих позиций в цифровом пространстве. Канал демонстрирует профессиональный подход к производству видеоматериалов и успешно взаимодействует с аудиторией. Высокое количество подписчиков и просмотров свидетельствует о привлекательности канала для зрителей.

Сходства в деятельности пресс-служб и СМИ в социальных сетях касаются общих целей, которые они преследуют: как пресс-службы, так и СМИ используют социальные сети для распространения информации о своей деятельности, событиях, новостях и актуальных проблемах. Обе категории субъектов коммуникации нацелены на привлечение и взаимодействие с широкой аудиторией, охватывая различные возрастные группы, интересы и социальные слои. Пресс-службы и СМИ используют разнообразные форматы контента, включая текстовые публикации, фотографии, видео, инфографику и др., активно применяют возможности социальных сетей для взаимодействия с аудиторией: отвечать на вопросы, проводить опросы, узнавать об интересах потребителей.

Вместе с тем пресс-службы в социальных сетях концентрируются на продвижении имиджа своей организации, установлении диалога с целевой аудиторией, решении PR-задач. СМИ же в социальных сетях активно формируют информационную повестку, освещают актуальные события, проводят журналистские расследования. Пресс-службы чаще всего публикуют новости о своей организации, уведомления о мероприятиях, анонсы проектов.

СМИ публикуют разнообразный контент, от новостей и аналитических статей до авторских колонок и видеорепортажей. Пресс-службы в своих публикациях придерживаются позитивного нарратива о своей организации, а СМИ предоставляют объективную информацию, анализируют события, высказывают собственное мнение, приводят экспертные комментарии. Пресс-службы, как правило, концентрируются на своей целевой аудитории, представляющей интерес для своей организации. СМИ же ориентируются на массовую аудиторию, стремясь охватить максимально широкий спектр интересов. Ключевое отличие заключается в позиционировании: пресс-службы обычно выступают в роли информатора, рассказывая о деятельности своей организации, СМИ – независимыми наблюдателями, которые анализируют события, освещают проблемы и способствуют их решению.

Выводы

Социальные сети эволюционировали от простого средства коммуникации в полноценные элементы медиа-ландшафта, интегрируясь с деятельностью различных пресс-служб и СМИ. Профессиональное производство контента, грамотное использование инструментов продвижения и активное взаимодействие с аудиторией – это ключевые факторы успеха в цифровом пространстве. Проведенное исследование показало, что пресс-службы и СМИ в социальных сетях используют одинаковые инструменты, но преследуют разные цели и ориентируются на различную аудиторию. Пресс-службы нацелены на продвижение имиджа; СМИ – на формирование информационной повестки. Опыт Республики Дагестан подтвердил, что сегодня медиаорганизации активно используют виртуальный мир для взаимодействия с аудиторией, но существуют и серьезные вызовы, с которыми они сталкиваются. Для успешной работы в социальных сетях необходимо развивать цифровую компетентность, использовать разнообразные форматы контента, принципы маркетинга и методы анализа аудитории, управлять репутацией в онлайн-пространстве, минимизировать распростране-

ние фейковый новостей и дезинформации, обеспечить достоверность и объективность своих публикаций, постоянно адаптироваться к изменениям в потребительских привычках и технологических тенденциях. В будущем можно ожидать ещё большей интеграции социальных сетей и традиционных СМИ, что повлечет за собой новые вызовы и возможности для медиа-организаций.

Список источников

1. Ворошилов В.В. Современная пресс-служба. М.: Кнорус, 2021.
2. Давыдов С.Г., Замков А.В., Крашенинникова М.А. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. С. 7 – 10.
3. Загрутдинова О.Р. Журналистика, реклама и PR в современном обществе: сборник научных статей магистрантов и аспирантов. Омск: Изд-во ОмГА, 2021. 182 с.
4. Огнева А.С. Социальные сети: понятие, виды, технологические возможности продвижения // Молодой учёный. 2021. С. 75 – 79.
5. Патюков С.В. Социальная сеть: понятие, история возникновения, современное положение дел // Юный ученый. 2017. С. 75.
6. Розенберг Н.В., Питерова А.Ю. Использование социальных сетей в деятельности коммерческих компаний (социологический анализ) // Наука. Общество. Государство. 2023. С. 111 – 113.
7. Симкачёва М.В. Социальные сети в профессиональной деятельности журналиста: практический аспект. Неофилология. 2023. С. 630 – 632.
8. Соломатин Д.Д., Соловьёв В.А. Блогинг как катализатор журналистики в медиасистеме России // Вестник науки и образования. 2019. С. 93 – 96.
9. Фокина О.А. Региональная повестка общероссийской периодики: теоретическая и эмпирическая модели // Вопросы теории и практики журналистики. 2012. С. 124 – 126.
10. Харлановой Ю.В. Использование социальных сетей как платформы для журналистской деятельности. Екатеринбург, 2019. 140 с.
11. URL: https://t.me/pravitelstvord (дата обращения: 15.09.2024).
12. URL: https://t.me/pravitelstvord/22207 (дата обращения: 16.09.2024).
13. URL: https://m.vk.com/lentadgu (дата обращения: 17.09.2024).
14. URL: https://youtube.com/@nnt_tv?si=6Mwq2nnr-02ypx5S (дата обращения: 18.09.2024).
15. URL: https://youtube.com/shorts/WgGHO2vBDWM?si=_Z-maDiHKXuhOI1M (дата обращения: 18.09.2024).
16. URL: https://youtu.be/WrfsnCF7s18?si=NlzvIn3TZ4Zhi86B (дата обращения: 18.09.2024).

References

1. Voroshilov V.V. Modern press service. Moscow: Knourus, 2021.
2. Davydov S.G., Zamkov A.V., Krasheninnikova M.A. Use of artificial intelligence technologies in Russian media and journalism. Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2023. P. 7 – 10.
3. Zagrutdinova O.R. Journalism, advertising and PR in modern society: a collection of scientific articles by master's and graduate students. Omsk: OmskGA Publishing House, 2021. 182 p.
4. Ogneva A.S. Social networks: concept, types, technological possibilities of promotion. Young scientist. 2021. P. 75 – 79.
5. Patyukov S.V. Social network: concept, history of origin, current state of affairs. Young scientist. 2017. 75 p.
6. Rosenberg N.V., Piterova A.Yu. Use of social networks in the activities of commercial companies (sociological analysis). Science. Society. State. 2023. P. 111 – 113.
7. Simkacheva M.V. Social networks in the professional activities of a journalist: a practical aspect. Neophilology. 2023. P. 630 – 632.
8. Solomatin D.D., Solovyov V.A. Blogging as a catalyst for journalism in the Russian media system. Bulletin of Science and Education. 2019. P. 93 – 96.
9. Fokina O.A. Regional agenda of all-Russian periodicals: theoretical and empirical models. Issues of the theory and practice of journalism. 2012. P. 124 – 126.
10. Harlanova Yu.V. Using social networks as a platform for journalistic activity. Ekaterinburg, 2019. 140 p.
11. URL: https://t.me/pravitelstvord (date of accessed: 15.09.2024).
12. URL: https://t.me/pravitelstvord/22207 (date of accessed: 16.09.2024).
13. URL: https://m.vk.com/lentadgu (date of accessed: 17.09.2024).

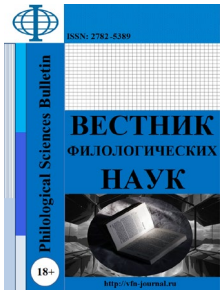
14. URL: https://youtube.com/@nnt_tv?si=6Mwq2nnr-02ypx5S (date of accessed: 18.09.2024).
15. URL: https://youtube.com/shorts/WgGHO2vBDWM?si=_Z-maDiHKXuhOI1M (date of accessed: 18.09.2024).
16. URL: https://youtu.be/WrfsnCF7s18?si=NlzvIn3TZ4Zhi86B (date of accessed: 18.09.2024).

Информация об авторах

Адылханова Э.А., *Дагестанский государственный университет, ernshody@gmail.com*

Ибрагимова П.А., *кандидат исторических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, patimaibragimova@mail.ru*

© Адылханова Э.А., Ибрагимова П.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81'367.625

[1] ***Вяльсова А.П.***

[1] ***Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет***

Парцеллированные деепричастные конструкции на границе языковой нормы и узуса

Аннотация: *статья посвящена деепричастиям, оторванным от основного предложения и являющимся предикатом независимого предложения. Языковые нормы, связанные с деепричастием, касаются в основном вопросов его образования и его совпадения с матричным предикатом по линии субъекта. Парцелляция деепричастия попадает в так называемую «серую зону», примеры из которой одни исследователи считают аномальными, а другие нормальными, рассматривая парцелляцию как средство экспрессивности. Однако в современном Рунете появились парцеллированные деепричастные конструкции в другой функции. Они сочетаются с начальными элементами «тем самым» и «таким образом» и оформляют заключительное предложение текста как вывод. Эти конструкции не встречаются в отредактированных текстах, так как, видимо, воспринимаются как нарушение нормы. При этом связь между основной частью и резюмирующим предложением осуществляется как на уровне лексики, так и на уровне грамматики. Деепричастная конструкция сохраняет моносубъектность с предшествующим предложением и соотносится с предикатами в предыдущем предложении. Выражая значения результата предшествующего действия, интерпретацию или оценку описанной выше информации, парцеллированные деепричастия соотнесены не только с предшествующим предложением, но со всем текстом в целом. Цель парцелляции деепричастия – подчеркнуть разницу между констатацией и интерпретацией, объективной и субъективной информацией в тексте.*

Ключевые слова: *деепричастие, парцелляция, норма, узус, результат, интерпретация и констатация, заключение, Рунет*

Для цитирования: Вяльсова А.П. Парцеллированные деепричастные конструкции на границе языковой нормы и узуса // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 144 – 150.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] ***Vyalsova A.P.***

[1] ***St. Tikhon's Orthodox University for Humanities***

Parceling adverbial participial constructions on the border of the language norm and usage

Abstract: *the article deals with adverbial participles detached from the main sentence and used as autonomous predicate. Language norms related to adverbial participles, mainly concern the questions of its formation and its matching with the matrix predicate on the subject-predicate line. Parcellation of adverbial participles falls into the so-called "gray area" of normativity, represented by examples that some researchers consider abnormal, while others consider normal, regarding parcellation as means of expressiveness. However, parceled adverbial participle constructions have appeared in the modern RuNet in a different function. They are combined with the initial elements "tem samym" and "takim obrazom" and organize the final sentence of a text as a conclusion. These constructions are not found in edited texts, since they are apparently concerned as a violation of the norm. The connection between the main part and the final sentence is carried out both at the level of vocabulary and grammar.*

The adverbial participle construction keeps matching the subjects and predicate of the preceding sentence. At the same time, expressing the meaning of the result of the preceding action, interpretation or assessment of the information described above, detached adverbial participles mark the connection not so much with the preceding sentence, but with the whole text. The purpose of parceling adverbial participle is to emphasize the difference between statement and interpretation, objective and subjective information in the text.

Keywords: *adverbial participle, parceling, norm, usage, result, interpretation and statement, conclusion, Runet*

For citation: Vyalsova A.P. Parceling adverbial participial constructions on the border of the language norm and usage. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 144 – 150.

The article was submitted: October 28, 2024; Approved after reviewing: November 09, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

В последние десятилетия с развитием Рунета усиливается противостояние нормы и узуса. Некоторые случаи употребления языковых единиц не только выходят за рамки рекомендованных норм, но оказываются вне зоны перечисленных в научной литературе ошибок.

Актуальность представленной работы обусловлена потребностью современной грамматики в фиксации аномальных языковых единиц в разных источниках Рунета с целью выявить тенденции в развитии языка.

Цели и задачи исследования – выявить парцеллированные деепричастные конструкции, представляющие собой автономный предикат резюмирующего предложения, определить их значения и проанализировать дискурсивные и прагматические аспекты их использования в современном Рунете.

Материалы и методы исследований

Для исследования примеров с парцеллированными деепричастиями применялись методы наблюдения и описания, позволяющие фиксировать и характеризовать необычные единицы языка. Для получения количественно-статистических данных был применен метод корпусных исследований. Материалом исследования послужили данные Генерального Интернет-Корпуса Русского языка (ГИКРЯ) [4], включающего как неотредактированные тексты из социальных сетей (орфография и пунктуация источника сохраняется во всех примерах), которые можно отнести к феномену устно-письменной речи, так и произведения из Журнального зала, опубликованные после редакторской правки, что позволяет оценить распространение парцеллированного деепричастного оборота в разных жанрах Интернет-дискурса.

Результаты и обсуждения

Норма употребления современного деепричастия, помимо вопросов образования самой формы [3], в основном регламентирует согласование деепричастного оборота с финитным глаголом предложения по линии субъекта: действие, выраженное деепричастием, и действие, выраженное финитным глаголом, должны быть совершены одним субъектом. Практически все исследователи признают некорректными конструкции с деепричастием, субъект которых семантически отличается от подлежащего основной части предложения: «…наиболее резко отклоняющиеся от нормы конструкции, называют независимыми или абсолютивными…» [5, с. 10]. При этом абсолютивность деепричастия понимается как семантическая, а не как синтаксическая характеристика формы.

Семантически абсолютивные конструкции с различными типами отступления от нормы субъектного согласования неоднократно анализировались в научной литературе, например, в работе В.А. Ицковича [7]. Расхождение нормы с узусом в согласовании деепричастного оборота, по мнению Н.К. Онипенко и О.С. Биккуловой, можно объяснить тем, что нормы ориентируются на «…деепричастие, принадлежащее диктуму и относящееся к тому же модусному плану, что и основной предикат», а узус предполагает семантически допустимыми конструкции с деепричастием, «которые без показателя субъекта прочитываются по 1-му лицу» [12, с. 223, 225].

Синтаксически независимые деепричастия в современном русском языке не рассматриваются, поскольку деепричастие мыслится как вторично-предикативная форма, неспособная организовывать отдельное предложение: «…любая форма слова, кроме деепричастия, в предложении может заключать в себе это значение (предикативности – А.В.); в деепричастии это значение присутствует только в сочетании со значением определительным – в обособленных оборотах» [15].

Интересно отметить, что в памятниках древнерусской письмености встречаются сопоставимые с современными деепричастиями «предикативные единицы с причастиями, не продчиненными никакому предикату с личной глагольной формой...» [6, с. 420]. Впрочем, Б.В. Кунавин считает, что появление оборотов, не

связанных с матричным предикатом, отражает процесс их утраты и превращения «из грамматического средства в своеобразный стилистический прием…» [10, с. 23-24]. Реликты древнего именительного самостоятельного – «независимые деепричастные синтагмы» – еще встречаются в памятниках XVIII века, но, по подсчетам Н.В. Патроевой, весьма редко используются поэтами, «поскольку никогда не признавались нормативными в грамматиках русского языка» [13, с. 311-312].

Между тем в современном языке деепричастные конструкции, составляющие независимые синтагмы, встречаются часто. Деепричастия могут оформлять эллиптические ответы с опущенной частью вопроса или парцеллированные конструкции. Парцелляция – это «такое инотонационное расчленение единой синтаксической структуры – предложения, в результате которого это предложение предстает в виде двух или более фраз. <…> Обособление части предложения создает благоприятные условия для его вынесения в парцеллят» [16, с. 59-60]. Обособление конструкции и парцелляцию сближает наличие интонационного выделение элемента предложения, повышение его статуса как предикативной единицы, при этом важно отметить, что парцеллированные конструкции ориентированы на предыдущую финитную форму и сохраняют согласование по субъекту и времени с предшествующим предложением. О.М. Чупашева рассматривает парцеллированные деепричастные конструкции как элемент нормы и пишет: «Показательно существование деепричастий – парцеллятов; они сохраняют синтаксические связи с соответствующими компонентами базового предложения независимо от того, связаны ли парцелляты с ними формально представленными связочными средствами или без таковых…» [18, с. 22]. Парцелляция может выполнять разные функции – от оценки и выделения важной информации [9, с. 49-50] до изображения, характеризации изображаемого с целью передачи субъективного отношения автора [17].

Рассуждая о природе выделения элемента предложения, Н.Д. Арутюнова обратила внимание на своеобразную конкуренцию грамматических и интонационных средств, которая связана с принципами построения разных типов прозы – иерархической и актуализирующей. В иерархической прозе, по ее мнению, «…предложения интегрируются в усложненный по своей внутренней организации синтаксический период, <…> причем особо важная роль отводится логическим по своему содержанию связям. Логические отношения устанавливаются и между самостоятельными высказываниями. Для этого используются такие вводные слова, как поэтому, итак, таким образом, вот почему, следовательно, вопреки этому, несмотря на это и т.п. <…> В актуализирующей прозе средствам синтагматической связи, в особенности подчинительным отношениям, отведена очень скромная роль, <…> отсутствуют вводные элементы, указывающие на логические отношения между словами…» [1, с. 482-483, 485].

Эти противопоставленные принципы организации текста комбинируются в ряде примеров из современного Рунета. В базе данных ГИКРЯ [4] были обнаружены 50 конструкций с деепричастием, отделенных от финитного глагола и вводимых языковыми средствами тем самым/этим самым и таким образом в разных функциях, устанавливающими логические отношения с предыдущим контекстом. Например, (1) Спорт стимулирует кровообращение и приводит мышцы в тонус. Таким образом делая кожу более гладкой и более подтянутой (2019); (2) Работу над проектом можно разбить на разделы и поручить разным людям. Тем самым ускорив процесс развития ресурс (2019) [4]. Интересно отметить, что подобные конструкции, но без парцелляции встречаются в НКРЯ в отредактированных текстах, например: (3) Есенин переносил свое признание на меня и при встречах называл меня «Беатрисочкой», тем самым приравнивая Маяковского к Данте (Л.Ю. Брик) [11]. Более того, в научных работах, в которых приводятся примеры парцелляции различных синтаксических средств в Интернете, парцеллированные деепричастные конструкции не встречаются [14].

Одной из проблем парцеллированных деепричастных конструкций с тем самым и таким образом является определение их отношения к норме. Пик употреблений данных конструкций падает на 2018 и 2019 гг. По данным ГИКРЯ, в эти годы зафиксировано по 36% от общего числа случаев, в то время как оставшиеся 28% распределены равномерно на временной оси с 2010 по 2020 г. (таблица 1).

В Журнальном зале указанные парцелляты не встречаются. Это можно объяснить тем, что в нем публикуются отредактированные тексты, в которых аномальные для современной нормы конструкции подвергаются правке. Интересно, что самый большой процент, а именно 78 % от всех конструкций, представляют примеры из Dzen – платформы, контент которой составляют в основном пространные статьи в отличие от Вконтакте и Живого Журнала, которые ограничиваются короткими комментариями, статусами и заметками.

С точки зрения семантики и дискурсивных функций рассматриваемые конструкции можно разделить на три группы конструкции, которые выражают результат предшествующего действия.

Например: (4) Поскольку кефир ускоряет пищеварение, он сокращает время переработки «долгих» продуктов. Тем самым, сохраняя энергию организма, которая тратится на переваривание пищи (2016). (5) В видео вы даете человеку критерии покупки, по которым вы выигрываете. Таким образом убивая 2-х зайцев. Во-

первых – завоевываете доверие человека. Во-вторых – показываете, что ваше предложение идеально вписывается в критерии (2018) [4]. Особенностью данных конструкций является логико-семантическая связь между предшествующим предложением и парцеллятом. Если удалить парцелляцию, то содержание предложения не изменится: (6) Здесь эмульсия вымывается после 1-2 мытья головы. Суть в том, что средство обволакивает сверху полотно, а не изнутри. Тем самым создавая кратковременный результат [4]. Ср.: Суть в том, что средство обволакивает сверху полотно, а не изнутри, тем самым создавая кратковременный результат.

Таблица 1

Употребление парцеллированных деепричастных конструкций «тем самым» и «таким образом».

Table 1

Use of parcelled participial constructions “thus” and “thus”.

№	Название источника	Таким образом	Тем самым/ этим самым
1	Dzen	4	35
2	Вконтакте	нет	2
3	Pikabu	нет	3
4	Журнальный зал	0	0
5	Живой Журнал	2	4

Подобные конструкции со значением следствия и союзом так что были рассмотрены Н.П. Галкиной, она замечает, что «в публицистических текстах следствия-выводы чаще оформляются в виде отдельных предложений, после описания события/ситуации, из которого делается вывод» [2, с. 197]. Однако примеры, приведенные в ее статье, свидетельствуют о том, что парцеллированная часть со значением вывода относится к другому субъекту, чаще выражает вывод-оценку автора, рассматриваемые же примеры с деепричастием моносубъектны, и, хотя элемент оценки все же присутствует, не всегда понятно, с чьей точки зрения делается такая оценка. Например, (7) Россия постепенно восстанавливает территориальную справедливость, возвращая по чуть-чуть свои законные земли. Тем самым спасая народ от различных репрессий (2018) [4]. В этом примере парцеллированная конструкция может быть прочитана и как оценка политики России, если ориентироваться на выделительную функцию парцелляции, и как интенция самой России, если учитывать единство деепричастного и глагольного действий конструкции, которые употребляются в функции вывода.

Резюмирующее значение данных конструкций поддерживается различными лексико-синтаксическими средствами. С одной стороны, «в качестве маркера концовки» исследователи указывают саму парцелляцию [8], с другой стороны, переход к заключительной части должен маркироваться такими средствами, как «частицы логического вывода из предыдущего рассуждения, слова и выражения для связи с только что сказанным…» Особенностью этих конструкций является то, что вывод относится не к предыдущему предложению, а ко всему тексту. Рассмотрим мини-текст: (8) В нашем урбанизированном обществе усиленно культивируется гипертрофированный почет к старшим по возрасту. Человеку еще только за пятьдесят, а ему уже спешат уступить место в транспорте, пропустить вперед в очереди, донести сумки. Близкие постоянно твердят: «посиди (или полежи) ты уже старый, силы не те, найдутся и помоложе тебя». Тем самым, активируя программу старости (2018) [4]. Первое предложение текста – это тезис, вводящий тему рассуждения. Далее этот тезис подтверждается двумя иллюстрациями, и завершается рассуждение выводом – парцеллированным деепричастным оборотом, – который равно относится как ко второму, так и к третьему предложениям, резюмируя доказательство. В ГИКРЯ было выявлено три случая семантического рассогласования с субъектом предыдущего отрывка, тем не менее функция вывода у деепричастной конструкции остается, видимо, «интонационное обособление доминирует над обособлением грамматическим» [1, с. 486]. Рассмотрим рассогласование субъектов, для удобства комментария предложения пронумерованы: (9) 1) Ведь девочки такие девочки. 2) Нежные принцессы и цветочки. 3)Только, к сожалению, не всегда эти цветочки отдают себе отчет в своем поведении. 4) При таком мужчине себя нужно вести достойно, иметь внутренний стержень, или хотя бы просто быть воспитанной. 5) Иначе зачем она ему нужна. 6) Должна быть уникальность, а зачастую только хабальство. 7) И вместо любви, поддержки и благодарности мужчина получает капризы, недовольство, истерики и показательные выступления на публику. 8) Тем самым отбивая всякое желание у мужчины, делать женщину счастливой (2020) [4]. Вывод характеризует поведение женщин в целом, описанное в предложениях 4), 6) и 7), а не только поясняет предложение 7), как это происходит в рассмотренном выше типе парцеллированных конструкциях. Видимо, автор семантически связывает деепричастие последнего предложения с действиями, описанными в предложении 7): капризы, недовольство, истерики, выступления, хотя подлежащее в предложении – мужчина и было бы корректно присоединить последнее вы-

сказывание в виде определительной части: капризы, которые отбивают…, однако автору важнее подчеркнуть вывод, чем соблюсти грамматическое согласование. Интересно отметить, что функция вывода может подчеркиваться пунктуационным средством – ошибочным выделением сочетания тем самым в качестве вводного слова, как это сделано в примере (8).

Конструкции, употребленные в значении интерпретации и оценки.

Особенностью этого типа можно назвать присоединительный характер независимого элемента. Характерными чертами присоединения, по мнению Г.И. Шпаревой, является «присоединение к законченному предложению» и «обязательная постпозиция по отношению к базовому предложению» [20, с. 279-280]. Важно также отметить, что независимая деепричастная конструкция этого типа не добавляет информативный, содержательный компонент в предыдущий текст, а дополняет его оценкой и пояснением. Например, (10) Смысл татуировки. <…> Ведь все равно нельзя не признать, что на теле многие люди устраивают настоящие шедевры. Этим самым украшая и улучшая свое тело (2019); (11) Через некоторое время бабушка заявила, что в окружении девушки есть очень сильный лунный энергетический вампир, который за счет нее получает энергию для себя, проделывая это спокойно, мягко. Тем самым лишая Катю сил (2019) [4]. Финитные глаголы выражают какое-то конкретное действие – устраивают шедевры, получает энергию, а деепричастная конструкция передает оценку автора или заинтересованного лица. Если удалить независимую деепричастную конструцию, то смысл фрагмента содержательно не изменится, однако наличие деепричастной конструкции в виде отдельной фразы позволяет подвести итог размышлениям, служит своеобразным выводом.

Выводы

Анализ парцеллированных деепричастных конструкций по материалам ГИКРЯ позволяет сделать следующие выводы.

Рассматриваемые конструкции не обсуждаются в научной литературе как случай нарушения нормы, при отсуствии рассогласования деепричастного предиката и главного предиката предыдущего предложения по линии субъекта парцелляция деепричастия допускается, что позволяет считать анализируемые конструкции нормативными. В то же время относительная немногочисленность данных конструкций и полное их отсуствие в материалах Рунета, подвергшихся редакторской правке, подчеркивают их узуальный, скорее, аномальный, а не нормативный характер.

Семантика деепричастных конструкций с тем самым и таким образом тяготеет к выражению результата, который может быть дополнен различными коннотациями, элементыми оценки и интерпретации. Дискурсивные свойства данных конструкций связаны с резюмирующими элементами текста – выводом, заключением, промежуточным итогом в аргументации, – что подчеркивается элементыми, вводящими конструкцию, собственно парцелляцией, иногда дополнительным пунктуационным оформлением начального элемента как вводного слова. По отношению к предыдущему контексту деепричастные конструкции могут рассматриваться как следствие ситуации, выраженной в предыдущем предложении, и как вывод ко всему тексту, при этом деепричастие, будучи нефинитной формой, удерживает связь с предыдущим контекстом и на грамматическом уровне. Отдельную группу составляют деепричастные конструкции со значением интерпретации и оценки, сближающиеся с присоединением, а не парцелляцией.

Пренебрежение авторов текстов нормами оформления обособленного члена предложения, а в некоторых случаях согласованием деепричастной конструкции, выделение ими оценочных элементов, повторы – все это позволяет сделать вывод о том, что говорящий ориентируется прежде всего на интонационное, а не на грамматическое оформление текста, что сближает тексты Рунета с разговорной речью.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
2. Галкина Н.П. Парцелляция как инструмент воздействия в публицистике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (164). С. 193 – 200.
3. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 2004. 555 с.
4. ГИКРЯ: 2.0. URL: https://int.webcorpora.ru/spring2/ (дата обращения: 11.10.2024).
5. Добрушина Е.Р. Абсолютивные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3. Филология. 2020. № 63. С. 9 – 18.
6. Живов В.М. История языка русской письменности: в 2 т. Т. 1. М., 2017. 816 с.
7. Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. М., 1982. 199 с.

8. Конюшкевич М.И. Концовка газетного текста. Статья первая. Язык и речь // Медиалингвистика. 2014. № 1 (4). С. 89 – 100.

9. Кузнецова М.А., Петропольский Д.И. Парцеллированные конструкции, как одно из средств выражения авторского текста // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2023. № 87-3. С. 49 – 51.

10. Кунавин Б.В. Причастные самостоятельные обороты в древнерусском языке. Владикавказ, 2008. 104 с.

11. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/new/ (дата обращения: 11.10.2024)

12. Онипенко Н.К., Биккулова О.С. Проблема деепричастной нормы и категория субъекта // Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии: сборник материалов конференции. Труды Института русского языка. 2016. № 10. С. 220 – 231.

13. Патроева Н.В. Абсолютные обособленные обороты в русской поэтической речи от Кантемира до Лермонтова // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/absolyutnye-obosoblennye-oboroty-v-russkoy-poeticheskoy-rechi-ot-kantemira-do-lermontova (дата обращения: 11.10.2024).

14. Полидовец Н.И. Некоторые особенности использования парцелляции в интернет-коммуникации // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 1. С. 106 – 111.

15. Русская грамматика. Синтаксис. Т. 2. М.: Наука, 1980. URL: https://rusgram.narod.ru/2739-2752.html#2746-1 (дата обращения: 11.10.2024).

16. Цумарев А.Э. Парцелляция в современной газетной речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: Ин-т рус. Языка, 2003. 178 с.

17. Черникова Н.В., Копылова Е.С. Приемы экспрессивного синтаксиса // Наука и образование. 2022. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-ekspressivnogo-sintaksisa (дата обращения: 11.10.2024).

18. Чупашева О.М. Грамматика русского деепричастия: дис. … канд. док. филол. наук: 5.9.5. Мурманск, 2008. 198 с.

19. Шестерина Е.А. Композиционно-содержательное построение выводов в немецких публицистических комментариях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 5. С. 86 – 94.

20. Шпарева Г.И. Парцелляция и присоединение: критерии разграничения // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 2. С. 276 – 283.

References

1. Arutyunova N.D. Language and the World of Man. Moscow: "Languages of Russian Culture", 1999. 896 p.

2. Galkina N.P. Parceling as a Tool of Influence in Journalism. Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2022. No. 1 (164). P. 193 – 200.

3. Graudina L.K. Grammatical Correctness of Russian Speech. Stylistic Dictionary of Variants. Moscow, 2004. 555 p.

4. GIKRYA: 2.0. URL: https://int.webcorpora.ru/spring2/ (date of access: 11.10.2024).

5. Dobrushina E.R. Absolute participles: norm and usage, microdiachrony and current situation. Bulletin of St. Tikhon's University for the Humanities. Series 3. Philology. 2020. No. 63. P. 9 – 18.

6. Zhivov V.M. History of the Russian written language: in 2 vol. Vol. 1. Moscow, 2017. 816 p.

7. Itskovich V.A. Essays on the syntactic norm. Moscow, 1982. 199 p.

8. Konyushkevich M.I. The ending of a newspaper text. Article one. Language and speech. Medialinguistics. 2014. No. 1 (4). P. 89 – 100.

9. Kuznetsova M.A., Petropolsky D.I. Parceled constructions as one of the means of expressing the author's text. National Association of Scientists (NAU). 2023. No. 87-3. P. 49 – 51.

10. Kunavin B.V. Participial independent phrases in the Old Russian language. Vladikavkaz, 2008. 104 p.

11. NKRYa – National Corpus of the Russian Language. URL: https://ruscorpora.ru/new/ (date of access: 11.10.2024)

12. Onipenko N.K., Bikkulova O.S. The problem of the adverbial participle norm and the category of the subject. Collection of materials of the conference "Grammatical processes and systems in synchrony and diachrony". Proceedings of the Institute of the Russian Language. No. 10. M., 2016. P. 220 – 231.

13. Patroeva N.V. Absolute isolated phrases in Russian poetic speech from Kantemir to Lermontov. Siberian Philological Journal. 2021. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/absolyutnye-obosoblennye-oboroty-v-russkoy-poeticheskoy-rechi-ot-kantemira-do-lermontova (date of access: 11.10.2024).

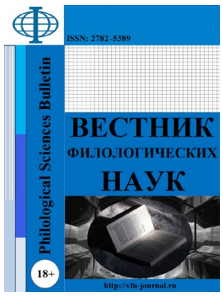
14. Polidovets N.I. Some features of the use of parceling in Internet communication. Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 106 – 111.

15. Russian grammar. Syntax. T. 2. M.: Nauka, 1980. URL: https://rusgram.narod.ru/2739-2752.html#2746-1 (date of access: 11.10.2024).
16. Tsumarev A.E. Parcellation in modern newspaper speech: dis. ... cand. Philol. Sciences: 10.02.01. M.: Institute of Russian. Yazyka, 2003. 178 p.
17. Chernikova N.V., Kopylova E.S. Techniques of expressive syntax. Science and education. 2022. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-ekspressivnogo-sintaksisa (date of access: 11.10.2024).
18. Chupasheva O.M. Grammar of the Russian participle: dis. … cand. doc. philological sciences: 5.9.5. Murmansk, 2008. 198 p.
19. Shesterina E.A. Compositional and meaningful construction of conclusions in German journalistic commentaries. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2022. No. 5. P. 86 – 94.
20. Shpareva G.I. Parceling and joining: criteria for delimitation. Bulletin of the Mari State University. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 276 – 283.

Информация об авторах

Вяльсова А.П., *кандидат филологических наук, Правосалвный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), vyalsova@yandex.ru*

© Вяльсова А.П., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82.091: 821.512.37

[1] Коваева Б.М., [1] Корнякова Д.Н., [1] Манджиев А.Д., [1] Сенькеева Э.А.

[1] Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

Художественный мир прозы А. Бадмаева (на материале романа «Там, за далью непогоды»)

Аннотация: *в статье рассматривается художественный мир прозы А. Бадмаева на материале романа «Там, за далью непогоды». Автор анализирует основные темы произведения и образы главных и второстепенных персонажей, их взаимодействие и влияние на развитие сюжета. Особое внимание уделяется культурному и историческому контекстам, в которых разворачиваются события романа. Для достижения поставленных целей использованы методы текстового анализа, сравнительного исследования и системного подхода, что способствует глубокому изучению литературных и социальных аспектов произведения.*

Исследования подобного плана способствуют более глубокому осмыслению творческого наследия Алексея Бадмаева и его роли в формировании калмыцкой литературы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов в процессе преподавания курса по истории калмыцкой литературы второй половины XX века, спецкурсов и спецсеминаров, посвященных теории и истории калмыцкой прозы, а также для подготовки пособий и справочной литературы по проблемам развития прозы и для комментированного издания произведений писателя.

Ключевые слова: *художественный мир, проза, роман, калмыцкая литература, персонажи, исторический контекст, отношения, социальные конфликты, литературное наследие, развитие сюжета*

Для цитирования: Коваева Б.М., Корнякова Д.Н., Манджиев А.Д., Сенькеева Э.А. Художественный мир прозы А. Бадмаева (на материале романа «Там, за далью непогоды») // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 151 – 156.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Kovaeva B.M., [1] Kornyakova D.N., [1] Mandzhiev A.D., [1] Senkeeva E.A

[1] Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

The artistic world of A. Badmaev's prose (based on the novel "There, Beyond the Bad Weather")

Abstract: *the article examines the artistic world of A. Badmaev's prose based on the novel "There, Beyond the Bad Weather". The author analyzes the main themes of the work and the images of the main and secondary characters, their interaction and influence on the development of the plot. Particular attention is paid to the cultural and historical contexts in which the events of the novel unfold. To achieve the stated goals, the methods of text analysis, comparative research and systems approach were used, which contributes to an in-depth study of the literary and social aspects of the work.*

Research of this kind contributes to a deeper understanding of the creative heritage of Alexei Badmaev and his role in the formation of Kalmyk literature. The practical significance of the study lies in the possibility of using the results in the process of teaching a course on the history of Kalmyk literature of the second half of the 20th century, special courses and special seminars devoted to the theory and history of Kalmyk prose, as well as for the prepara-

tion of manuals and reference literature on the problems of the development of prose and for an annotated edition of the writer's works.

Key words: *fiction, prose, novel, Kalmyk literature, characters, historical context, relationships, social conflicts, literary heritage, plot development*

For citation: Kovaeva B.M., Kornyakova D.N., Mandzhiev A.D., Senkeeva E.A. The artistic world of A. Badmaev's prose (based on the novel "There, Beyond the Bad Weather"). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 151 – 156.

The article was submitted: October 28, 2024; Approved after reviewing: November 09, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

«Художественный мир» является одной из ключевых категорий в отечественном литературоведении. Это явление было подробно рассмотрено такими исследователями, как Д.С. Лихачев [10], Ф.П. Федоров [11], М.Л. Гаспаров [2], В.Н. Хализев [12] и другими.

Несмотря на давнюю традицию использования термина, понятие «художественный мир» в литературоведении до сих пор остается недостаточно определенным. Следует отметить, что в наиболее известных словарях и энциклопедиях этот термин не представлен, хотя учебные пособия для вузов уделяют ему значительное внимание. Такое положение дел указывает на то, что понятие «художественный мир» в значительной степени нуждается в конкретизации.

Разные толкования понятия «художественный мир» можно увидеть в научных работах, где исследователи, анализируя произведения, обращаются к различным аспектам: от стиля до концептуального плана. Большинство авторов не предоставляют четкого определения данного термина, полагая, что он уже имеет достаточную определенность или не нуждается в дополнительном пояснении.

Существует несколько определений «художественного мира», мы выделим некоторые из них, которые, на наш взгляд, дают более конкретизированное понимание этого термина.

Значимым этапом в комплексном изучении данной категории стала статья Д.С. Лихачева «Внутренний мир художественного произведения». Д.С. Лихачев определяющими параметрами художественного мира считает пространство и время. В пространстве существуют как герои, так и предметный мир, а во времени разворачиваются события, составляющие фабулу. По мнению автора, необходимо различать такие категории, как пространство / образ пространства и время / образ времени. В случае с категориями пространства и времени должны быть обозначены пространственные и временные локации и их границы. Образы пространства и времени определяются через оппозиции замкнутость / открытость, свое / чужое, линейность / цикличность, то есть характеристики, включающие в себя оценку [9].

М.Л. Гаспаров пишет: «Художественный мир текста, представляется теперь, есть система всех образов и мотивов, присутствующих в данном тексте. Потенциальным образом является каждое существительное (с определяющим потенциальным мотивом – каждый глагол (с определяющими его наречиями), то описью художественного мира оказывается полный словарь знаменательных слов соответственного текста» [2].

Изучение и систематизация различных подходов к проблеме показало, что наиболее приемлемым для рассмотрения в данной работе является определение В.Е. Хализева, включающего «художественный мир произведения» в максимально обоснованную и многоуровневую систему средств художественной выразительности: от общих эстетических принципов автора до детализированной характеристики отдельных персонажей, жанрового своеобразия, а также композиционно-стилистических особенностей [13].

В данной статье анализируется система персонажей как важный компонент художественного мира в произведении А. Бадмаева «Там, за далью непогоды» [1].

В этом романе представлены различные типы героев, каждый из которых играет свою уникальную роль в развитии сюжета и раскрытии центральных тем произведения. Наиболее характерные типы героев следующие: главный герой, второстепенные герои, антигерой, мудрый наставник, герой-помощник, трагический герой, эпизодические герои.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является текст романа А. Бадмаева «Алтн шорад даргддго» («Там, за далью непогоды») на калмыцком и русском языках.

В работе с целью анализа художественного мира прозы Алексея Бадмаева как организованной системы, воплотившей индивидуально-авторский образ мира, используется системный подход, объединяющий

культурно-исторический, структурно-функциональный, сопоставительный методы, а также метод сравнительного анализа и конкретно-исторического рассмотрения.

Результаты и обсуждения

Алексей Бадмаев – крупнейший прозаик, народный писатель Калмыкии, ветеран Великой Отечественной войны, Заслуженный работник культуры РФ, Лауреат Государственной премии Калмыцкой АССР имени О.И. Городовикова, член Союза писателей России, Почетный гражданин Республики Калмыкия. Его имя известно во многих странах мира.

Он родился в 1924 г. в хотоне Бага-Ханата Калмыцкой автономной области (ныне – Малодербетовский район Республики Калмыкия). После окончания средней школы в 1942 г. стал курсантом минометного военного училища, откуда позже ушел на фронт. Принимал участие в Сталинградской битве и в ожесточенных боях у реки Миус.

В 1964 г. вышел в свет первый роман А. Бадмаева «Алтн шорад даргддго» («Там, за далью непогоды»), в котором автор освещает трагические страницы истории калмыцкого народа: годы войны и депортации калмыков в Сибирь, а также тяготы фронтовиков-калмыков в Широклаге.

В романе показаны судьбы героев, в которых отражены боль и страдания калмыцкого народа. Автор с большим сочувствием передает мучения того времени, правдиво показывая физические испытания и глубокие душевные переживания людей, оказавшихся в условиях войны и жестокой депортации.

Сюжет разворачивается на Алтае в начале 1950-х годов, но активно перекликается с событиями военных лет, что определяет общий ход повествования.

Герои романа – агроном Бораев, директор МТС Светлов и парторг Молчанов – все они являются бывшими воинами, и в каждом из них отчетливо просматриваются черты биографии автора. Эти персонажи олицетворяют собой мужество и стойкость, проявленные в годы войны, и их истории переплетаются с общими темами дружбы, преданности и борьбы за лучшее будущее.

В произведении представлены живые и непосредственные зарисовки сражений Великой Отечественной войны, которые погружают читателя в атмосферу того времени. Автор мастерски передает не только физические страдания, которые пережили солдаты, но и моральные испытания, с которыми им пришлось столкнуться. Эти сцены служат напоминанием о ценности мира и о том, какую цену заплатил народ за свободу.

Основное действие сосредоточено на жизни нескольких семей калмыков в алтайском селе Макарово. Каждый день приносит свои испытания и радости, и через призму жизни этих семей автор отражает более широкие социальные и культурные процессы, происходящие в обществе. Внимание к деталям, описания быта и традиций позволяют глубже понять калмыцкую культуру и ее ценности.

События романа Алексея Бадмаева «Там, за далью непогоды» разворачиваются в одном из районов Сибири. Тяжелые военные годы оставили свой след на характерах людей и их поведении.

На братской дружбе людей строится основа взаимопомощи и поддержки в трудные времена. С одной стороны, мы видим страдающих, голодных и обездоленных калмыков, которые переживают тяжелые испытания, связанные с утратой родины и лишениями. С другой стороны, сердобольные и сочувствующие им сибиряки, которые, несмотря на трудности и нищету, находят силы и желание делиться с депортированными людьми последним куском хлеба.

Эта ситуация подчеркивает, как в моменты кризиса проявляются лучшие человеческие качества. Такое взаимодействие между разными народами и культурами становится символом надежды и свидетельством того, что настоящая сила заключается в единстве и взаимопомощи. Эта братская дружба служит примером того, как можно преодолеть любые преграды и трудности, сохраняя при этом человечность и сострадание.

Повествование начинается с самоотверженного поступка чабана Сакила, который совершает его ради спасения колхозной отары. Примеру Сакила следуют все сознательные члены колхоза под руководством коммунистов. Люди в романе объединены общим стремлением восстановить и развивать разрушенное войной народное хозяйство.

Трудно выделить этих людей в коллективе по их национальным признакам. Калмыки Адучи Бораев, Сакил и Альма, а также русские Федор Молчанов, Иван Иванович Светлов и Матрена Семеновна – все они превосходят любые предрассудки и объединены своим коммунистическим мировоззрением. Никто и ничто не может поколебать этих людей в их стремлении понять смысл человеческого счастья, ради которого они живут и трудятся. Они готовы отдать все, что имеют, пожертвовать своим личным благополучием ради достижения этой благородной цели.

Сплоченность и решимость этих людей становятся примером для окружающих, демонстрируя, как важно объединяться ради общего блага. Взаимопомощь и поддержка становятся основными принципами их

жизни, и каждое достижение воспринимается как общий успех, а каждое испытание – как совместная трудность, которую необходимо преодолеть вместе.

Главный герой романа – фронтовик Адучи, человек с активной жизненной позицией, который отличается справедливостью и открытостью. Он пользуется большим уважением среди окружающих.

Адучи прошел через тяжелые испытания на фронте, что закалило его характер и сформировало глубокое понимание человеческих ценностей. Он не боится защищать слабых и отстаивать свои убеждения, являясь примером для окружающих и убеждая в том, что совместными усилиями можно преодолеть любые трудности.

До войны Адучи работал агрономом, применяя свои знания и усилия развитию сельского хозяйства в родных степях. Однако с началом войны жизнь Адучи кардинально изменилась. Он, как и многие другие, был призван на фронт. Позже Адучи вместе с товарищами оказался в Широклаге, где столкнулся с нечеловеческими условиями. Это время стало для него настоящим испытанием, требующим не только физической силы, но и моральной стойкости.

Несмотря на трудные условия, Адучи не терял надежды. Он продолжал верить в будущее и в то, что после войны можно будет вернуться на свою родину.

В романе А. Бадмаев выводит отрицательных героев как отклонение от коммунистического идеала. Зная, что рядом с такими людьми, как Адучи, Светлов, Молчанов, Матрена Семеновна и Альма, чиновники вроде Чопорова и Темникова не могут внести диссонанс в оптимистичное звучание романа, автор не жалел средств на изображение их пороков. Не опасаясь нежелательных последствий «сгущения красок», А. Бадмаев последовательно накапливает доказательства, ведя гражданский суд над теми, кто в те нелегкие годы олицетворял чиновничество и бюрократизм [3].

В образах отрицательных героев – коменданта Чопорова и председателя райисполкома Темникова – ярко обобщены характеристики носителей советской системы. Оба персонажа олицетворяют собой те негативные черты власти, которые были присущи тому времени.

Комендант Чопоров является фигурой с ярко выраженным авторитарным характером. Его жесткость и склонность к репрессиям отражают тоталитарный подход к управлению, когда личные интересы и амбиции ставятся выше человеческой жизни. Чопоров использует свою власть для подавления и запугивания, что делает его символом угнетения и беззакония. Председатель райисполкома Темников, в свою очередь, является примером бюрократической бездушности. Его действия продиктованы не заботой о людях, а стремлением к карьере и поддержанию системы. Темников олицетворяет собой тех, кто в погоне за служебным ростом и благами забывает о своих обязанностях перед обществом и людьми, которые его окружают.

Среди женских образов романа особенно выделяются два главных персонажа – русская женщина Матрена Семеновна и калмычка Альма. Эти женщины значительно различаются по многим параметрам: возрасту, темпераменту, манерам поведения и образу жизни.

Матрена Семеновна, пережившая утрату мужа на войне, в тяжелые послевоенные годы вынуждена самостоятельно заботиться о своих детях. Она привыкла к тяжелому труду и не была избалована удачей, что позволяет ей с достоинством и удивительной легкостью нести на своих плечах тяжелое бремя. Матрена работает в колхозе с раннего утра до позднего вечера, одновременно ведя домашнее хозяйство и заботясь о благополучии дома и детей.

Её сила духа и стойкость в условиях непосильных трудностей делают её ярким примером женской самоотверженности. Она олицетворяет собой стойкость и смелость, которые необходимы для преодоления жизненных трудностей. Матрена Семеновна – это не просто мать и работница, но и символ надежды и упорства, способная справляться с любыми преградами, которые ставит перед ней жизнь.

Эта добрая русская женщина, обладая честным и сострадательным сердцем, тянется к Альме, которая, в свою очередь, отвечает ей взаимной симпатией. Постепенно их отношения перерастают в настоящую дружбу. Матрена Семеновна, уверенно ощущая себя в роли «русской бедовой бабы», готова заступиться за тех, кто в этом нуждается. Она относится к Альме с легким покровительством и всегда готова прийти на помощь подруге в трудную минуту.

Альма, скромная и тихая, нуждается в защите. Её жизнь сложилась крайне неудачно: в юности ее сосватали за Сангаджи – человека аморального и хитрого. Когда пришло время, Альма стала его женой, однако любви к нему она никогда не испытывала. Вместо этого в её сердце постепенно поселяется чувство ненависти.

Сангаджи, пытаясь наладить отношения с женой и завоевать её сердце, сталкивается с неудачами, что приводит к его озлоблению. Осознав, что не может добиться желаемого, он начинает жестоко обращаться с Альмой. Это только усугубляет её страдания и чувство одиночества, делая ее жизнь невыносимой. В такой

сложной ситуации поддержка и дружба Матрены Семеновны становятся для Альмы жизненно важными, помогая ей справляться с трудностями и находить силы для борьбы за своё счастье.

Узнав об этом, Матрена Семеновна решительно становится на защиту подруги в самый нужный момент. Однако Сангаджи, лишенный стыда и раскаяния, начинает плести интриги против Матрены Семеновны, видя в ней своего главного врага.

Однажды, будучи сторожем, Матрена Семеновна была вынуждена взять немного зерна со склада. Не успев уведомить начальство об этом, она становится жертвой манипуляций Сангаджи, который обвиняет ее в расхищении народного добра. Ловкий интриган так обосновывает свою клевету, что многие начинают верить ему.

Тем временем в семье Сангаджи продолжают развиваться события. Альма всё настойчивее протестует против поведения мужа, требуя прекратить его воровство и признаться во всем. Однако Сангаджи игнорирует ее требования, считая слова жены бредом сумасшедшей.

Обвинение Матрены в воровстве со стороны Сангаджи становится последней каплей, которая переполняет чашу терпения Альмы. Молчать больше нельзя: в этой ситуации молчание – это трусость и подлость.

Альма решает совершить нравственный подвиг – разоблачить преступные махинации мужа и одновременно спасти честного человека, свою подругу.

Выводы

Таким образом, глубокий художественный мир романа раскрывается через образы простых людей, которые сохранили свои человеческие качества, невзирая на все трудности и испытания, с которыми им пришлось столкнуться. Автор изображает повседневную жизнь людей, их борьбу за выживание и стремление к справедливости. Каждый из них представляет собой уникальную историю, отражающую общечеловеческие стремления и переживания. А. Бадмаев также пишет о социальной несправедливости и предательстве, с которыми сталкивались калмыки в годы войны и насильственной депортации. Он поднимает вопросы чести и достоинства, заставляя читателя задуматься о том, что значит быть частью сильного народа, который пережил такие неимоверные трагедии. Роман «Там, за далью непогоды» стал важным произведением как для калмыцкой литературы, так и для всей отечественной прозы, так как в нем затронуты темы, актуальные для многих народов, переживших тяготы войны и депортации. Этот первый роман автора получил высокую оценку литературных критиков и читателей. Исследование художественного мира прозы А. Бадмаева способствует развитию калмыцкой литературной традиции, позволяя более полно оценить ее место в контексте отечественной литературы.

Список источников

1. Бадмаев А.Б. Там, за далью непогоды. Роман / пер. с калм. А. Николаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 312 с.
2. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 1. М., 1997. 662 с.
3. Джамбинова Р.А. Проблемы современного калмыцкого романа // Современный литературный процесс и литературная критика в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 77 – 87.
4. Лаптева Н.А. Система образов в автобиографическом рассказе Ф.И. Чудакова «Редакционное собрание» // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 91 – 99.
5. Лаптева Н.А. Художественный синтез эпического и драматического в очерке Ф.И. Чудакова «Навстречу тучам» // Филология: научные исследования. 2022. № 3. С. 1 – 11.
6. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.
8. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74 – 87.
9. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. СПб.: Алтей, 1997. 585 с.
10. Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. М.: Художественная литература, 1981. 520 с.
11. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. 454 с.
12. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. 4-е изд. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.
13. Хализев В.Е. Художественный мир писателя и бытовая культура: на материале произведений Н.С. Лескова. М.: Наука, 1982. 304 с.

References

1. Badmaev A.B. There, Beyond the Bad Weather. Novel. Trans. from Kalmyk by A. Nikolaeva. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1966. 312 p.
2. Gasparov M.L. Selected Works. Vol. 1. Moscow, 1997. 662 p.
3. Dzhambinova R.A. Problems of the Modern Kalmyk Novel. Modern Literary Process and Literary Criticism in Kalmykia. Elista: KNIIYALI, 1977. P. 77 – 87.
4. Lapteva N.A. The System of Images in the Autobiographical Story of F.I. Chudakov “Editorial Meeting”. Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin. 2020. No. 3 (68). P. 91 – 99.
5. Lapteva N.A. Artistic synthesis of the epic and dramatic in the essay by F.I. Chudakov "Towards the clouds" // Philology: scientific research. 2022. No. 3. P. 1 – 11.
6. Literary encyclopedic dictionary. Ed. by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1987. 752 p.
7. Literary encyclopedia of terms and concepts. Ed. by A.N. Nikolyukin. Moscow: NPK "Intelvak", 2001. 1600 p.
8. Likhachev D.S. The inner world of a work of art. Questions of Literature. 1968. No. 8. P. 74 – 87.
9. Likhachev D.S. Historical Poetics of Russian Literature. SPb.: Altey, 1997. 585 p.
10. Likhachev D.S. Literature – Reality – Literature. Moscow: Fiction, 1981. 520 p.
11. Fedorov F.P. Romantic Artistic World: Space and Time. Riga: Zinatne, 1988. 454 p.
12. Khalizev V.E. Theory of Literature: Textbook. 4th ed. Moscow: Higher School, 2004. 405 p.
13. Khalizev V.E. The Artistic World of a Writer and Everyday Culture: Based on the Works of N.S. Leskov. M.: Nauka, 1982. 304 p.

Информация об авторах

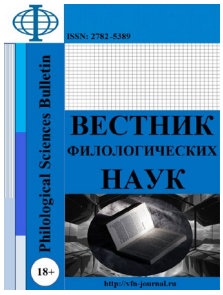
Коваева Б.М., *кандидат филологических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова*

Корнякова Д.Н., *Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова*

Манджиев А.Д., *Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова*

Сенькеева Э.А., *Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова*

© Коваева Б.М., Корнякова Д.Н., Манджиев А.Д., Сенькеева Э.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.111

[1] Реут Е.Н., [1] Пашаева Т.Н. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Типология женских характеров. Тип «тургеневской девушки»

Аннотация: *статья посвящена типологии женских образов и характеров в романах и повестях Ивана Сергеевича Тургенева. Выделяются три основных типа героинь: тип «тургеневской девушки», обладающей преданностью, чистотой, загадочностью и умением любить; «демонический» тип женщин, являющие жестокими, властительницами, которые хотят завладеть мужчиной; «жертвы» любви, у которых любовь – это испытание, проверка сил человека. В работе более подробно рассматривается тип «тургеневской девушки». Каждый образ героинь И.С. Тургенева психологичен и уникален.*

Ключевые слова: *творчество И.С. Тургенева, типология, женские образы, «тургеневская девушка»*

Для цитирования: Реут Е.Н., Пашаева Т.Н. Типология женских характеров. Тип «тургеневской девушки» // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 157 – 162.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Reut E.N., [1] Pashaeva T.N. ***[1] Dagestan State University***

Typology of female characters. The type of "Turgenev girl"

Abstract: *the article focuses on the classification of female characters and images created in novels and short stories by Ivan Sergeyevich Turgenev. Three main types of heroines are distinguished: the type of "Turgenev girl", possessing devotion, purity, mystery and the ability to love; the "demonic" type of women, who are cruel, rulers who want to take possession of a man; "victims" of love, for whom love is a test, a check of human strength. The work examines the type of "Turgenev girl" in more detail. Each image of the heroines of I.S. Turgenev is psychological and unique.*

Keywords: *creativity of I.S. Turgenev, typology, female images, "Turgenev girl"*

For citation: Reut E.N., Pashaeva T.N. Typology of female characters. The type of "Turgenev girl". Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 157 – 162.

The article was submitted: October 28, 2024; Approved after reviewing: November 09, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

Иван Сергеевич Тургенев занимает одно из центральных мест среди выдающихся представителей 19 века. В его произведениях можно найти многообразие женских характеров и типов. Есть героини, которые воплощают идеал духовной красоты и внутренней силы, преданность и любовь, а есть женщины-демоны, которые не знают ничего о настоящей любви, но целью своей считают – завоевание мужчины. Каждая героиня несет в себе уникальные черты, отражая сложные эмоциональные и социальные аспекты жизни своего времени.

Как известно, благодаря произведениям И.С. Тургенева в литературоведении появилось такое понятие, как «тургеневская девушка» или «тургеневская барышня», которое впоследствии стало нарицательным. Это общее название главных женских образов в повестях и романах писателя и, как правило, это преданная, чувственная, загадочная, серьезная, богобоязненная и образованная девушка, которая обладает богатым внутренним миром, но не наделенная особой красотой: «серые глаза», «смуглая», «бледное лицо», «худая», «большой нос», «сжатый рот», «острый подбородок». В вопросе о долге и чувстве, решается в пользу долга.

Период, в который творил Тургенев, отмечен значительными социальными и культурными преобразованиями. Женские образы, создаваемые автором, отражают не только личные переживания, но и общественные реалии. «Тургеневская девушка» становится символом нового времени, когда женщины начинают выходить за рамки традиционных ролей и стремиться к самореализации.

Вопрос о типах женских характеров в русской литературе XIX века находит поэтическое отражение в произведениях И.С. Тургенева. Его героини, воплощающие идеалы «тургеневской девушки», становятся знаковыми для понимания общественных и культурных метаморфоз того времени. В данной статье мы проанализируем основные черты этого типа на примере персонажей Тургенева, опираясь на богатый литературный контекст.

Лирический образ «тургеневской девушки» выразился в таких героинях, как Марья Павловна («Затишье»); Вера Николаевна («Фауст»); Ася («Ася»); Лиза Калитина («Дворянское гнездо»); Елена Стахова («Накануне»).

Полной противоположностью «тургеневских барышень» является «хищный» или «демонический» тип женщин – это жестокие героини, властительницы, для которых, главное – завладеть мужчиной. Они – обладательницы яркой внешности, что отличает их от других тургеневских героинь: «прелестнейшая шея», «удивительные плечи», «удивительный стан», «алые губы». К ним относятся Варвара Павловна («Дворянское гнездо»); Мария Полозова («Вешние воды»); Клара Милич («Клара Милич» / «После смерти»).

Далее, можно выделить третий тип – «жертвы» любви или «обыкновенные» женщины, к которым причисляются: Зинаида Александровна («Первая любовь»), Джемма Розелли («Вешние воды») и Фекла Машурина («Новь»). Это героини, у которых любовь закончилась изменой или трагедией. Они испытали любовь, способная сломить.

Как справедливо отмечает Г. Винникова, идеал «тургеневской девушки» часто связан с межличностными конфликтами, возникающими в условиях социального и культурного давления. Эта проблема становится центральной в драмах женского самоидентификации, что визуализируется в терзаниях героинь.

В.А. Недзвецкий в статье «И.С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя» предложил следующую типологию тургеневских героинь: образ «тургеневской девушки»; «женщины скромных личных запросов, довольствующихся традиционным женским уделом чадолюбивой матери и преданной супруги» [14].

В статье «Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова» Д.И. Писарев пишет, что в трудах И.С. Тургенева – много великолепно отделанных женских характеров [6]. Критик сосредоточил свое внимание на таких тургеневских героинях, как Ася, Лиза Калитина и Елена Стахова. Тургенев в своих произведениях выводит женщин на сложный моральный выбор, показывая их внутренний мир, стремления и конфликты с обществом.

Типология тургеневских героинь многогранна и вдохновляет на размышления о важнейших социальных и личных вопросах того времени, а также нашей реальности. Каждый образ – это не только литературный персонаж, но и отражение глубинных человеческих поисков, стремлений и противоречий.

В произведениях Тургенева героини сталкиваются как с внешними, так и с внутренними конфликтами. В Фаусте героиня иллюстрирует интеллектуальный поиск в условиях моральной неустойчивости, что подвергает сомнению традиционные взгляды на женщину. Это сопоставляется с анализом Писарева, который указывает на то, что эти персонажи отражают более широкий круг женских типажей в русской литературе.

Кроме того, Тургенев в своих произведениях создает живую картину внутреннего мира своих героинь, подчеркивая их личные стремления и страхи. Их судьбы служат индикаторами моральных и социальных изменений в обществе.

Цель статьи рассмотреть и проанализировать тип «тургеневских девушек».

Материалы и методы исследований

Материалом для данного исследования послужили повести и романы И.С. Тургенева. Методы исследования: сопоставительный, компонентный, сравнительно-типологический, аналитический.

Результаты и обсуждения

В героине повести «Затишье» – Марии Павловне, И.С. Тургенев подчеркивает качества, свойственные «тургеневской барышне»: способность чувствовать, преданность слову и ненависть ко лжи. Писатель срав-

нивает Марию с древнеримскими богинями «Церерой или Юноной» [1], отмечая в ней женственность, любовь к природе, земле и считает хранительницей семейного очага. Автор подчеркивает ее строгость и недружелюбие не только словами, но и тщательно продуманным портретом, который раскрывает внутренний мир героини: «…лоб ее был широк и низок, нос короток и прям; ленивая и медленная усмешка изредка кривила ее губы; презрительно хмурились ее прямые брови...» [1]. Мария Павловна – центральная фигура повести, обладающая многослойным характером и глубокой внутренней силой. Она представляет собой сложный образ, сочетающий в себе не только женскую мудрость, но и уязвимость, которая делает её особенно близкой и понятной читателю. Ее жизнь наполнена моментами, которые формируют её восприятие мира. Мария и терпеливость, и решительность: она из тех женщин, которые способны встретить жизненные трудности с высоко поднятой головой, не теряя при этом внутреннюю гармонию.

Тургенев мастерски подбирает детали, которые углубляют понимание ее личности: шершавая прическа, угловатые черты лица, которые создают впечатление жесткости и отчужденности. Эти характеристики портрета не просто служат описанием внешности, но формируют полноценный образ человека, который, несмотря на свои недостатки, таит в себе глубокие внутренние переживания и крепкие моральные установки. Девушка отрицает поэзию, она считает, что в ней «все… сочинено, все неправда…» [1], и лишь стихотворение «Анчар» А.С. Пушкина оказало огромное влияние на героиню. Марию Павловну вдохновляет любовь к семье и родным. Она стремится создать вокруг себя атмосферу уюта и тепла, даже в самые трудные времена. Её забота о близких, желание защитить их от внешних невзгод, подчеркивают её материнские и жертвенные качества.

Важной чертой Марии Павловны является её способность к самопожертвованию. Она часто ставит интересы других выше своих собственных, что делает её настоящей героиней в глазах окружающих. Но за этой жертвенностью скрывается и болевая сторона – чувство одиночества и непонятости.

Непрекращающийся внутренний конфликт, с которым сталкивается Мария, отражает борьбу многих женщин её поколения. Они находятся на грани между семейными обязанностями и личными мечтами, и эта дихотомия делает их жизнь насыщенной, но одновременно и болезненной.

Мария Павловна – это не просто героиня повести, а символ многих женщин, которые в привычной жизни ищут свой путь, стараясь сохранить баланс между материнством и самоопределением. Её образ вызывает глубокие размышления о том, как важно быть сильным, но в то же время позволять себе быть уязвимым.

Через портрет Тургенев акцентирует внимание на конфликте между внутренним состоянием Марии и ее внешней формой. Этот образ раскрывает сложность человеческих чувств и противоречий, что является характерной чертой творчества автора.

Вера Николаевна Ельцова – героиня повести «Фауст» предстает перед нами, как типический образ тургеневской девушки, которая готова идти до конца, преодолевая любые препятствия. Она воспитывалась на естественных науках и имела блестящий ум, но художественной литературы в её жизни не было. С героиней мы знакомимся во втором письме Павла Александровича к Семену Николаевичу. Он сравнивает шестнадцатилетнюю и двадцативосьмилетнюю Веру и приходит к выводу, что за эти годы девушка вовсе не изменилась, данное состояние Веры было связано с воспитанием, ведь она жила под строгим руководством своей матери, которая пыталась «оберечь» свою дочь от неправильных поступков, людей, душевных переживаний и страстей. Вера Николаевна была замужней женщиной и матерью троих детей. Брак не был счастливым, поскольку героиня вышла замуж по воле родителя. После встречи с Павлом Александровичем, героиня познает настоящую любовь «Вера Николаевна полюбила так сильно, что забыла и мать, и мужа, и обязанности…» [6]. Именно мужчина знакомит ее с литературой, он читает вслух трагедию Гёте «Фауст», которая произвела огромное впечатление на Веру. Казалось бы, на мгновение героиня почувствовала сладость жизни и свободы, но внутренний мир, её мысли об умершей матери не давали покоя и, не справившись с этим, она заболевает и умирает.

Ася – один из самых поэтичных женских образов Тургенева, относящийся к типу «тургеневской девушки». Это девушка-загадка, является олицетворением искренности и чистоты, противостоящей буржуазным устоям и лицемерию общества той эпохи, она одновременно чувствительна и сильна, мечтательна и приземлённая. Ася – девушка восемнадцати лет, с собственными взглядами на жизнь и твердым характером. Она очень любопытна, не хочет жить обычной жизнью, а пытается добиться того, что будет делать ее счастливее. Д.И. Писарев считает, что героиня одновременно и живет, и размышляет о жизни, поддается новым ощущениям, но и пугается их, потому что ей неведомо о том, что могут они дать ей в скором времени [6]. В своей статье «Русский человек на Rendez-Vous» Н.Г. Чернышевский воплощает в Асе лучшие черты современной девушки: неуступчивость, решительность, силу духа. «...Это девушка очень милая, с благородной душой, с удивительною силой характера…, которую нельзя не полюбить, перед которой нельзя не благоговеть…» [13].

Критик ценит ее за смелость и совершенный подвиг, назначив свидание господину Н.Н. Ася сохранила свою невинность, не поддавшись влиянию светского воспитания, насыщенного обманом и лицемерием. С ранних лет она стремилась к самостоятельности и независимости, всегда выделяясь своим мнением и четкой позицией. Она научилась слушать свое сердце, что позволило ей сохранить чистоту своих чувств и искренность, а также душевность, естественность и простоту в отношениях с окружающими.

Лиза Калитина – героиня романа «Дворянское гнездо». Ее характер и душевная красота резко контрастируют с другими персонажами произведения, делая её особенной и запоминающейся. Она обобщает в себе лучшие качества, стоящие на стыке идеалов и реальности своего времени. Лиза представлена как глубоко чувствующая натура, обладающая цельностью характера и внутренней красотой, что выделяет её на фоне других персонажей произведения. Тургенев мастерски создает образ Лизы, позволяя читателю увидеть её внутренний мир. Её мысли и чувства раскрываются в диалогах и размышлениях, что показывает её глубокую привязанность к родным и земле. Лиза пытается сохранить традиции и ценности своего дворянского гнезда, несмотря на назревающие изменения в обществе. Галина Винникова в книге «Тургенев и Россия» называет Лизу «самой русской девушкой» [9]. Несмотря на скромность, молчаливость и чрезмерную серьезность, она привлекает своим внутренним миром. Как и другие героини, Лиза не обладает яркой внешностью: «…стройная, высокая черноволосая девушка лет девятнадцати…» [4]. Лиза была образованной девушкой, трудолюбивой, терпеливой и являлась патриотом своей Родины. У Лизы была привита любовь к религии: «– Она к обедне шла, – продолжал Лаврецкий. – Разве она богомольна? – Да, Федя, очень. Больше нас с тобою, Федя» [4]. В контексте труда Д.И. Писарева можно отметить, что Лиза является представительницей нового женского типа, стремящегося к самовыражению и свободе. Это особенно ярко проявляется в её отношении к любви и семье. Согласно анализу В.И. Марковича, Лиза символизирует надежду на возможные перемены, в то время как её окружение часто демонстрирует инертность и бездействие. В контексте труда Д.И. Писарева можно отметить, что Лиза является представительницей нового женского типа, стремящегося к самовыражению и свободе. Это особенно ярко проявляется в её отношении к любви и семье. Кроме того, критики, как Винникова, подчеркивают, что внутренние конфликты Лизы отражают противоречия эпохи. Она находится на распутье между долженствованием и личными желаниями, что делает её образ многогранным и реалистичным. Лиза Калитина становится олицетворением утончённой интеллигенции, представляющей идеалы, которые испытывают давление со стороны материальной действительности. Это делает её образом не только эстетически привлекательным, но и социально значимым, отражая глубокие метания русской души в XIX веке.

Елена Стахова – героиня романа «Накануне», которая относится к «новому» типу женщин, поскольку на протяжении всего произведения она показывает свою независимость и самостоятельность, она становится «жертвой» любви. Елену сложно причислить к красавицам, она не обладает яркой и запоминающейся внешностью: «Росту она была высокого, лицо имела бледное и смуглое, большие серые глаза под круглыми бровями, окруженные крошечными веснушками, лоб и нос совершенно прямые, сжатый рот и довольно острый подбородок.» [5]. В жизни героини значительную роль играет настоящая любовь, она самостоятельно выбирает себе жениха по зову своего сердца. Литературовед Л.М. Лотман отмечает, что героиня: «Выбирает из четырех претендентов на её руку, из четырех идеальных вариантов, ибо каждый из героев – высшее выражение своего этико-идейного типа» [12].

Девушка переходит от неудовлетворенности свойственным образом жизни к самостоятельному и независимому выбору судьбы, к самопожертвованию во имя родины ее возлюбленного и вступает в освободительную борьбу Болгарии, оставив свою семью в родных краях, ведь это было важно для ее любимого. Овсянников-Куликовский увидел в Елене: «…, во-первых, большая сила характера, почти мужского, способность к инициативе и борьбе с препятствиями, и, во-вторых, напряженная работа мысли и чувства» [14], также он считает, что в поступке героини присутствует эгоизм.

И.С. Тургенев описывает её как человека, полагающегося не только на внешние обстоятельства, но и на внутренние стремления. В разрезе анализа Д.И. Писарева, Елена демонстрирует новый тип женщины, которая стремится не просто к любовным приключениям, а к интеллектуальному и эмоциональному саморазвитию. Она представляет собой образец противоречивых эмоций: любовь и необходимость выбора, мечты и реальность, долг и желание.

Выводы

Образы героинь И.С. Тургенева психологичны и уникальны, но в каждой из них писатель ценит порядочность, преданность, образованность и умение любить. Тургенев в своих произведениях создает живую картину внутреннего мира своих героинь, подчеркивая их личные стремления и страхи. Их судьбы служат индикаторами моральных и социальных изменений в обществе.

Тип «тургеневской девушки» можно охарактеризовать несколькими основными чертами:

1. Интеллектуальная самобытность: Герои Тургенева, как правило, стремятся к глубокому пониманию жизни и самих себя. Это касается как Елены Стаховой, так и других персонажей, которые задаются вопросами о смысле своего существования.

2. Эмоциональная тонкость: Эмоции «тургеневских девушек» полны глубины и сложности. Например, в «Накануне» Елена не только влюблена, но и испытывает страх перед будущим, что отражает общий настрой героинь Тургенева.

3. Стремление к свободе: Многие персонажи, такие как Ася, демонстрируют желание вырваться из традиционных социальных рамок. Это стремление к свободе пронизывает их внутренние конфликты и порой приводит к трагическим последствиям.

П.В. Анненков в своей статье «Молодость И.С. Тургенева 1840 – 1856» отметил, что «Тургенев сделался идолом прекрасной половины человеческого рода» [16]. Их глубина, эмоциональная тонкость и стремление к самореализации создают уникальный литературный феномен, который остается актуальным в свете современных дискуссий о гендерных ролях и идентичностях. Исследование этих характеров открывает новые горизонты понимания русской культуры и ее женского начала.

Список источников

1. Тургенев И.С. Затишье: сборник сочинений в 10-ти т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 5 – 61.

2. Тургенев И.С. Фауст: сборник сочинений в 10-ти т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 118 – 149.

3. Тургенев И.С. Ася: сборник сочинений в 10-ти т. Т. 6. М.: Правда, 1968. С. 368 – 414.

4. Тургенев И.С. Дворянское гнездо: сборник сочинений. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1976. С. 9 – 134.

5. Тургенев И.С. Накануне: сборник сочинений в 10-ти т. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 7 – 122.

6. Писарев Д.И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Литературная критика.: с 3-х т. Т. 1. Ленинград: Художественная литература, 1981. С. 179 – 229.

7. Маркович В.И. Человек в романах И.С. Тургенева. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975.

8. Маслов С.А. Русская литература и женский характер: от Тургенева до современных авторов. М.: Русский путь, 2023.

9. Винникова Г. Дворянское гнездо // Тургенев и Россия. М.: Изд-во «Советская Россия», 1977. С. 143 – 163.

10. Колесников Д.Е. Тургеневская героиня: категории, тенденции, развитие. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2010.

11. Коровиченко Т.Ю. Тургенев и его героини: отражение времени и женской психологии. Краснодар: Южный федеральный университет, 2021.

12. Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов IXI века (Истоки и эстетическое своеобразие). URL: http://lotman.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5848

13. Чернышевский Н.Г. Русский человек на rendez-vous (Размышления по прочтении повести Тургенева «Ася»). URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0260.shtml

14. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Женские типы в произведениях Тургенева. URL: http://az.lib.ru/o/owsjanikokulikowskij_d_n/text_1895_02_turgenev_i_tolstoy_oldorfo-1.shtml

15. Недзвецкий В.А. И.С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя. URL: http://turgenev21.ru/index.php?title=И.С._Тургенев:_логика_творчества_и_менталитет_героя_(Недзвецкий_В.А.,_2008)&oldid=8538

16. Анненков П.В. Молодость И.С. Тургенева 1840-1856. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0376.shtml

References

1. Turgenev I.S. Calm. Collected works: in 10 vol. Vol. 6. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1962. P. 5 – 61.

2. Turgenev I.S. Faust. Collected works: in 10 vol. Vol. 6. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1962. P. 118 – 149.

3. Turgenev I.S. Asya. Collected works: in 10 vol. Vol. 6. Moscow: Pravda, 1968. P. 368 – 414.

4. Turgenev I.S. Nest of the Gentry. Collected works. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatelstvo, 1976. P. 9 – 134.

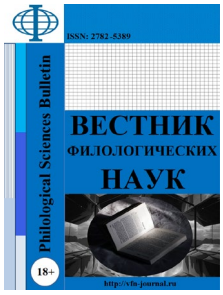
5. Turgenev I.S. On the Eve. Collected Works: in 10 vol. Vol. 3. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1961. P. 7 – 122.
6. Pisarev D.I. Female Types in Novels and Stories by Pisemsky, Turgenev, and Goncharov. Literary Criticism: from 3 vol. Vol. 1. Leningrad: Fiction, 1981. P. 179 – 229.
7. Markovich V.I. Man in the Novels of I.S. Turgenev. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1975.
8. Maslov S.A. Russian Literature and Female Character: from Turgenev to Contemporary Authors. M.: Russkiy put, 2023.
9. Vinnikova G. Dvoryanskoe gnezdo. Turgenev i Rossiya. M.: Publishing house "Soviet Russia", 1977. P. 143 – 163.
10. Kolesnikov D.E. Turgenev's heroine: categories, trends, development. Ekaterinburg: Ural. University, 2010.
11. Korovichenko T.Yu. Turgenev and his heroines: a reflection of time and female psychology. Krasnodar: Southern Federal University, 2021.
12. Lotman L.M. Realism of Russian literature of the 60s of the 9th century (Sources and aesthetic originality). URL: http://lotman.pishkinskijdom.ri/Defaïlt.aspx?tabid=5848
13. Chernyshevsky N.G. Russian man on rendez-vois (Reflections on reading Turgenev's story "Asya"). URL: http://az.lib.ri/c/chernyshevskyj_n_g/text_0260.shtml
14. Ovsyanniko-Kulikovsky D.N. Female types in Turgenev's works. URL: http://az.lib.ri/o/owsjanikokilikowskij_d_n/text_1895_02_tirgenev_i_tolstoy_oldorfo-1.shtml
15. Nedzvetsky V.A. I.S. Turgenev: the logic of creativity and the mentality of the hero. URL: http://тиrgenev21.ri/index.php?title=I.S._Turgenev:_logika_tvorchestva_i_mentalite_geroya_(Nedzvetskiy_V.A.,_2008)&oldid=8538
16. Annenkov P.V. Youth of I.S. Turgenev 1840-1856. URL: http://az.lib.ri/t/тиrgenew_i_s/text_0376.shtml

Информация об авторах

Реут Е.Н., *Дагестанский государственный университет, ekaterina200006@gmail.com*

Пашаева Т.Н., *Дагестанский государственный университет*

© Реут Е.Н., Пашаева Т.Н., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 11 / 2024, Vol. 4, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.41

[1] Шамсудинова Б.Ш., [1] Нурбагандова Л.А. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Жанрово-тематические особенности телеканала ГТРК «Дагестан»

Аннотация: *в данной статье на конкретных примерах раскрываются жанрово-тематические особенности телеканала ГТРК «Дагестан», который является одним из ведущих региональных телеканалов на Северном Кавказе, освещающим события в Дагестане и прилегающих регионах. Вещает на 13 национальных языках. Автором в работе будут рассмотрены история и структура телеканала, проанализирован жанровый состав и тематические приоритеты его программ, а также оценено влияние этих особенностей на формирование медиапространства Дагестана.*

Ключевые слова: *телевидение, телеканал, жанр, тематика, интервью, беседа, программа, ток-шоу, ведущий*

Для цитирования: Шамсудинова Б.Ш., Нурбагандова Л.А. Жанрово-тематические особенности телеканала ГТРК «Дагестан» // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 11. С. 163 – 168.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 30 ноября 2024 г.

[1] Shamsudinova B.Sh., [1] Nurbagandova L.A. ***[1] Dagestan State University***

Genre and thematic features of the TV channel GTRK «Dagestan»

Abstract: *this article uses specific examples to reveal the genre and thematic features of the TV channel GTRK Dagestan, which is one of the leading regional TV channels in the North Caucasus covering events in Dagestan and adjacent regions. It broadcasts in 13 national languages. The author will consider the history and structure of the TV channel, analyze the genre composition and thematic priorities of its programs, and assess the impact of these features on the formation of the media space of Dagestan.*

Keywords: *television, TV channel, genre, subject, interview, conversation, program, talk show, presenter*

For citation: Shamsudinova B.Sh., Nurbagandova L.A. Genre and thematic features of the TV channel GTRK «Dagestan». Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (11). P. 163 – 168.

The article was submitted: October 28, 2024; Approved after reviewing: November 09, 2024; Accepted for publication: November 30, 2024.

Введение

На сегодняшний день телевидение является преобладающим источником информации, охватывающим широкий спектр возрастных групп. Многофункциональность телевидения – от информирования и образования до развлечения и рекреации – делает его важным элементом информационной среды. Современное телевещание характеризуется размытием жанровых границ, где новостные передачи интегрируют элементы публицистики и аналитики. Конкуренция между телеканалами способствует высокой информационной

насыщенности и оперативности передачи контента, что отражает стремление журналистов предоставить максимально полную и актуальную информацию. Формирование информационного общества в 21 веке, где информация становится глобальным товаром, подчёркивает непреходящую роль телевидения как инструмента массовой коммуникации [3, с. 78].

Региональные телеканалы, играя ключевую роль в информационном пространстве, выполняют важную функцию представительства локальных культурных, социальных и политических особенностей. ГТРК "Дагестан", как один из ведущих телеканалов на Северном Кавказе, освещает события в Дагестане и смежных регионах, формируя специфическую медийную повестку. Исследование жанрово-тематического спектра ГТРК "Дагестан" позволяет проанализировать его влияние на медиаландшафт региона. Данный анализ позволяет ответить на ряд ключевых вопросов: как телеканал отражает и конструирует региональную информационную повестку, какие жанры и тематики наиболее востребованы местной аудиторией, и как ГТРК "Дагестан" реагирует на трансформации медиасферы в современном информационном пространстве. Детальное изучение этих аспектов предоставляет ценную информацию о взаимодействии телеканала с местной аудиторией, динамике его адаптации к региональным потребностям и его роли в формировании культурной идентичности региона. Понимание этих механизмов критически важно для анализа функционирования региональных медиа в условиях динамичного развития медиаландшафта и цифровизации [6, с. 144].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения региональных СМИ, их роли в информационном обеспечении населения и сохранении культурного наследия региона. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования программной политики телеканала, разработки стратегий развития региональных СМИ и повышения эффективности их деятельности.

Основная цель исследования нашей научной работы – изучение жанрового и тематического содержания телепрограмм ГТРК Дагестан, выявление специфики регионального телевещания. Из этого исходят задачи, которые нужно будет решить в ходе нашей научной работы:

1. Провести контент-анализ телепрограмм ГТРК Дагестан по различным жанрам и тематическим направлениям.
2. Выявить основные жанрово-тематические тенденции в вещании телеканала.
3. Определить особенности освещения региональных новостей и событий на телеканале ГТРК Дагестан.
4. Проанализировать роль телеканала в формировании общественного мнения и сохранении культурного наследия Дагестана.

Материалы и методы исследований

В рамках данного исследования были использованы следующие методологические подходы: теоретический анализ имеющейся научной литературы, направленный на выявление существующих концепций и положений, релевантных предмету исследования; дескриптивный контент-анализ телевизионных программ ГТРК "Дагестан", включающий в себя систематическое и структурированное изучение их содержания (жанров, тем, сюжетов и т.д.); а также обзор и ретроспективное изучение существующих телевизионных материалов. Эти методы позволили получить комплексное представление о исследуемом феномене.

Результаты и обсуждения

Телеканал ГТРК Дагестан, как региональный медиа-ресурс, обладает своим уникальным форматом, который определяется несколькими основными свойствами.

Один из ключевых аспектов формата ГТРК «Дагестан» является сочетание различных жанров программ, которые представлены на канале. В структуре телекомпании функционирует 3 редакции:

1. Редакция новостей, которая выпускает ежедневные информационные программы, освещает актуальные события в республике и за ее пределами, готовит репортажи, сюжеты и интервью с экспертами и участниками событий.
2. Тематическая редакция, цель которой создание общественно-политических и развлекательных программ, а также документалистика.
3. Спортивная редакция, которая занимается освещением важных спортивных событий в республике, а также знакомит аудиторию со спортсменами из Дагестана.

Сетка вещания на телевидении формируется путем распределения программ по времени и дням недели. Процесс формирования сетки включает в себя следующие шаги:

1. Программирование контента: телеканалы приобретают или производят различные программы, передачи, сериалы, фильмы и другие видеоматериалы для вещания.
2. Расписание: программы распределяются по определенным временным слотам в течение дня и недели. Например, утренние шоу, новостные программы, сериалы вечером и т.д.

3. Реклама: в сетке вещания также учитывается размещение рекламы. Рекламные блоки вставляются между программами или во время их перерывов.

4. Повторы: некоторые программы могут повторяться в разное время или дня недели для привлечения большей аудитории.

5. Специальные мероприятия: кроме регулярных программ, сетка вещания также может включать специальные мероприятия, такие как прямые трансляции спортивных событий, концертов и премьер фильмов.

6. Анализ и корректировка: после того как сетка вещания сформирована, она может подвергаться анализу рейтингов и отзывов зрителей, что может привести к корректировкам в расписании или выборе контента.

Это общий процесс формирования сетки вещания на телевидении, который зависит от стратегии канала, целевой аудитории и других факторов.

Жанровое разнообразие позволяет привлечь аудиторию разного возраста и интересов, делая контент телеканала более привлекательным и доступным для широкой аудитории [4, с. 43].

Жанр в тележурналистике представляет собой определенную формулировку, шаблон или стандарт, по которому строится определенный тип медиа-материала. Жанры являются своеобразными категориями, определяющими стиль, особенности презентации и цели сообщений в рамках медийной деятельности.

Жанровая структура в тележурналистике закладывает основу для организации и классификации разнообразных программ и материалов. Она включает в себя различные категории жанров – информационные, аналитические и художественно-публицистические [1, с. 186].

СМИ, выделяя приоритетные новости, не просто доносят информации, а определяют ее важность для аудитории. Журналисты ранжируют новости по значимости, ориентируясь на свое восприятие.

Жанрово-тематическое своеобразие программ телеканала ГТРК Дагестан отражает многообразие культурных, исторических и образовательных аспектов региона. Важным элементом программного формата является литературно-художественный канал национального вещания на тринадцати языках Дагестана, который играет значительную роль в сохранении и продвижении местной литературы и искусства. Жанровая насыщенность канала, несмотря на ограниченное время вещания, разнообразна. На телеканале ГТРК Дагестан это такие жанры как сюжет, репортаж, отчет, информационное и аналитическое интервью, беседа, ток-шоу, реалити-шоу, трэвл-шоу и документалистика.

Канал ГТРК «Дагестан» вещает 3 часа в день, если говорить о буднях, и 2 часа 30 минут в выходные. Выпуски новостей выходят в 7:30, 8:30, 14:30, 17:30, 21:05. Утренние выпуски могут включать в себя всего 1-2 сюжета длительностью по 3 минуты. Длительность вечернего выпуска новостей составляет около 10-13 минут. Повестка дня на данном канале формируется под воздействием политических, патриотических, культурных и экономически важных событий. Сначала идут материалы, которые направлены на воспитание патриотического духа в молодом поколении, далее идут материалы культурной или спортивной направленности, если есть инфоповод. Их хронометраж составляет 2-4 минуты. Материалы с политическим и экономическим содержанием обычно всегда дают в начале выпусков. Следует отметить, что хронометраж сюжетов, репортажей на тему политики, экономики или другие проблемные темы республики 5-7 минут.

Рассмотрим некоторые жанры более подробно. Интервью - наиболее распространённый жанр вещания. Распространённая ошибка начинающих интервьюеров – убеждение, что спрашивать легче, чем отвечать. Интервью - это совместное творчество, где успех во многом зависит от ведущего. В своих вопросах журналист должен предвидеть те вопросы, которые могли бы задать сами зрители, слушатели или читатели. Для этого интервьюер должен хорошо подготовиться к беседе: составить список вопросов на основе изучения досье собеседника (в случае его наличия), изучения предыдущих выступлений собеседника, а также выяснить информацию о нем из различных источников, таких как коллеги, члены семьи и другие знающие люди [2, с. 54].

Интервью в структуре телеканала ГТРК «Дагестан» используется в разных программах, как элемент, и как отдельная программа. Тематика жанра интервью разнообразна. Это – образование, медицина, политика, спорт, культура, экология, военная и патриотическая тематика.

Как отдельная программа наиболее популярна «Акутальное интервью». Программа предполагает проведение интервью с экспертами или общественными деятелями по различным темам, актуальным для региона. Основное внимание уделяется обсуждению важных событий, проблем и тенденций, которые имеют значение для зрителей.

Передача "Актуальное интервью" ориентирована на широкую аудиторию, интересующуюся государственными, социальными и политическими вопросами, а также поиском объективной информации и мнений высокопоставленных лиц. По описанной концепции и формату, передача "Актуальное интервью" на ГТРК Дагестан соответствует жанру интервью. Ведущие данной передачи – Назира Алиева и Давид Кумаев. Тема-

тика зависит от событий, происходящих как в республике, так и в стране. Выходит передача 3-4 раза в неделю. Время выхода в эфир – с 16:30 до 17:00 на канале Россия 1, с 21:03 до 21:30 на канале Россия 24.

Жанр, по форме близкий к интервью это беседа. Это один из самых популярных жанров в телевизионной журналистике, позволяющий динамично общаться с героями, раскрывать их точку зрения, вызывать интерес у зрителей и создавать эффект присутствия. Как писал Тертычный в своих трудах, в беседе корреспондент и собеседник выступают равноправными участниками диалога. Вопросно-ответной форме интервью в беседе соответствует обмен равнозначными репликами, суждениями и размышлениями. Благодаря этому журналист-собеседник может получить более широкий спектр информации, чем журналист-интервьюер, который придерживается строгой вопросно-ответной структуры [7, с. 98].

Диалог создает ощущение непосредственного общения, что повышает интерес зрителя. Важно задавать вопросы, которые вызывают реакцию у героя, стимулируют его к размышлениям. Разные точки зрения и подходы, представленные в беседе, создают более глубокое понимание темы. На ГТРК «Дагестан» в жанре беседы выходят передачи «Круглый стол», «Утро. Суббота». Передача «Утро. Суббота» является еженедельной, всегда выходит по субботам на телеканале Россия 1 с 8:20 до 8:34.

Ток-шоу в структуре каждого канала является наиболее популярным и востребованным жанром. Наш объект исследования – ГТРК «Дагестан» тоже имеет в сетке вещания передачу в формате ток-шоу. Это еженедельное ток-шоу "Территория общения" с ведущими Назирой Алиевой и Эмилем Гаруновым. Программа посвящена обсуждению актуальных общественно-политических и социальных вопросов. Структура программы включает в себя:

– вступительное слово ведущего, в котором он представляет тему обсуждения и участников;
– обсуждение темы участниками, которые представляют различные точки зрения и мнения;
– вопросы от зрителей;
– заключительное слово ведущего, в котором он подводит итоги обсуждения и высказывает свое мнение по теме.

Участниками ток-шоу «Территория общения» являются – ведущие, эксперты в лице специалистов в обсуждаемой сфере, представителей общественных организаций, обычных граждан, которые могут поделиться своим опытом и мнениями по теме. Программа «Территория общения» охватывает широкий спектр тем, в том числе:

– Политические и экономические вопросы.
– Социальные проблемы (образование, здравоохранение, ЖКХ).
– Культурные и исторические темы.
– Экологические проблемы.
– Межнациональные отношения.

В обсуждении участвуют представители различных точек зрения, что позволяет всесторонне осветить обсуждаемую тему. Ведущие и участники программы стараются придерживаться объективной и беспристрастной позиции, предоставляя зрителям возможность самим сформировать свое мнение. Целевой аудиторией ток-шоу «Территория общения» являются жители Дагестана, которые интересуются общественно-политической и социальной жизнью региона. Программа ориентирована на широкий круг зрителей, независимо от возраста, пола или социального положения.

Несмотря на то, что жанр реалити-шоу – достаточно редкий на региональном телевидении, однако наш объект исследования включает данный жанр в сетку вещания. Это телевизионный жанр, в котором участники не являются профессиональными актерами, а находятся в специально созданной и контролируемой продюсерами среде. Эти шоу документируют реальные события и реакции участников, часто в форме соревнования или социального эксперимента. Это популярный телевизионный жанр, привлекающий большую аудиторию. Рассмотрим первое в Дагестане реалити-шоу для подростков «Возвращение. Дети. Первые».

Участники реалити-шоу – подростки в возрасте 14-17 лет. Это проект о времени. Современных дагестанских подростков перемещают в условия прошлого. Шоу непростое, так как погружает в историю, в особое место проживания, где все соответствует традициям прошлых лет. Целью реалити-шоу является повышение уровня знаний истории, географии, культуры и традиций народов Дагестана у подростков посредством погружения в условия жизни людей в Дагестане в XIX веке.

Контент телеканала, несмотря на ограниченные временные возможности, достаточно разнообразен, присутствует разножанровость. Направлен на разные группы аудитории. ГТРК Дагестан является важным информационным и культурным ресурсом для жителей республики, играет значительную роль в формировании общественного мнения и культурного пространства региона. Обеспечивает доступ к разнообразному и полезному контенту для зрителей всех возрастных категорий.

Выводы

Исследование, посвященное анализу жанрово-тематических особенностей регионального телеканала ГТРК «Дагестан», выявляет значимость этого медиа-ресурса в формировании информационной повестки и культурного дискурса в Республике Дагестан и на Северном Кавказе. ГТРК «Дагестан», являясь одним из ведущих региональных телеканалов, демонстрирует многоплановый подход к освещению событий, охватывая широкий спектр интересов зрительской аудитории.

Методологически исследование основано на комплексной оценке программной сетки телеканала, включающей в себя анализ новостных выпусков, информационно-аналитических программ, а также других жанров (развлекательных, познавательных) передач.

Результаты исследования подтверждают многопрофильный характер ГТРК «Дагестан». Особое значение придается освещению межэтнических отношений и сохранению традиций народов Дагестана, что отражает стремление телеканала выполнять социальную функцию в регионе.

Ключевые жанрово-тематические особенности ГТРК «Дагестан» включают широкий спектр жанров (от новостных и аналитических программ до развлекательных и документальных, обеспечивающих разнообразие контента), акцент на региональную специфику (освещение истории, культуры, традиций и обычаев народов Дагестана, что подчеркивает локальную идентичность), использование национальных языков (присутствие национальных языков в программах способствует сохранению и развитию языкового и культурного многообразия республики), взаимодействие с ключевыми структурами региона (оптимальное сотрудничество с государственными органами, общественными организациями и творческими союзами обеспечивает объективное и оперативное освещение событий в различных сферах жизни Дагестана) и профессиональный уровень журналистского корпуса (высокий уровень подготовки журналистов гарантирует достоверность и качество информации, что важно для формирования адекватного представления об обществе и происходящих событиях).

В заключение, исследование выявляет стратегию ГТРК «Дагестан» как телеканала, ориентированного на удовлетворение информационных и культурных потребностей региональной аудитории, способствующего формированию общественного мнения, сохранению и развитию культурного наследия Дагестана, и, одновременно, демонстрирующего высокую степень адаптации к динамичному информационному ландшафту.

Список источников

1. Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я. Телевизионная журналистика. М.: Высшая школа, 2002. 304 с.
2. Криницын Е. Как брать интервью. 8 мастер-классов от лучших журналистов России. М.: Альпина Паблишер, 2019. 164 с. URL: https://www.litres.ru/book/evgeniy-krinicyn/kak-brat-intervu-42154829/ (дата обращения: 16.10.2024).
3. Казакова Л.П. Психология массовых коммуникаций: учеб. пособие. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2014. 214 с. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01007980862 (дата обращения: 23.10.2024).
4. Лебедева Е. Журналистика и культура. М., 2022. 264 с.
5. Лазарева Э.А. Речь журналиста на телевидении. Екатеринбург: Изд-во «Уральский университет», 2000. 82 с.
6. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2011. 351 с. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004920408 (дата обращения: 11.09.2024).
7. Тертычный А.А. Аналитическая журналистика: учебное пособие для студентов. М.: Аспект Пресс, 2013. 176 с.

References

1. Kuznetsov G.V., Tsvik V.L., Yurovsky A.Ya. Television Journalism. Moscow: Higher School, 2002. 304 p.
2. Krinitsyn E. How to Interview. 8 Master Classes from the Best Journalists in Russia. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 164 p. URL: https://www.litres.ru/book/evgeniy-krinicyn/kak-brat-intervu-42154829/ (date of accessed: 16.10.2024).
3. Kazakova L.P. Psychology of Mass Communications: Textbook. Moscow: Ivan Fedorov Moscow State University of Printing Arts, 2014. 214 p. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01007980862 (date of access: 23.10.2024).
4. Lebedeva E. Journalism and Culture. Moscow, 2022. 264 p.
5. Lazareva E. A. Journalist's Speech on Television. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2000. 82 p.

6. Prokhorov E.P. Introduction to the Theory of Journalism: Textbook for University Students. Moscow: Aspect Press, 2011. 351 p. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004920408 (date of access: 11.09.2024).
7. Tertychny A.A. Analytical Journalism. Textbook for Students. M.: Aspect Press, 2013. 176 p.

Информация об авторах

Шамсудинова Б.Ш., *кафедра журналистики, Дагестанский Государственный университета, shams.baysat@gmail.com*

Нурбагандова Л.А., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра электронных СМИ, Дагестанский Государственный университет, mila7903@yandex.ru*

© Шамсудинова Б.Ш., Нурбагандова Л.А., 2024